
Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

90-летие «Молодой гвардии» 3

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Леонид ИВАШОВ. Геополитика Великой Победы	6
Сергей СОКУРОВ. Генерал-Характер	12
Валерий ГАНИЧЕВ. Великие вехи	18
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	76
Сергей СЕРОВ. На пороге новой войны	156
Иерей Сергей КАРАМЫШЕВ. Медвежья услуга парламентаризму в России	163
Эмма МЕНЬШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни	224

ПРОЗА

Михаил ЕСЬКОВ. Два рассказа	24
Нина БОЙКО. Короткие рассказы	46
Василий КИЛЯКОВ. Рассказы	114
Михаил ГОДЕНКО. Исповедь для внука. Отрывок из повести	169

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН. Расскажи мне, река... ..	65
Юрий ВОРОТНИН. На вечной дороге	70
Валентина БЕЛОУСОВА. Шиповник цветёт	151
Стихи поэтов России	255

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Игорь ГЕРАСИМОВ. Война против человечества	179
Анатолий САМАРИН, Людмила ФИОНОВА, Юрий ЛИСОВСКИЙ. Технология борьбы	184
Елена ПОНОМАРЁВА. Психологическая война	204

ДОСЬЕ «МГ»

Борис БОРИСОВ. Голодомор по-американски	214

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления и воспоминания	259

90-летие «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»

В это трудно поверить, но «Молодой гвардии» уже 90 лет! Основанный в мае 1922-го, наш журнал, пройдя вместе со страной героический путь побед, взлётов и трагических испытаний, достиг высокого возраста. Из всех существующих ныне литературных журналов старше нас нет никого. Наш опыт — это большая, уникальная история, о которой еще будут написаны книги.

Сколько идеологических и литературных бурь отшумело на страницах «Молодой гвардии» за минувшие годы! Великие события XX века, его достижения и утраты, раскаленные страсти человеческих отношений и духовные поиски владели умами и сердцами наших лучших писателей и публицистов. «Молодой гвардии» вверяли свои произведения молодые, еще малоизвестные в двадцатые годы прошлого века поэты и прозаики: Сергей Есенин, Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Вячеслав Шишков, Дмитрий Фурманов, Александр Фадеев, Николай Островский.

Рождался новый литературный герой, стойкий, созидающий, честный и принципиальный. Насильно лишенный веры в Бога, он генетически сохранил в себе духовную силу и крепь характера, которые помогли отстоять Отечество в тяжкие годы народных трагедий.

С середины 60-х годов, с назначением на пост главного редактора журнала Анатолия Никонова, вокруг «Молодой гвардии» начал формироваться стойкий патриотический авторский коллектив. Именно в те годы на страницах журнала появились знаменитые, вызвавшие широкую полемику «Письма из русского музея» Владимира Солоухина, национально ориентированные, духоподъемные публикации Л.Леонова, В.Чивилихина, художника И.Глазунова, скульптора С.Конёнкова, исследователей литературы М.Лобанова, В.Чалмаева, В.Кожина.

С журналом стали сотрудничать писатели послевоенной поры: М.Алексеев, Ю.Бондарев, А.Иванов, И.Шевцов, В.Федоров, И.Стаднюк, П.Проскурин, В.Шукшин и следом идущие за ними Н.Рубцов, Н.Кузьмин, Б.Примеров, Ф.Чуев, В.Цыбин, Ст.Куняев, С.Семанов, Э.Володин.

Долгие годы журналом руководил горячо любимый народом писатель Анатолий Иванов. В так называемое «перестроечно-реформаторское» время, в состоянии всеобщего развала и моральной деградации общества он, а позже Александр Кротов сумели сохранить национально-патриотическое направление журнала.

И всегда на страницах «Молодой гвардии» мы говорили правду, какой бы горькой она ни была. В горбачевско-предательские, в переворотные 90-е и в либерально-разрушительные годы мы открыто и бескомпромиссно держали твёрдую, честную, государственническую позицию, непримиримую к внутренним врагам Отечества. Много раз пытались нас закрыть, запугать, задушить экономически. Но мы выстояли и продолжаем отстаивать честь нации, бороться за нравственность, правду и сохранение страны. Хотя, конечно, в этой жестокой борьбе мы потеряли многих своих коллег, товарищей, талантливых авторов: А.Игошева, Н.Кузьмина, Т.Глушкову, В.Дёгтева, В.Рогова, С.Семанова, В.Фирсова, В.Илюхина...

России нужны перемены. Вот уже 90 лет «Молодая гвардия» не сходит с передовой линии огня, энергична и отважна в защите истинных нравственных ценностей, внимательна к новым талантам и беспощадна к литературной пошлости. Как и прежде, это один из острейших и актуальнейших журналов современности. Всеми своими публикациями мы говорим, что во имя спасения Отечества нужно прежде всего дать ход русскому патриотическому духу, патриотической энергии. Только в упорчении национального самосознания, государственности, народности и Православия — залог духовной стойкости нашей России.

Поздравляем с юбилеем журнала вас, дорогие наши читатели, чьё равнодушное отношение к судьбе Родины и народа помогает нам в нелёгком пути. Правду и свет победить нельзя.

Главный редактор Валерий ХАТЮШИН
Генеральный директор Евгений ЮШИН

Дорогие «молодогвардейцы»!

Ваш журнал — одно из наиболее значительных явлений не только русской литературы, но и отечественной истории. Вместе с такими легендарными авторами журнала, как Михаил Шолохов и Леонид Леонов, Юрий Бондарев и Михаил Лобанов, Петр Проскурин и Анатолий Иванов, Владимир Солоухин и Николай Рубцов страна наша обрела высокие духовные смыслы, а народ наш укрепил основы своей национальной жизни.

Особую роль в пробуждении русского национального самосознания журнал сыграл в 60-е—80-е годы прошлого века, когда его возглавляли Анатолий Никонов и Анатолий Иванов.

В последние десятилетия, ознаменованные, к сожалению, также и многими потерями, «Молодая гвардия» не только выстояла, но и сохранила свои созидательные традиции. Журнал продолжает собирать на своих страницах многие наиболее значимые литературные имена. Проза и публицистика «Молодой гвардии» — это ценнейший духовный клад нашего времени, поистине золотой фонд современной культуры и русского мировоззрения. Благодаря проводимому журналом Всероссийскому поэтическому конкурсу имени Сергея Есенина была открыта читателям целая плеяда ярких современных поэтов.

От всей души поздравляю редакцию журнала «Молодая гвардия», всех её авторов и читателей с 90-летием!

Желаю журналу и впредь оставаться одним из наиболее значимых, смелых и ярких литературных изданий.

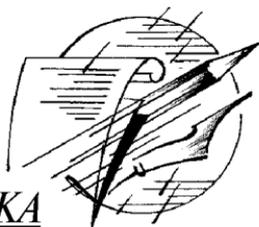
Валерий ГАНИЧЕВ,

председатель Правления Союза писателей России

ГЕОПОЛИТИКА ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Мы повторяем: «Великая Победа», «всемирно-историческое значение победы советского народа...», «победа, изменившая мир», не задумываясь порой над глубочайшим смыслом этих слов, над масштабом подвига, совершенного советским солдатом, русским народом... В освещении событий Второй мировой войны и её результатов преобладают военные действия, фронтовые победы или поражения, действующими лицами выступают вооруженные силы, штабы, полководцы. И это правильно, но недостаточно. Дело в том, что развязала войну и вела сражения ее величество Геополитика, которая мыслит категориями исторических эпох, планетарных пространств, мировых цивилизаций.

В предвоенную эпоху мир оставался европоцентричным, его геополитическая структура была неустойчивой, в мировые процессы включались новые исторические игроки в лице США, СССР, мировой финансово-промышленной «закулисы». Советский Союз к началу войны не обладал статусом мировой державы, возможностью воздействия на мировые процессы и слабо мог влиять на европейскую по-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

литику. Ведущим субъектом в этом отношении выступал Запад. К счастью для народов СССР, Запад был разобщен, поскольку базировался на двух противостоящих культурно-цивилизационных матрицах: романо-германской и англосаксонской. К тому же шла скрытая борьба между США и Англией за лидерство в мировой океанской зоне, развивалось острейшее противоборство между Германией и Францией в Европе. «Мировая закулиса» поощряла военные приготовления ведущих стран Запада. И хотя Запад формировал мировые процессы, ни Америка, ни Европа не были способны предложить человечеству обновляющие общественное развитие идеи, смыслы, новую философию международных отношений. Запад предлагал только войну — за передел колоний, захват новых территорий и ресурсов, за сверхприбыли.

Талантливый немецкий философ В. Шубарт в 1938 году в работе «Европа и душа Востока» так характеризовал состояние Западной цивилизации: «...в Европе возникают симптомы культурной усталости, пресыщенности, духовных падений... Европейский континент охватывает нарастающее беспокойство. Запад подарил человечеству самые совершенные виды техники, государственности, но лишил его души». И далее: «Грандиозное событие, которое готовится, — это восхождение славянства как ведущей культурной силы. Возможно, кому-то это режет слух, но такова судьба истории, которую никому не дано остановить: грядущие столетия принадлежат славянам» (В.Шубарт. Европа и душа Востока. М., 2003, с. 29).

Свои выводы Шубарт делал на основе успехов Советской России, роста международных симпатий к стране социализма. Поэтому у Запада возникала еще одна причина для войны: остановить «восхождение славянства» и на западе Европы (Балканы, Чехословакия, Польша), и на востоке (Россия, Беларусь, Украина). Отнюдь не случайно планом «Ост», утвержденным 12 июня 1942 года, предусматривалось уничтожение 30 миллионов русских, белорусов, украинцев, выселение из захваченных территорий до 71 млн. человек, в том числе 85 проц. поляков, 65 проц. украинцев, 75 проц. белорусов, 50 проц. чехов. (Н. Кикешов. Славяне против фашизма. М., 2005, с. 453).

С балканскими славянами гитлеровцы к 1942 году уже разобрались, правда, как оказалось, не до конца. Советское руководство сознавало угрозу войны с Западом, опасность фашизма, о чем четко было заявлено еще 16 декабря 1933 года в газете «Правда»: «...фашисты стремятся к новому переделу мира, проводят курс на развертывание агрессии во всем мире». Главной для СССР в предвоенные годы становилась задача остановить войну через создание системы кол-

лективной безопасности в Европе, через двусторонние и многосторонние соглашения. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление о развертывании борьбы за коллективную безопасность в Европе. В 1934 г. СССР предлагает заключить Восточный пакт о взаимной помощи с участием Чехословакии, Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии, СССР и отдельно с Францией. Однако ведущие страны Европы делают все возможное, чтобы договоренности не состоялись (министр иностранных дел Франции Л. Барту подержал советские инициативы и тут же был зверски убит).

Франция и Британия всеми силами пытались направить Гитлера на Восток, намереваясь решить разом и проблему Германии, и проблему России. Тем, кто сегодня пытается поставить на одну доску СССР и Германию, Сталина и Гитлера, рекомендую взять в руки американский еженедельник «Тайм» от 2 января 1939 г. На лицевой обложке — портрет фюрера и пафосное сообщение: Гитлер признан человеком года (1938-го, после Мюнхена); в статье, посвященной фюреру, выражается надежда на то, что 1939 год станет для него еще более успешным.

Я снова обращаюсь к Вальтеру Шубарту. В 1938 году он писал: «Вопрос не стоит так: Третий рейх или Третий Интернационал, фашизм или большевизм. Нет, речь идет о мировом историческом конфликте между частью света Европой и частью света Россией, между западноевропейским и евразийским континентами» (там же, с. 453). А это уже — большая геополитика, причем в британско-американской версии (Х. Маккиндер, А. Мэхэн), утверждающая неизменную нацеленность морских держав на завоевание или разрушение «хартленда», то есть России. Эти же авторы настойчиво трубили о недопущении союза континентальных России и Германии как смертельно опасного для США и Британии. Да и Ллойд-Джордж, в бытность его премьер-министром Англии, взывал к королю и парламенту: «Традиции и жизненные интересы Англии требуют разрушения Российской империи, чтобы обезопасить английское господство в Индии и реализовать английские интересы в Закавказье и Передней Азии» (А. Мартиросян. За кулисами мюнхенского сговора. М., 2008, с. 15). Так что не противостояние Сталина и Гитлера или их сговор привели ко Второй мировой войне, а геополитика западных держав.

Другой характерной чертой общественной жизни предвоенного Запада было формирование фашистских режимов (Италия, Германия, Испания, Португалия) и распространение идеологии фашизма как реакции на итоги Первой миро-

вой войны и мировой кризис капитализма. И за подготовкой новой мировой войны стояла западная финансовая олигархия. Гитлер — это продукт геополитических комбинаций Запада, а не реакция на советскую политику, на большевизм. Более всего в Гитлере были заинтересованы финансовые воротилы западных держав, особенно элита Великобритании.

И еще один теневой фактор присутствовал на пороге Второй мировой войны — религиозный. В Гитлере идеологи западных течений христианства видели инструмент для покорения ослабленного революцией и советской властью православного мира. Как и в 90-е гг. XX столетия, в 30-е гг. Ватикан активно «работал» на Балканах по расшатыванию православной веры и насаждению католицизма. Гитлера пестовали и католики, и всевозможные протестантские секты, нацеливая его на Восток, понимая, что, несмотря на атеистическую риторику, в Советской России реализуется обновленный геополитический концепт «Третьего Рима». Свидетельствует Арнольд Тойнби: «Агрессия на протяжении столетий является единственной формой общения Запада с внешним миром... хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада — агрессорами» (А. Тойнби. Цивилизации перед судом истории. М., 1996, с. 106).

На полях предстоявших сражений сошлись три политико-идеологические системы — либерализм, фашизм и социализм. За ними стояли соответствующие религиозные системы, а также финансовый, фашистский и коммунистический интернационалы. У каждой из систем существовали свои геополитические концепции. Причем еще в 1925 г. будущий фюрер в «Майн кампф», вопреки выводам немецких геополитиков (Ф. Ратцель, К. Хаусхофер), военных стратегов и заветашнику Бисмарка, четко заявил: Италия и Англия — союзники Германии, Франция смертельный обидчик, а Россия — главный объект завоевания: «Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, имеем в виду только Россию».

Цели сторон: англосаксонская геополитическая доктрина нацеливалась на абсолютное мировое господство; немецкая — на фашистский мировой порядок при абсолютном доминировании арийской расы, фашистской форме власти на всей планете и иерархическом соподчинении всех остальных народов земли, в зависимости от цвета кожи, крови, уровня «цивилизованности». Советская геополитическая доктрина предусматривала коренное изменение существующего миропорядка в пользу социальной справедливости, иной

смысл жизни человека (приоритет общинных ценностей), равенство всех народов, мир без войн и аннексий. Советская элита после изгнания из её рядов Троцкого не ставила цели управлять человечеством, тем более — господствовать над ним. Приглашаю подтвердить мой тезис выдающегося британского историка А. Тейлора: «Русские не стремились властвовать, не хотели распространять коммунизм. Они желали безопасности, и лишь коммунисты и их попутчики могли ее обеспечить» (А.Тейлор. Вторая мировая война. М., 1955, с. 539).

22 июня 1941 года соотношение сил в мире изменилось коренным образом: СССР, социализм, русский народ стали последней надеждой человечества на спасение от коричневой чумы. Впервые в человеческой истории народы мира молились на русского солдата... Сообразив, что с Гитлером вышла промашка, Черчилль уже 22 июня 1941 г., обращаясь к нации, заявил: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я... Но теперь все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам». 24 июня о том же объявил американцам президент США Ф. Рузвельт. И даже лондонская «Таймс» в редакционной статье от 22 декабря 1941 г. писала: «Битва на восточном фронте является стержнем всей войны. В конечном счете, все зависит от нее». В ответ на панические настроения Запада, из Москвы прозвучало твердое: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Смею утверждать, что 22 июня 1941 года по своему геополитическому статусу Советский Союз поднялся на высшую ступень в мировой иерархии...

Война втянула в свою кровавую орбиту 61 государство, 80 проц. населения планеты, поставила под ружье почти 110 млн. человек, военные действия охватили практически все континенты. Все народы мира в той или иной степени вели борьбу за свои интересы, но только советский народ воевал и за интересы человечества. Мессианская сущность русского человека, по Достоевскому — всечеловеческая, вселенская, оказалась востребована летом 1941 года. Итоги русской Победы стали главным событием XX столетия. Победа изменила мир, придала ему новое качество:

— порождённое западным колониализмом деление народов на дикие, варварские и цивилизованные ушло в историю (именно «варварские» народы внесли решающий вклад в разгром фашизма). Сегодняшние Китай, Индия, Арабский мир (та же Ливия) стали независимыми благодаря русской Победе;

— ушла в историю неустойчивая многополярная европоцентричная модель мироустройства, на смену ей пришла модель биполярная;

— у народов появилась возможность выбирать собственный путь развития;

— была создана эффективная система международной безопасности, основой которой стала универсальная международная организация — ООН, мир строился отныне на равновесии сил;

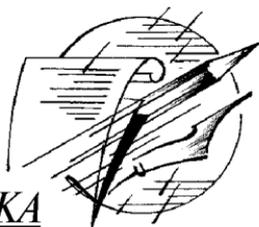
— СССР был признан лидером большей части человечества, социализм — наиболее эффективной моделью развития.

Все это совершил простой русский солдат. Земной поклон ему от имени всех людей планеты! И в заключение, для молодёжи: война не остановила творческое, культурное, интеллектуальное развитие советских людей. Создавались великая музыка, великая литература, совершенствовалось оружие, совершались научные открытия, геологические партии открывали новые месторождения. В военном 1944 году лишний метро строилось в 1,5 раза больше, чем сегодня. А это — еще один фрагмент Победы.

ГЕНЕРАЛ-ХАРАКТЕР

Издавна повелось среди ретивых комментаторов русской боевой славы искать объяснения ей если не вмешательством потусторонних сил, то благорасположением природы. Недаром она зовётся родной: родная русская природа.

Мол, стоит нашим врагам оказаться в пределах любезного отечества, так сразу под их ногами самые скверные в мире дороги раскисают от дождей, сыреет порох в пороховницах или, наоборот, наступает такая сушь, что заморский гость не успевает добраться до ближайшего колодца, падает замертво на полпути. Особенная роль отводится безжалостным русским морозам. Генерал-Мороз — вот неоднократный победитель непобедимых доселе армий под предводительством непобедимых же военных гениев. Сей коварный генерал русской службы, когда надо, даже календарной зимы не ждёт — является по зову соотечественников в любую пору года. В одном из американских фильмов по роману «Война и мир» французы и их сателлиты, ведомые Наполеоном, вступают в Москву по заснеженным улицам. И мы, дорогие соотечественники, млеем от впечатления: какие съёмки! Как иг-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рают голливудские небожители! Нам чисто по-русски наплевать, что в конце августа — начале сентября на Восточно-Европейской равнине, на широте Москвы, ещё лето, а впереди — бабье лето. А тот, 1812 года сентябрь был особенно жарким и сухим.

В изобразительном искусстве превалируют картины отступления французов по Старой Смоленской дороге, по снегам, сквозь пургу. Французскому обывателю становится понятно, почему доблестные галлы бегут: на ходу легче согреться. Выходит, оставаться в горящей Москве — чересчур жарко, выбрали среднее. Русский обыватель снисходительно отмечает жалкий вид жаков, разодетых в бабье тряпье: поделом им! А ведь в начале октября, по ст. ст., когда Великая армия корсиканца (всё ещё действительно великая, грозная) покидала горящую Москву, термометры показывали +10⁰ по Цельсию, моросило. Свидетельство участника отступления: ещё тепло, дороги раскисли; по ним движутся колонны пеших и конных, экипажи, телеги, гружённые добром. Солдаты тащат на себе награбленные пожитки. Офицеры в женских салопах и меховых шапках — маскарадные персонажи. Ниже нуля столбик в термометре упал только через месяц, после 4 ноября, когда выпал первый снег. Отмечая это, М. Франсуа говорит о «сильных холодах». Насколько они были «сильны» объективно? При переправе через Березину 14—16 ноября, по свидетельству французского офицера, по реке плыли редкие льдины, отступающим пришлось наводить мосты и перебираться вброд. Если бы действительно накануне грянули (!) морозы, то равнинная река стала бы, и её можно было бы перейти по льду. Морозы вскоре грянули-таки, но после Березины остатки Великой армии представляли собой бегущие толпы.

Морозостойкость русских объясняется не особой выделкой природной человеческой кожи, не каким-то особенным её волосным покровом, а традицией одеваться по погоде. Что мешало Наполеону запасть зимней одеждой накануне похода в Россию? Только самомнение императора, «привыкшего» побеждать до наступления холодов. Это был его стратегический просчёт. А за просчёты стратега история ставит ему «неуд» с неумолимыми последствиями. Армия Кутузова тоже страдала от холодов, зимняя кампания уполовинила её на пути от Малоярославца до Немана. Наполеон же потерял практически всех своих солдат и бежал домой в утеплённом экипаже. Русские поставили победную точку в декабре 1812 года, потому что оказались непобедимы в летние месяцы.

В Московской битве зимой 1941—1942 годов главный немецкий стратег и его стратегическое окружение поплатились

за свою самонадеянность значительной частью обмороженных солдат и техники, вышедшей из строя из-за холодов. Не Генерал-Мороз проявил здесь инициативу, а Красная Армия более медленным, чем ожидал противник, отступлением подвела армии вермахта под дополнительный «удар морозом». Успехам немцев в первый период войны сопутствовали их гибельные просчёты. Ибо, по расчёту берлинских стратегов, кампания 1941 года на востоке Европы должна была быть сугубо летней — июль, август. А по сумме их просчётов она перетекла в осеннюю, затем в зимнюю. Вопреки воле гитлеровского командования. И по воле советского, русского солдата, его военачальников. Это они намертво остановили врага у Ленинграда, на два месяца задержали армии «Центр» в битве за Смоленск. А сколько раз останавливали на всех направлениях до неё и после, вплоть до подступов к Москве! Места переходили в наступление. И заметьте, происходило это жарким летом сорок первого.

Боже упаси сделать из сказанного вывод, что Советское командование с расчётом затягивало сопротивление до зимы. Холода никому не на руку. В каждом отдельном бою, в каждом отдельном действии подразделений, от взвода и роты до дивизии и армии, расчёт был один: остановить врага и вынудить его к отступлению. Или хотя бы задержать, измотать, дать возможность вывести население, промышленные предприятия, скот, хлеб, ценности в тыл. А там восстановить производство, провести мобилизацию, создать боевые резервы. Руководство СССР оказалось единственным среди стран, подвергшихся агрессии, которое поставило перед страной и её вооружёнными силами такую комплексную задачу и решительно принялось направлять народ на её выполнение. Народ же откликнулся так, как всегда откликнулся на вторжения извне за свою 1000-летнюю историю.

Прошел всего месяц с начала войны, мало кто в мире, кроме наших людей, сомневался в конечном, скором торжестве нацистов на Восточном фронте. А в оценке советских людей и их вооружённых сил фельдмаршалом фон Браухичем слышится настороженность и уважение: *«Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник»*. Более определённо высказывается командование группы армий «Юг»: *«Силы, которые нам противостоят, являются по большей части решительной массой, которая в упорстве ведения войны представляет собой нечто совершенно новое по сравнению с нашими бывшими противниками. Мы вынуждены признать, что Красная Армия является очень серьезным противником... Рус-*

ская пехота проявила неслыханное упорство прежде всего в обороне стационарных укрепленных сооружений. Даже в случае падения всех соседних сооружений некоторые доты, призываемые сдаться, держались до последнего человека». Позже Генерал Блюментрит напишет: «Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни blitzkriegа канули в прошлое. Нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя».

Что говорить о прямолинейных генералах, если даже министр пропаганды (и какой пропаганды!), и не ординарный министр, а Гебельс, предрекавший перед вторжением крушение большевизма, будто «карточного домика», уже на 10-й день войны записал в дневнике: «На Восточном фронте: боевые действия продолжаются. Усиленное и отчаянное сопротивление противника... У противника много убитых, мало раненых и пленных... В общем, происходят очень тяжелые бои. О «прогулке» не может быть и речи. Красный режим мобилизовал народ. К этому прибавляется еще и баснословное упрямство русских. Наши солдаты еле справляются».

Ради истины следует сказать, что в подобных отзывах немецких военачальников и солдат немало сетований на неблагоприятную погоду, чаще всего на мороз. К примеру, тот же Блюментрит вспоминал о французских добровольцах: «У Бородина фельдмаршал фон Клюге напомнил им, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага. На следующий день французы смело пошли в бой, но не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Французский легион был разгромлен». Напоминаю, что речь идёт о морозах той зимы, которую гитлеровцы и их союзники наметили с комфортом пересидеть в тепле московских (и иных городов) квартир, любуясь метелями через двойные оконные стёкла.

Есть основание полагать, что Генерал-Мороз, которому зарубежные и подпевающие им наши родные, отечественные историки приписывают русское происхождение, на самом деле является вненациональной, самостоятельной силой. Он принимает сторону тех, кто с ним считается, серьёзно относится к его предупреждениям в виде отдалённых угроз.

В первую военную зиму Красная Армия также оказалась в целом недостаточно одетой и обутой. Накануне декабрьского контрнаступления новобранцев для пополняемых боевых частей и новых, создаваемых в спешке, просто не успевали обшить, снабдить из складов ватниками, ушанками,

валенками, рукавицами, тёплым бельём. Даже снабжение оружием не поспевало вслед отправляемыми на фронт. Что говорить об амуниции!

Я обладаю информацией из первых рук. Более сорока лет тому назад Маршал Советского Союза Ф.И. Голиков, работавший над книгой о битве за Москву, рассказал мне о формировании подчинённой ему, тогда генерал-лейтенанту, 10-й армии Западного фронта, которой предстояло с 5 декабря 1941 года наступать южнее Тулы от Рязани на Михайлов — Сталиногорск — Белёв — Сухиничи; всего километров 250. Противостояли ей соединения танковой армии Гудериана (!). Но за три недели до наступления тыл армии организован не был. Только начали создавать базы, склады, лечебницы, транспорт, продовольственные запасы. Командующий был обеспечен не только практическим отсутствием в армии танков (командование выделило один Т-34 и несколько БТ) и воздушного прикрытия, недостаточным количеством средств связи, даже обычному вооружения стрелка, транспорта, но и необеспеченностью зимним обмундированием. В дивизиях имелось в наличии от 30 до 50% положенного количества тёплых вещей. Их постепенно подвозили, но нехватка ощущалась постоянно, пока армия продвигалась на запад при морозах в 20—30 градусов. Так что о помощи нам Генерала-Мороза можно говорить с большими оговорками. Несколько согревала надежда, что немцам ещё хуже.

Тогда кто же нам помог всё-таки? Или что нам помогло? Ведь существовала же некая сила в помощь тем, кто одолел в битве под Москвой, уступая побеждённым в живой силе, буквально во всех видах вооружений и механизированных транспортных средствах. Только по самолётам было равенство, но у нас преобладали устаревшие типы.

У меня есть ответ на этот вопрос. Вернее, я подсмотрел его у одного гитлеровского военачальника высокого ранга. Но прежде я познакомлю вас, уважаемый читатель, с мнением группы наших соотечественников, титулованных учёных. Недавно рассеянным нажатием кнопки я вклинился в телепередачу, посвящённую начальному периоду ВОВ. Тройка новых историков с выражением лиц, свойственным актёрам, играющим интеллигентных подлецов, учёно рассуждала о том чуде, коим стала победа (по их мнению) плоховооружённой, раздетой, голодной, деморализованной пятимесячным отступлением Красной армии над полнокровной машиной вермахта, правда, немного примороженной. И вот к какому пришли выводу.

Дескать, советские учёные с начала войны работали над получением в промышленных количествах своеобразного

наркотика, вызывающего полное бесстрашие и титанический всплеск сил. Употребивший его будто бы не чувствует ни холода, ни голода, ни жажды и способен на подвиги а la античный герой. Издавна, вспоминая из прочитанного, такой напиток назывался «сома». Древние германцы гнали его из грибов-мухоморов. Но в России, тем более зимой, на всех желающих тепличных мухоморов не хватило бы. Поэтому к решению проблемы подключили химиков. И те выполнили задачу товарища Сталина. Как раз, по мнению той учёной тройки, к зиме 1941 года «Сома советская» стала поступать на фронт. Так вот почему наши железные дороги не справлялись с подвозом должного количества вооружений, амуниции и съестных припасов! Они везли в бочках из-под огурцов (для дезинформации врага) «напиток победы». Бойцы принимали на грудь свои 100 граммов (а кто и все 200) и сразу бросались на врага, чтобы от перевозбуждения не броситься на своих командиров. Любой из них был способен разломать голыми руками танк Гудериана.

Разумеется, я иронизирую. А как же ещё относится к подобным «круглым столам» круглых... Хотел сказать «идиотов». Но сдержусь. Ведь умалишённый вызывает жалость и сострадание, а та троица, под прикрытием научного выявления истины, покушается на честь Отечества ради своих ничтожных желаний прослыть оригиналами, открывателями «тайн войны».

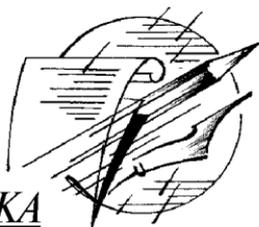
Так какой же ответ на вопрос: кто нам помог? К сожалению, ответил не наш соотечественник, а враг. Но враг честный — фельдмаршал фон Браухич. Он увидел грозное для врагов «своеобразие страны и своеобразие характера русских». Другими словами, его встретил под Москвой зимой 1941/42 года Генерал-Характер. Он всецело наш, русский.

Валерий ГАНИЧЕВ,
член редколлегии «Молодой гвардии» с 1964 года,
заместитель главного редактора в 1964—1965 гг.

ВЕЛИКИЕ ВЕХИ

Когда я работал в издательстве «Молодая гвардия», то именно там решил осмыслить, как издавалась молодежная, в большинстве своем комсомольская печать, как возникали журналы, газеты, кто там печатался, какие у них были особенности. Написал диссертацию о первом этапе ее становления (1917—1925 гг.) и защитился в 1972 году. Потом, когда поехал по свету, побывал в многочисленных молодежных издательствах, в информационных центрах по изучению молодежных интересов и молодежной прессы (Франция, ФРГ, США, Чехословакия, ГДР, Швейцария, Югославия, Канада, Польша и др.), написал книгу-монографию «О молодежной печати мира», которая была хорошо воспринята теоретиками и практиками прессы, и защитил на ее основе докторскую диссертацию в МГУ (1978 г.).

А вот исток осознания этой особенной части прессы начинался для меня в журнале «Молодая гвардия». В 1963—1964 гг. я посмотрел в библиотеке имени В.И. Ленина подшивки этого старейшего комсомольского издания и понял, какой извилистый путь был у нашего журнала. В 20-е годы,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

со времени его издания, он был боевитым, довольно агрессивным и безапелляционным журналом. Да это и неудивительно. Его возглавлял Л.Авербах, представитель молодых троцкистов, да и прямой родственник Льва Давыдовича. Журнал был «продвинутой» с точки зрения «революционной морали», проповедовал теорию «свободной», «неотягощенной браком любви» и знаменитой теории «стакана воды» в половой жизни — выпил, утолил жажду, и до следующего живительного глотка. В частности, приложила свою руку к этому и известная фигура советской истории Коллонтай. Но революционная риторика кончалась, начинался период созидания, овладения глубокими знаниями, мастерством, в том числе и умением писать, овладеть языком, образным словом.

В этот момент в журнале мелькали знакомые имена: революционный романтик А.Фадеев, «попутчики» Л.Леонов, А.Шишков. Но таких художественных открытий, как «Донские рассказы» Михаила Шолохова, тут не было. Царствовали «комсомольские поэты»: А.Безыменский, И.Уткин, Н.Асеев, М.Светлов и др. Я подсчитал, что в начале 30-х годов первое место по изданиям, тиражам, гонорарам занимали именно они. Есенин уже был обличен Бухариным и его подголосками как «поэт пьяного разгула», мелкобуржуазной стихии, даже Маяковский уступал порыву РКСМовцев, а Б.Пастернак держался подальше от их боевитости, несмотря на то, что его поэмы посвящались и Ленину, и десятилетию Октябрьской революции, и лейтенанту Шмидту. Но песни и стихи комсомольских поэтов распространялись по всей стране, иногда не без курьезов. Например, занимаясь историей, я обнаружил в первом комсомольском журнале «Юный коммунист» 1919 года текст песни немецких молодых рабочих «Молодая гвардия». Судя по всему, она пришла к нам из Германии. Через два года этот же текст «Молодой гвардии» подписан был как «перевод А.Безыменского». Через пять лет этот текст появился уже под именем А.Безыменского как автора. В дальнейшем песня издавалась только под этой фамилией.

Я опубликовал историю этой эволюции в книге «Боевой опыт комсомольской печати» в издательстве «Московский рабочий». Через несколько месяцев я получил отзыв от ветерана комсомола, которого постоянно выводили под аплодисменты на комсомольских съездах, от самого А.Безыменского. Отзыв был положительный, но была к нему приписка: «А зачем вы написали о том, что было с «Молодой гвардией»? Кто вас научил это сделать?» Я вежливо ответил: «Никто не научил, я просто изложил факты». Собственно, на этом ситуация и завершилась. Мы вежливо здоровались и беседовали

о комсомоле 20-х годов, о том, что самой большой удачей журнала «Молодая гвардия» была публикация революционного возрожденческого произведения «Как закалялась сталь» о преодолении бессилия боли, немощи, упадка духа. Это была большая удача журнала, его успех. Молодому поколению было представлено произведение, которое подготавливало его к великим испытаниям, к высокому служению. Ведь впереди была Великая Отечественная война.

После войны журнал восстановился не сразу, потом попал в волну «оттепели», из совместного журнала Союза писателей и ЦК ВЛКСМ стал сугубо комсомольским. И вот тут ему повезло. Во главе журнала стал замечательный человек, фронтовик, человек высокой культуры, закончивший исторический факультет МГУ Анатолий Васильевич Никонов. Для него высшей ценностью было Отечество, СССР, Россия. Смысл литературного издания он видел в том, чтобы представлять в художественных образах жизнь нашего народа, возвышая и воспевая лучшие ее явления, лучшие ее представительей, нашу отечественную историю. Я благодарю судьбу, что она предоставила мне возможность поработать с этим ярким представителем корневой русской интеллигенции, советским патриотом, продолжателем русской культуры, традиций и в то же время реалистически воспринимающим нашу советскую действительность. Он был человек Победы и решительно выступал против всяких попыток принизить ее, исказить под предлогом поиска «окопной правды» с тем, чтобы противопоставить этой правде полководцев-победителей. В то же время Никонов всячески оберегал облик солдата от приукрашивания и присахаривания. Может быть, одной из самых реалистических и светлых повестей нашей отечественной литературы о войне была напечатанная нами повесть Василия Курочкина «На войне, как на войне». Помню, как мы посылали верстку автору в Ленинград, как радовались, когда повесть вышла, как торжествовали, когда она пришла в кино.

Но главным событием для нас (да и для всего патриотического люда) стало обращение через журнал «Молодая гвардия» выдающихся деятелей отечественной культуры к молодому поколению страны под заголовком «Берегите святыни наши!». Обращение было перепечатано в плакатах, листовках, других изданиях. В клубах, библиотеках, школах было тогда множество таких изданий.

Закончился 1964 год. Пленум ЦК партии снял Хрущева, человека, который не любил фронтовиков, ревновал их. Человек невежественный и бескультурный, вульгарный и без-

божный, разрушавший храмы (при нем было уничтожено больше, чем в 20-е и 30-е годы), уничтожавший культурное наследие прошлого под лозунгами «десталинизации» и XX съезда. Надо было воспользоваться и отвозить у «шестидесятников», этих либералов и демократов того периода, Победу, ее героев, памятники прошлого, да и вообще, вернуть на роду ПАМЯТЬ.

Думаю, что нам в «Молодой гвардии» при деятельном участии Анатолия Васильевича Никонова в немалой степени это удалось. Да и обстановка в верхах несколько изменилась. Л.И. Брежнев фронтовиков лелеял и сам был из таких. День Победы восстановили как всенародный праздник, некоторые партийные руководители стали понимать, что связь с прошлым нельзя разрывать.

Мы с Анатолием Васильевичем решили перед праздником Победы 1965 года подготовить воззвание, слово, обращение к прошлому. Назвали его «Берегите святых наших!» Мы поговорили об этом с нашими живыми классиками: Л.Леоновым, С.Коненковым, П.Коринным, А.Пластовым и получили от них одобрение. Они подписали воззвание, но Леонид Максимович Леонов поворчал, хмыкнул, исправил два оборота, в частности, вычеркнул слова «наша славная советская молодежь», пусть, мол, останется просто «молодежь», вот во время Отечественной была «славная». Мы не возражали и в пятом номере «МГ» 1965 года это воззвание было напечатано. Оно произвело впечатление разорвавшейся бомбы: в нем было сказано, что надо беречь память о героях войны, сохранять памятники нашей героической истории, памятники культуры. Это был прямой путь к возрождению храмов, дворцов, памятников истории и архитектуры, в которых творилась история страны. Это был толчок к созданию Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК).

Так что «Молодую гвардию» можно считать одним из основателей этого поистине уникального возрожденческого союза, который играл важнейшую роль в воспитании исторической памяти и культуры в обществе. Ведь именно после этого в 1965 году развернулся массовый поход по местам боевой, революционной и трудовой славы, в котором участвовали сотни, тысячи, миллионы молодых людей. В декабре 1965 года ЦК ВЛКСМ провел знаменитый пленум, посвященный именно теме молодогвардейского воззвания великих деятелей отечественной культуры. На пленуме мы просили выступить Юру (так мы называли нашего друга) Гагарина. Он согласился, посоветовался с нами, о чем говорить.

Его выступление всех тогда потрясло. Но еще сильнее оно потрясло журналистов канала «Культура», которые задавали мне недавно вопрос: «Неужели он так и говорил в 1965-м году?» А тогда Юрий Алексеевич говорил четко и убедительно, и это записано в стенограмме пленума. Он сказал, что нам следует беречь память о Великой Отечественной войне, и потом добавил, что нам нужно беречь и восстанавливать и то, что составляет историческую славу нашего народа, ибо поставлено в память великих побед, в частности, следует восстановить Храм Христа Спасителя, возведенный в честь победы русского народа в войне 1812 года.

Это было первое официальное выступление с трибуны о возрождении Храма Христа Спасителя.

Так вот от знаменитого слова выдающихся деятелей культуры протянулась нить к возрожденному Храму Христа Спасителя. В общем, «Молодая гвардия» тех 60—70-х годов была духовным, патриотическим очагом в нашем обществе, и это не нравилось будущим архитекторам перестройки. Они еще не окрепли для разрушения державы, но снять с должности главного редактора Анатолия Васильевича Никонова им удалось, хотя дух «Молодой гвардии» и ее направление были сохранены и продолжены другими руководителями журнала.

Дорогие коллеги!

От имени Союза журналистов России сердечно поздравляем всех вас с 90-летием журнала «Молодая гвардия». Приветствуем не только тех, кто сегодня трудится в редакции, печатается в «МГ», но и всех ветеранов, кто своей самоотверженной работой, своим талантом множил авторитет издания, делал его интересным и содержательным.

Биография «Молодой гвардии» — это биография нашей страны, это история родной русской литературы, открытие новых имен и талантливых произведений, честно и ярко отражающих изменчивую жизнь, создающих запоминающиеся самобытные образы одарённых людей, ставящих перед собой бытийные вопросы. Хочется подчеркнуть, что журнал во все времена был силен своей глубокой и смелой публицистикой. И это крайне важно для нас, ваших коллег-журналистов. Крепкого здоровья вам, вашим читателям и авторам, творческих открытий и побед. С юбилеем!

Всеволод БОГДАНОВ,

председатель Союза журналистов России

Александр ПОЛЯКОВ,

советник председателя Союза журналистов России

ДВА РАССКАЗА

МОСКВИЧ МИШКА

Фронт обосновался недалеко. По содроганию земли, по несмолкаемому гуду тревожно угадывалось, что там даже ночью не затихало сражение. Неукрошенная война хозяйничала и у нас. Поблизости разместился штаб, к нам на постой определили подполковника с постриженной под солдата Алкой. Нас же впятером, слава Богу, еще оставили в сенцах, а то ведь совсем ни в какую не разрешали жить при доме.

Подполковник с Алкой на день уходил в штаб. По привычке тянуло зайти в хату, но карауливший жильё ординарец не пускал и на порог. Светлое время кантовались во дворе под открытым небом около крохотной печки для чугунка. Мама ее соорудила из глины и невесть откуда взявшихся сырых кирпичей. Посреди вселенского разора на печке готовилась жалкая тогдашняя еда, кроме того, служила она, хотя сирым пристанищем, но вместе с тем и родным спасительным очагом. То далекое лето многим запомнилось не только жаркими боями, но и без спасу палящим солнцем. Однако нам, ютившимся на со-

ПРОЗА

ломе в сенечном углу, под жидким рядом летние ночи казались осенними, земельно-холодными. Старший брат Николай нашел для себя выход: залезил спать на чердак, там не так настывало, в тепле удавалось даже вспотеть.

Имя ординарца не осталось в памяти, а вот шофера, как и меня, звали Мишкой, и был он из Москвы. В первые же минуты он радостно осыпал меня ласковыми именами:

— Огонёк, Мишаня, Тёзка.

Такого сердечного баловства мне никто не дарил. Думал, из обидных кличек — Пожар, Рыжий, Красный — никогда не выйду. Даже в беззлобной, обыденной речи настоящее имя произносилось редко. От бабушки по матери мне досталась курчавая голова, сверкающая яркой медью, я её стыдился и случалось, в хате при чужих людях не снимал картуза: как горячего кнута, остерегался издёвок. По деревенским понятиям, волосы на голове могли быть русыми, черными, белыми, на худой конец, но не огненными. Такой необычный цвет был сродни убожеству.

Шофер Мишка понравился сразу. Его кличка «Огонёк» хотя и намекала на мою рыжесть, однако я не чувствовал в ней никакой подковырки на увечность. Слово это выглядело не шершаво-колким, скребущим душу, а мягко, по-родному ластилось, принималось как свое. Немаловажно и то, что я впервые видел живого шофера. Самым геройским у нас, мальчишек, считался летчик. Ну, а после него, конечно, был шофер. Носясь верхом на лозинах, в своих руках мы не раз ображали заветную баранку.

Для Мишкиной легковушки в саду вырыли яму, с двух сторон связали макушки рослых вишен, замаскировали ее от вражеских самолетов. Я имел возможность вблизи разглядывать настоящую, диковинно волшебную машину, трогать ее руками, однажды на ходу даже порулил, и несколько раз с Мишкой ночевал на сиденьях.

Воздушные бои над нами случались часто. Как-то наш «ястребок» бился с немецким «стервятником»: самолеты кружили друг за другом, взмывали вверх и, словно подбитые, внезапно падали вниз, чтобы тут же стрелой снова вонзиться в вышину. Стреляли пулеметы, бабахали пушки. И вдруг... Наш самолет задымил, какое-то время продолжал еще лететь, но затем, опережая дым, стремительно пошел книзу. Ждали: появится парашют с человеком. Не появился... С дальнего поля раздался взрыв... Мама и соседские бабы, стоявшие около своих хат, с запоздалой молитвой разом завсхлипывали. А фашист безбоязненно облетел округу и прежде чем скрыться, должно быть, от радости выпустил длинную

пулеметную очередь. Я сжимал кулаки, до боли хрустел пальцами, словно сам сражался с ненавистным врагом... И убили будто меня.

В тот вечер не было всегдашней радости даже оттого, что снова довелось остаться ночевать в машине... А сон был такой благодостный. Мы с Мишкой рулили на его «эмке». Под колесами не было ни лошин, ни бурьянов с рытвинами и ямами от бомб и снарядов. Мы парили над землей. Хорошо, что летчик оказался жив. Мы перенесли его в машину и уже мчались в санбат... В неподходящий момент меня стали трясти за плечо. Открыв глаза, увидел удаляющуюся Алку.

— Слышишь, Мишаня: Гырга запретила тебе спать в машине.

Со сна я с тревогой спросил:

— А где летчик? Летчик где? Мы ж его везли...

— Летчик, тезка... Ну, ты сам вчера видел. Война, Мишаня. Война, будь она неладна вместе с Гитлером.

Гитлера Мишка произносил резко, гулко, будто выстреливал в него.

Потом в школе объяснят, что буква «г» в иных краях звучит не с нашим протяжным и мягким выдохом, а с отрывистым трубным гудом. Уже в мирное время кое-кто из хуторских ребят, отслужив в армии, по возвращении домой, как новым невиданным костюмом, пытался щеголять московским гегеканьем. Хватало такой закваски, в общем, ненадолго. Языку в непривычной колее свободно не жилось, а тут еще донимали постоянные гегекающие насмешки: «Гришка-гад, гони гребёнку: гниды голову грызут». Короче, верх брала прежняя необременительная речь.

Но тогда Мишкино необычное произношение я воспринимал как особую мужскую решительность, неведомую силу, с которой никакому немецкому супостату не справиться, даже самому Гитлеру не совладать. И было обидно, что какая-то Алка — была бы еще самостоятельная женщина с заплетенной косой, а то стриженный полусолдат — командует Мишкой. Бабы говорят: Алка в штабе всего лишь выписывает награды. А Мишка, вон, москвич, не абы откуда, шофер легковушки, возит подполковника, доведись, сам генерал сядет в его машину, и все будет к месту. Ему по силам и танком, и самолетом управлять. А что Алка?

— Поутру видел: Гырга отчитывала твою матушку, — сообщил Мишка.

— Она... — Алку не хотелось называть ни по имени, ни так, как дразнил ее Мишка. — Она по званию главнее тебя?

— О-о, тезка! Малой ты еще. Раз спит с подполковником, считай, она полковник. А я всего лишь сержант.

— Так она ж жена. Где ей еще спать?

Мишка порывисто обхватил меня. На голову, на плечи легли его крепкие руки. Я ужася весь, уменьшился, хотелось целиком нырнуть под его надежную защиту.

— Василию Терентьевичу недавно жена письмо прислала... Фотокарточки детишек... Два пацана у него, — будто не мне, а кому-то, находящемуся в вышине, то ли говорил, то ли жаловался Мишка.

Я бы сам мог догадаться, что подполковник и Алка — не всамделишные муж и жена. Проходя мимо мамы или соседских баб, Василий Терентьевич уводил глаза в сторону. Не форсил офицерской выправкой и наградами, в землю буркнет «здравствуйте» и быстрее дальше. Глаза ведь прячешь, когда нашкодишь. А с правдой чего их прятать? Ну, а Алку наши бабы недолюбливали, печально поджимали губы при виде подполковника с нею, хотя ничего худого в ее адрес не производили, но и так было ясно.

В этот раз Мишка обедал с нами, ел толчку, заправленную отрубями вместо соли. К солдатской кухне сходить ему было некогда: вулканизировал камеру. С котелком отправил меня:

— Скажешь, занят. Тебя знают, дадут.

Туда несколько раз Мишка брал меня с собой. Мое состояние описывать бесполезно: самая живучая память о еде осталась возле солдатского котла. Валявшиеся банки из-под консервов я, как и другие ребята, приспособивал под улы для шмелиных семей, чтобы через соломинку отсосать на кончик языка еле ощутимую божественную капельку меда из дневного шмелиного взятка. Так вот, пустые банки видеть доводилось, но чтобы в котлы с супом, а еще хлеце и с кашей без оглядки на точность, без придиричьего счета вываливались кусманы тушенки — это и присниться не могло.

Когда подошла наша очередь, Мишка протянул котелок:

— Прохор, нам — на двоих... Посмотри, какой Огонек, — Мишка сдернул с меня картуз, взлохматил вихры, — ходячее солнышко, да и только. К тому же, тезка.

— У тебя на каждом новом месте тезки, — в прокуренные усы заворчал Прохор.

Из самой гущи последним черпаком повар в край заполнил наш котелок. Мы уже шли в поисках места, где на траве можно было бы расположиться для обеда, когда меня стали звать:

— Мальчик, мальчик, подь сюда.

Все мысли устремлены были к котелку с едой, ни на что не хотелось отвлекаться. Видимо, я замешкался. Мишка подтолкнул меня:

— Прохор — мужик хороший. Иди.

Какое-то время мы с Прохором разглядывали друг друга. Перед этим я не отрывал глаз от варева в котле, от черпака, вылавливающего юркие ошметки мяса. В памяти от повара остался лишь пожелтевший куст густых усов. Теперь же заметил, что у него, как у моего отца, такие же глубокие складки на переносице и черный отрастающий волос тоже тронут проседью. И глаза... точь-в-точь отцовы, внимательные, с затаенной хитринкой.

— Так как же тебя кличут? — спросил он.

— Мишка.

— Значит, не шутили. У тебя, поди, и ложки нету? Вдвоем одной ложкой стербать несподручно. — Отвернув брезентовый фартук, из-за голенища он извлек алюминиевую ложку. — Принесешь, когда поешь. — И по-свойски подмигнул: — Папка на тебя, небось, не нарадуется?

— Папка на войне.

— Ну, Михаил, жди папку. — И наградил еще и двумя скибками хлеба.

Потом всякий раз, привечая меня, Прохор еще издали начинал радостно улыбаться:

— Михаил пожаловал... Ай да Михаил! — Ему нравилось называть меня по-взрослому. — Ну-ка, братья, расступитесь, дайте Михаилу дорогу.

Солдаты тянулись прикоснуться к моим худым плечам, похлопывали по спине, кудлатили затылок, подталкивали к котлу.

В тот приход без тетки меня так же хорошо встретили. Прохор от души наполнил котелок перловым супом, а в перевернутую крышку, как в миску, навалил гороховой каши с двумя кусками мяса.

— Донесешь?

Еще бы не донести! До капельки донесу... Кухня располагалась на хуторе Мокреньком. Спуститься с бугра, извилистой кочкарной тропкой по болоту оказаться у ручья — а на другом берегу, был уже мой хутор Луг. Чтобы сохранить еду, через ручей прыгать я не собирался. Хотя там выше колена вода и полно ям, придется со всей осторожностью мерить дно. Но кто бы знал...

С мокренскими мы не ладили. Ватагами устраивали набег-и то они к нам, то мы к ним. А уж если кого настигали на чужой территории, колошматили до крови, до рваной рубахи, и такой удачей потом хвалились. Безжалостной хваткой и ловкостью особо выделялся Дрыкан, и один на один выходить с ним никто не отваживался. Во время оккупации Дры-

кан стырил у немцев обойму патронов, кинулся убежать, по нему стреляли. Раненый пролежал в снегу целый день, пока ночью мать не притащила его в хату, отогрела, оживила. Обмороженные пальцы рук отопрели, вывалились с костями, остались одни культишки. Со временем он приспособился носить воду, копать лопатой, косить взрослой мужицкой косой — культишки его загрубели, закоженели. В драке бил наотмашь, хлестко, а главное, так мгновенно, что не успеешь увернуться.

Дрыкан дождался у ручья. Назад бежать бесполезно: он рослый, старше меня, догонит мигом. Решил, скажу, что Мишке-шоферу несудеб, Мишка возит подполковника, он москвич, его все знают... Но я и рта не успел открыть...

— Ну, ты хоть раз его ударил? — допытывался Мишка, когда я в болотной грязи, с разбитым носом явился домой. — Нет, Мишаня, так дело не годится. Надо бить. Вот если немец в меня будет целиться, я что — буду ждать?

— Но Дрыкан — не немец.

— Дратья все равно надо. Мог бы ему котелком по голове врезать.

Эх, тезка, тезка. Разве мог я ударить котелком?

— Там же была еда!

— Еда твоя и так в ручье очутилась, а то проучил бы своего Дрыкана.

От матери, так уж заведено, досталось обидных наставлений. Она меня, как и Мишка, не оправдывала. Мог бы и мокрую веревку по спине схлопотать. В потасовке была порвана рубаха, а это при нашей нищете — настоящее бедствие. После оккупации сохранилась цыганская иголка на нескольких дворов, шить тоже было нечем.

...Соли ни у нас, ни у соседей щепотки не было. С бабами я ходил на совхозную усадьбу, был слух, что там обнаружилась соль. До войны в совхозе работала казенная пекарня, а после бомбежки осталась груда кирпичей. Среди этого завала в целостности остался непривычно большой печной под. Невольно представлялось несметное количество ковриг, которые здесь могли уместиться. Подовые кирпичи лежали на опечье — песочной подстилке — вот она-то и оказалась соленой. Песок был зернистый, похожий на соль. Кто-то его распробовал, и уже несколько дней кряду тут перебивало народу не меньше, чем разваленных кирпичей. Старинная кладка, будто бы из времен какого-то графа, или по-нашему барина, голым рукам не поддавалась. Били обломками кирпичей, щепками, железками выковыривали из щелей желанное крошево, остановив дыхание, лизали языком, пробовали на

пригодность. Удачу, если она случалась, осторожно до последней крупинки ссыпали в карманы или в сумки, туда же отряхивали ладони, чтобы ничего не пропало.

Мы шарили уже по чужим следам, а тоже не оставались в накладе. Бабы сноровисто, как в собственном огороде, находили то, что им нужно. Но и мне повезло: с кирпича, лежавшего в отдалении на траве, в один раз соскреб полных три горсти солонущего-пресолонущего песка. В сумке чувствовалась приятная тяжесть, когда я с удивлением замер, случайно лизнув гладкий, без единой шербатинки, звеняще сухой, явно подовый кирпич. Языком обследовал его со всех сторон: везде находил соль. Настрадавшись без соли, мы готовы были искать ее всюду и способны были обнаруживать вернее любого точного прибора. Забывшись, я лизал кроваво-красный кирпич, наслаждался незабываемым вкусом. Если бы можно было отломить зубами хоть маленький кусочек, — с каким удовольствием разжевал бы его.

— Рыжий, ты чё? — Бабы, должно быть, давно наблюдали за мной.

— Он со-лѐ-ённый! — сорвался я в крик.

Моя находка явилась сущим открытием. Подовые кирпичи, сколько их языком ни пробуй, заполняли рот соленой слюной. Набрали этих кирпичей, домой еле доволокли. Решили, что невелика разница: оттапливать пыльный песок или красный кирпич — лишь бы отвар гожался на варево. На кирпичах мы здорово обманулись: подолгу вываривали, в печке оставляли томиться на ночь, однако в воду из них никакая соль не поступала. Потом в сельском обиходе им нашлось применение. Точили ножи, тяпки, лопаты; ими сдирали всякую ржу; раскалив в огне, бросали в кадушки, где они долго фырчали и пытели в воде, выпаривая деревянные емкости перед засолом огурцов или капусты.

Ну, а песок работал безотказно. Настоянную на нем жижку добавляли в суп, заправляли ею картофельную толчку. Отстой был мутный и постоянно скрипел на зубах даже после процеживания, но лучшего ведь не было. Когда этой жижки еще не существовало в помине, чтобы убавить преснятину, вареную картошку толкли с ржаными грубыми отрубями. Изменяя вкус, отруби здорово отвлекали внимание, и еда воспринималась не так постыло.

Мы ели дважды: утром и вечером — обеда не существовало. Какой обед, если после оккупации еще не обзавелись куренком, не говоря уже о другой птице или корове. Из запасов оставались совок отрубей да картошка, и той вряд ли до новины хватит. Нетрудно понять маму, я лишил Мишку обеда, и она переживала, плакала, не зная, чем его накормить.

— Наказанье ты мое горькое! — всхлипывала мама, от безысходности уже несколько раз пыталась схватить меня за ухо.

После Дрыкановых куляшек, как от ужаливания шершней, скулы наливались раздирающей тяжестью; к уху, за которое мама норовила дёрнуть, без боли тоже не прикоснуться. А самое мучительное, что даже в мыслях я не мог никого обвинить. Мамино состояние понимал без всяких придирок, также не находил повода упрекать самого себя. Дрыкан? Он... Но и он, считай, правильно поступил. Накануне наши дубасили его скопом, правда, меня там не было. Но я ведь луговской: отыграться на мне Дрыкан имел все права.

— Петровна, оставь Мишаню в покое. Ему и без тебя досталось. — Было приятно, что Мишка заступился за меня. Он и маму успокаивал: — Думаешь, солдату всю войну обед вовемя? Бывало, один сухарь на неделю — и живи.

То, что благодаря Мишке у нас случился обед, в конце концов, обрадовало даже маму:

— Если не дотянем до новины, Бог даст, на крапиве перекантуемси. А сёдни накормлю вас.

Когда я для заправки толчонки принес отвар песка, мама замахала руками:

— Упаси Господь. Картоха почернеет, и с песком как ее чужому человеку подавать. Исделаю с отрубями, все ж не трава травой.

А Мишка, словно давно жил в нашей семье, без особых уговоров принялся есть толчонку, и виду не подал, что она не соленая. Расположились мы рядом с печкой, вокруг чугунка, прямо на земле. На душе было радостно. Грешно думалось: Дрыкан не зря выплеснул солдатскую еду в ручей, иначе когда бы вот так по-семейному Мишка мог посидеть с нами. Видимо, и мама пребывала в таком же благостном состоянии. Без какой-либо оглядки, как водится среди своих, она пристыдила моих сестер и потребовала спорой работы в огороде. Взрослые сестры, покраснев, угнули головы: перед посторонним человеком им было неловко. И Кольку очередь не миновала:

— Чем ты на потолке гремишь? Там будто и греметь нечем.

— Как стемнеет: ничего не вижу, у меня же куриная слепота, — оправдывался брат.

— А не видишь, не куrolесь. Как только залез на потолок, втемеж и ложись, не блуди. Да чё теперича говорить? Лезть туда тебе боле не придется. Алка сказала, громыхаешь, мешаешь спать.

Колька воспринял это не окончательно:

— Мам, я буду тихо, — он еще надеялся на иной исход.

— Не-е, сынок, нельзя. А то нас совсем выселят. Сёдни утром вместо молитвы мне от Алки досталось.

Мишка рывком поднялся и, не обливав ложки, с налипшей картошкой сунул ее за голенище.

— Чугунок ишшо не опростали, чё встал? — всполошилась мама.

Я никогда раньше не видел, чтобы Мишкино лицо взбурилось такими желваками:

— Спасибо, Петровна... Все! Довольно! — он про себя круто что-то решал...

Потом Мишка долго сидел в машине, как игрушку, вертел пустой барабан револьвера. Он, конечно, меня видел, но к себе не звал. Я уныло направился со двора.

— Тезка, — окликнул Мишка. — Пойдем-ка фрицев постреляем.

Стреляли мы за огородами. Там располагалась связка лощин со здоровенной чемерицей по травяному окружью. Я натаскал консервных банок, их мы надевали на метелки растений, и чемёрки преображались в истых фрицев, бредущих по полю. Мишка стрелял весело с шутливыми приговорками, иной раз и с матюкастым наваром. От пуль банки на разные голоса по-птичьему выцвенькивали, Мишка ликовал:

— Вы у меня не так еще запоете! Я вам перца еще всыплю!

Самостоятельно, без Мишкиной помощи револьвер я не держал ни разу. Мишка накрепко облапчивал мою руку, целился вместе со мной, по его команде я нажимал на спуск. И попадал! По-детски казалось, что стоит лишь навести мушку, как пуля найдет, что ей нужно.

В этот раз Мишка стрелял без охоты и был чем-то похож на подполковника: не замечая других, глядел лишь в самого себя.

— И чего это подполковник жену к себе не вызовет? — недовольно высказался я. Обидно было за Кольку. Гырга взъелась, чем он ей помешал?

Забывшись, Мишка продолжал долго целиться, а стрелять, не стрелял:

— Жена, говоришь... На войне, Мишаня, жена не положена.

Хотелось зло спросить: «А Гырга?» Но я воздержался. Мишке было не до меня и не до моих вопросов. Приложив мою руку к револьверу, абы куда он расстрелял целый барабан патронов.

Вернувшись, мы застали суетившегося около хаты солдата. По деревьям вдоль хуторской улицы он тянул телефонный провод. Чтобы не опускать его на землю, привязал к концу провода молоток, решил перебросить через крышу. Моло-

ток зацепился за трубу, солдат, чертыхаясь, пытался сдернуть его. Провод можно бы и оборвать или перекусить кусачками, но связист никак не хотел расставаться с молотком. На войне где ты его добудешь?

Имей лестницу, залезть на крышу не составило бы труда. Но лестница осталась в погребе. Вернувшись из оккупации, на месте погреба мы обнаружили провалы, в котором лежала немецкая лошадь из орудийной упряжки. Жаркий летний воздух кишел мухами, черными гроздьями они роились на жирном бурьяне, облепом покрывали землю, из-за невыносимой вони к хате нельзя было приблизиться. Чем попало, кинулись засыпать лошадь, о лестнице не думали. Тяжелый дух над этим местом очистился лишь на втором году.

Связист ругался, ему нужно было торопиться. И Мишка нашел выход. Подсадить на крышу он предложил меня. Они со связистом станут на плечи друг другу, по ним я заберусь на застреху, а там всего-то ничего — добраться до молотка и сбросить его на землю. На деревья, как и вся ребятня, лазить я любил. Хотя и было страшновато, да перед сверстниками паниковать не пристало, засмеют. Но одно дело — деревья, где ты имеешь возможность опереться ногами, хотя бы единственной рукой держась за ветку, зная, что этого вполне достаточно, чтобы без боязни остаться на месте или с такой же страховкой продолжить подъем. И совсем по-другому на крыше: книзу тебя тянет неведомая сила, и ни ногами опереться, ни ухватиться руками.

Наша крыша еще не старая. Перед самой войной отец успел поставить сруб. На толоку создали тогда хуторскую артельную силу. Бабы изнутри и снаружи мазали хату, а мужики занимались крышей. Старновку, не разбитые цепями, а лишь обмолоченные по колосу цельные ржаные снопы бутули в яме, туда то и дело подсыпали белую глину и доливали воду. Замоченные снопы на длиннющих вилах перекочевывали наверх, там их дедушка Никанор, не трогая перевясла, улаштовывал вначале по карнизу повязкой к латам для державы всей крыши. Затем солома рядами укладывалась вроссып под постоянным контролем, чтобы, упаси Бог, не пропустить рыхлую ямку или комковатый бугор, чтобы потом крыша не дала течь. Обвершка заделывалась наиболее тщательно и, кроме того, покрывалась густым слоем мела для дальнейшей дополнительной пропитки. С годами соломенные крыши под глину обрастали живым зеленым мхом, задубело уплотнялись, на них не задерживалась не только вода, но и брошенный камень или палка. Оттуда бы и молоток свалился за милую душу.

На крыше соображал лишь одно: надо распластаться, ужом ползти по слежавшейся соломе. Молоток, наконец, нашелся. Не поднимая головы, через плечо сбросил его и услышал, как он там, внизу, обо что-то стукнулся.

Обратный путь был еще боязливее. Не видишь ведь куда ползешь и ждет ли кто тебя внизу на нужном месте.

— Спускаюсь, — насторожил я Мишку и связиста, чтобы они ненароком не отошли куда-нибудь.

— Тезка, подожди, — попросил Мишка. — Встань-ка около трубы.

Я недоумевал: зачем? Как это встать, если даже лежишь ненадежно, того и гляди, кубарем покатишься на землю... Подняться около трубы... Да нет ее, трубы. Кирпичи кончаются чуть выше соломы, а сверху — перевернутый чугунок без дна. За что там держаться?

— Мишаня, Огонёк, вставай, — уговаривал Мишка. — Ну, смелее! Смелее!

Скрючившись, стал подниматься. С трудом расставил дрожащие ноги на кровле по обе стороны гребня. Утвердившись, глянул вверх деревьев, вверх хат. И восхищенно крикнул:

— Да-ле-ко-о ви-и-дно!

— Восток... Там все наше, — услышал я довольный Мишкин голос. — А теперь повернись на солнце, на юг.

Господи, поле за огородом было такое большое, и столько на нем лощин и еще чего-то в кустах, где я раньше не бывал.

— Ну, как? — спрашивал Мишка.

Что я мог сказать? От удивления только рот раскрывал.

— А теперь глянь-ка на север, там моя Москва.

Оказывается, север находился с тыльной стороны хаты, если глядеть через болото на хутор Мокренский.

— От Михаила Весёлкина Москве передай привет. — Видя мое замешательство, Мишка подсказал: — Рукой помаши ... Помаши от всего сердца. Скажи... Ладно, ничего не говори. Сердечно помаши — и все.

Как я завидовал ласточкам, высоко парившим в поднебесье! Уж они-то Мишкину Москву видели.

— Остался запад. Вот немца турнем, и там тоже все наше будет.

Пока я разворачивался к западу, фронтная канонада неожиданно стихла. Неужели все кончилось?... Но это был обманчивый миг покоя, потому как там снова загудело, забабало.

Под Мишкиным управлением обвыкся наверху: вниз с прежним испугом уже не поглядывал. Мишка мной руководил и при спуске. Особо я уже не страшился, а сердце все

равно ухнуло в холодное провалье, когда ноги повисли в пустоте. Висел бы долго, но последовала команда:

— Ловлю, отпускай руки.

Как хорошо на земле! Меня словно развязали: ступай куда хочешь, — все вольно, все без опаски. А перед глазами по-прежнему витала окрестная ширь. Глядя на ласточек в небе, сам будто был с ними и почти вживу представлял, что оттуда, с высоты, способен был видеть.

— Ну, тетка! — тормошил меня радостный Мишка. — Эк-замен выдержал. Вот мы с ним, — он подмигнул связисту, — самого Гитлера не боимся. И ты перед Дрыканом не пасуй. Даёшь слово?

Не будь связиста, я поостерегся бы. А тут выходило, что Мишка ручался за меня, и опозорить его перед чужим человеком я не мог.

— Крест святой! — поклялся самой строгой мальчишеской клятвой.

— Даже так! — Мишка сжал меня в своих лапищах.

Видно, у связиста было строгое задание: на бегу он кинулся разматывать катушку, уже не по деревьям, а вдоль дороги, в канаву укладывая телефонный провод. Посмотрев ему вслед, Мишка дружески похлопал меня по спине:

— Ты сегодня награду заслужил!

Без вызова Алки или подполковника Мишка в хату не входил. Наверное, ему, как и нам, допуска туда не было. Сейчас же он по-хозяйски распахнул дверь и, словно гостя, пропустил меня вперед. Без нас в хате мало что изменилось. Лишь бросилось в глаза, что железная кровать, на которой обычно спали сестры, вместо самодельного рядна и дырявого полушубка была застелена большим суконным одеялом. И я позавидовал подполковнику с Алкой: под таким одеялом не замерзнешь. Стол по-прежнему стоял под божницей, оттуда даже икону не сняли. Мама за икону опасалась, рассуждала, что подполковник, не иначе как партийный, требует освободить святой угол, повесит портрет Сталина. В общем, хата была узнаваемо нашей, но прежде в ней никогда не было так холодно и неуютно, как теперь.

Поначалу я не заметил, что на столе рядом с алюминиевыми кружками лежала горка колотого сахара. Мишка выбрал два не самых больших, но и не самых маленьких кусочка:

— А вот и награда.

Соль в войну хоть изредка, но перепадала, а про сахар не вспоминали вовсе. К праздникам в печке тушили бураки, едиво получалось удушливое, препротивное, зажмурившись, даже с натугой не всякий раз проглотишь.

Зажав сахар в ладони, трепетно предвкушал, как буду хрум-ко откусывать по малюсенькой-премалюсенькой крошке. Главное, не заторопиться, а долго-предолго продержаться эту крошку на языке, чтобы без помех заpastись сладкой памятью...

— Сержант Весёлкин, что ты здесь делаешь? И почему с посторонним?

Алка... Глазищи черные, злые. Стало стыдно: сахар-то мы взяли без спросу. Видимо, беспокойным взглядом я сам указал место, откуда пошел грех. Туда же и Алка нацелилась сердитыми зырками.

— Всего два кусочка... Ребенок же, — оправдывался Мишка.

— Не знала, что ты на кражу способен. — Голос у Алки, как у прокуренных мужиков, надтреснутый и грубый. Истинно Ёрга.

— При чем тут кража?... Мальчонка сегодня выручил связиста, можно сказать, подвиг совершил. Ему бы в награду вообще весь сахар отдать.

Мишка пригорнул меня к коленкам и заслонил руками от Алки, если бы вдруг она вздумала ударить. Мне так жалко было Мишку, что не рад был и сахару, Бог с ним. Теперь в рот его не возьмешь, колом застрянет. Машинально разжал ладошку и попросил Мишку:

— На-а, положи на место.

Но Мишка не успел. Алка вмиг, как веником, смахнула кусочки с моей ладони, и они разлетелись по полу.

— Чего ты свирепствуешь? — разозлился Мишка. — Глянь, ребенок: кожа да кости... И чем люди перед тобой провинились, что ты на всех змеёй шипишь? Они от немцев натерпелись...

— Поглядите-ка на него: «натерпелись...». Под фашистами полтора года пробыли, еще надо выяснить, чем они тут занимались. У них даже свой местный Гитлер был: сопляк на немцев работал. Не веришь, что ли? Не верь, а он на допросе признался.

— Ты, что ли, допрашивала?

— А хоть бы и я! Ну и что! Таких без допроса нужно к стенке ставить. Да и вообще всех их, кто не эвакуировался, а под немцем остался, судить надо, не разговаривая.

Мишка, точь-в-точь как моя мама, отчего-то горестно вздохнул:

— Что ж ты всюду врагов только и видишь. Эх, девка-девка... Выгоришь изнутри: для жизни ничего не останется.

— Поговори у меня, — сквозь зубы прогырготала Алка. — Ну-ка, кру-гом! Шагом марш!

Ошеломленный послушным стуком Мишкиных каблучков, во двор я вылетел раздавленный. Вот же, обидит один человек, а весь мир кажется враждебным, что некуда и не к кому приткнуться. Мишка, наверное, как и я, мучается, ни на кого не хочет глядеть. Зачем он придумал какую-то награду, и так было хорошо. Мне никакой сахар не нужен. Сам Мишка и есть награда. Он как старший брат, как Колька, но намного сильнее и добрее. Со мною кабашкается, будто со своим дитём. Да и я к нему словно веревочкой привязан, будь моя воля, оставил бы его жить в нашей семье.

...Мишка откуда-то явился радостно возбужденный. Подумалось, что он ходил к подполковнику жаловаться на Алку, и тот ее, наконец-то, приструнил. Напевая, он достал из машины вещмешок, вскинул его на плечо и шагнул ко мне:

— Пойдем-ка, тезка, очистимся.

Пришли в лощину, где было наше стрельбище. По распорядку нужно было отстреляться, а потом купаться. Я недоумевал, почему это Мишка сразу раздевается догола.

— А стрелять?

Мишка шагнул к берегу, обернулся, улыбаясь:

— Не из чего стрелять. Револьвер я сдал, теперь он мне не положен, — и с разгону ухнул в воду.

В лощине было мелко, окунувшись, на том, бывало, заканчивали свое купание. В этот раз Мишка мылся неистово: намыленным пучком травы так хрумтел по коже, что казалось, сдерет ее до мяса. Дважды заставил меня драить ему спину. Затем из вещмешка вынул новую нательную рубашку, белые подштанники, галифе, на луговинке все это аккуратно разложил:

— Пока обсохну, пусть солнышком напитаются. — Затем голышом Мишка вдруг распластался рядом с бельем, утонув в мягкой мураве. — Благада-ать! — Сладко выдохнул и надолго забылся.

Потом позвал меня:

— Ложись-ка рядышком. — Мишка притянул меня к себе поближе. — Зажмурься, подумай о чем-нибудь хорошем.

Сколько я ни пытался вообразить, как выглядит это хорошее, представить ничего не мог. В общем-то, ни о чем не думалось. От солнца перед закрытыми глазами плыли теплые радужные круги, видимо, от них, от этих кругов, по телу разливалась убаюкивающая истома. И трава-мурава казалась сладкой постелью.

— Кем твой папка воюет?

— Не знаю. От него нет писем.

— А до войны что делал?

— Пастухом нанимался.

Помолчав, Мишка предположил:

— Пехота-матушка, значит.

— Папа сапожничать умеет, и траву, и рожь косить может. И хату, где мы живем, это ж он срубил, — хвалился я. — И четыре брата тоже воюют. Старший Сергей перед войной писал с какого-то Дальнего Востока, куда он вербовался, что работает там по колесу в воде, где Макар телят не пас... Алешка тоже вербовался... Яшка, Васька — этих в армию отсюда забрали... А Павлик Чумичкин — Гитлер понарошку, — продолжал я распространяться: — Это он возился с капсулом, поранил глаз и, прикрывая бельмо, отпустил челку, будто настоящий Гитлер с картинки. За то его нехорошо и прозвали. Гырга неправду сказала: никаким фашистам Павлик не помогал, он, как и я, на печке просидел, пока тут немцы были.

— Да, да, — должно быть, не слыша меня, поддакивал Мишка. — А я, Огонёк, отправляюсь на передовую.

— С подполковником?

— Нет, один. Василий Терентич, спасибо, отпустил.

Войну я представлял, где стреляют. У нас же на хуторе увидел то, что на войну не похоже. Здесь и ходили не всегда с оружием. Алка, вон, с подполковником даже спали на кровати, а не в окопе. У одних смерть на смерть, а другие в то же время прохлаждаются. Вразной разведке победишь? Вот навалились бы разом, немчуру скоро бы и перестреляли. Ну а Мишкой я гордился: теперь до победы недолго ждать.

Мишка вроде угадал мои мысли:

— Ты тут слушай, как я буду жаться по фрицам.

Он подарил мне пилотку и ношенные галифе, мне не терпелось похвастаться перед мамой. Еще только подходили к хате, я нетерпеливо закричал:

— Мам! Глянь: пилотка, галифе. Из галифе штаны сошьешь. — И ликуя, выпалил: — Мишка на передовую идет!

Мама стала меня укорять:

— Головушка твоя садовая, без разума ишшо. Чему радуешься? Рази ж в гости он собрался?.. Убьют...

Слеза у мамы близко, затряслась, зарыдала. Хорошо, что не завыла. Мамино голая боялся: казалось, что в этот миг кончается жизнь. В таких случаях подступали слезы, я их мог и не сдержать. Мишка кинулся маму успокаивать:

— Петровна, не плачь. Я не умирать иду, а драться. На фронт просился давно, а Василь Терентич не отпускал. Мы с ним, считай, с первых дней войны, свыклись.

— Вот и возил бы его. Раз ты к нему по-хорошему, он же тоже не без сердца.

У мамы всегда вот так, нет чтобы согласиться с тем, что уже произошло, она готова перерешить все заново, будто и в самом деле такое возможно. Порой самому тошно от того, что натворил, так она все одно разворошит в душе потухающие угли и в который раз заставит обжигаться, ходить по ним босиком. Ну, со мной — ладно, я ее сын, учи, потерплю. Но зачем же с Мишкой, как со мной? Мишка может и отмахнуться. Я не ожидал, что он станет оправдываться:

— Ты права, и дальше бы его возил. Но Гыргу... С Василь Терентичем мы как родные были, пока не прислали эту Гыргу. Писарем... Но был же писарь! Так нет же... Надзор им, что ли, нужен?.. Выезжаем куда, и она увязывается, словом не даст обмолвиться. Круглые сутки не отпускает от себя. Любила бы Василь Терентича — но не любит же. А он будто ослеп, подчинился ей, то ли что-то такое знает, чего мы не знаем?.. Я же чувствую: ему с ней тяжело.

— Так отвязался б от нее. Мужик ведь, что ему стоит?

— Э-э, Петровна, его власть не на всех распространяется.

— Знать, и тебя Алка на передовую списала?

— Нет, Петровна. Ты не поняла. Я сам обратился к Василь Терентичу. Он меня не отговаривал. Расстались без объяснений... А Гырга... Ей что свои, что чужие — одинаково...

...Хорошо спать в хате. Под боком — та же солома, ан теплушко, сквозь сон не нужно думать, куда спрятать то оголившиеся ноги, то нахолодавшие руки. Да и рядом греет спасительнее, можно вытянуться в полный рост и от холода не съеживаться в комок. Я блаженствовал, словно наново родился. Окончательно очнувшись, услышал бабы голоса. Разговаривали недалеко, во дворе под окном.

— ...Без стыда с чужим мужиком, — мамин голос.

— Пы-пы-пы... Вы-вы... война усё с-спиша, — тетка Поляха, на хуторе одна она заикается.

— Грех никакая война не спишет, — опять мамин голос.

Чудное что-то: откуда взялась тетка Поляха?.. О-о, все заспал. Нас же вчера и из сенец выселили. Вот почему оказались в чужом доме. Бабы еще о чем-то судачили, но внимание переключилось на иные звуки. В непрерывном фронтовом гуле стало пропрядывать тряское громыханье. Радостная догадка вынесла меня из хаты:

— Мам, мам! Слышишь! Это Мишка жахает.

Мама молчала. Неужели она сомневается? И вдруг, к месту, так жажнуло, земля так содрогнулась, что я удивился, почему это хата не рассыпалась на брёвнышки.

— Ну, и это, скажешь, не Мишка!

И на этот возглас мама не откликнулась. В её страдальческих глазах колыхались слёзы. Быть может, мысленно она была не здесь, а где воевал Мишка, и ничего хорошего там не видела.

Взрослым, бывая в Москве, я неоднократно ловил себя на мысли, что вдруг перестаю обращать внимание на переизбыток скоростей и шумов, на непривычную для провинциала столичную сутолоку, а начинаю вглядываться во встречные лица. И это происходило вовсе не по велению какой-либо команды, но само по себе. Загадка такого наваждения заключалась в том, что в московской толпе я подсознательно искал шофера Мишку, навсегда поселившегося в моем сердце.

...Для тех, кто не знает, чем могло обернуться пребывание на оккупированной территории, нелишне будет сообщить о дальнейшей судьбе Павлика Чумичкина. Из-за подозрения в пособничестве фашистам его ни в пионеры, ни в комсомол не приняли. В то время стоило лишь окончить среднюю школу, в институт поступишь непременно. А для Павлика двери туда были закрыты, хотя он, как все мы, писал в автобиографии, что на оккупированной территории хотя и находился, но на пользу немцев не работал.

ПИЛОТКА ДОВЕРХУ

От долгой войны не встали на ноги, как случилась невиданная засуха. Колхозный трудодень никогда не баловал, а в порожнее лето и подавно. Со своей усадьбы в новину тоже досьта не поели, сурово окоротили себя, иначе не дотянуть хотя бы до первых листочков крапивы и иной весенней травы. А это, почитай, без малого год в растяжку.

Пока варился вечерний суп, я со старшими братьями забирался на печку. Чтобы заглушить уркоту живота и хоть на чуточку умалить бесконечное глодание под ложечкой мы приспособились петь песни. «Раскинулось море широко», «Глухой неведомой тайгою», «Степь да степь кругом», «По диким степям Забайкалья» — это для распева. Братья и я в том числе должным слухом не обладали, нам требовалось время приладиться друг к другу. Таким образом попадали в нужную борозду и дальше уже без напряжения отдавались песням. «Когда я на почте служил ямщиком», «Солнце всходит и заходит», «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Меж крутых бережков»... Душа отзывалась близким сопереживанием,

будто перед тобой была не давняя песня, а живая причастная жизнь, понять которую труда не составляло. Когда же подключались сестры, с матерью находившиеся в хате, от пения вовсе становилось радостно. «Скакал казак через долину», «О чем, дева, плачешь?», «Окрасился месяц багрянцем» и особенно «Посеяла огирочки», где высокие сестринские голоса пронзительно вонзались в самое сердце. Включалась и мама. Петь «Лучину», «Горят, горят лампадки» она начинала почти под слезы, потом наступало преображение, и «Звенел звонок насчет поверки» звучивался уже избавительно вольно. И происходило чудо: о еде почти забывалось. «Вечерять!» — звала мама. Желанная команда однако не обрывала песню, хотя раздраженно и не так истово, но доводили ее до конца.

Тонюсенькие-претонюсенькие скибочки из трех, а в лучшие дни из четырех или пяти картофелин на чугунок воды, как живые, юрко выскальзывали из ложки куда чаще, чем задерживались в ней. Иногда в мою ложку, как милостыню, мама опускала картофельный кусёночек. Добычу я сглатывал, а глянуть в ответ было стыдно. В таких случаях мама уверяла: «Два поймалось». Думаю, и ей от неправды было неловко: мы же видели — такой удачи мама себе не позволила бы. Она и от одного кусёночка, если кряду попадался, избавлялась, как от греха, и будто невзначай выранивала его обратно в чугунок. Вшестером мы быстро управлялись с ужином: жевали, считай, голую воду. «До завтрава зубы на полку», — под покорный мамин наказ мечталось надолго заснуть, чтобы незримо пропустить мучительно тягучее время и для еды полным ртом явиться уже в иные волшебные дни.

Дожили до весны — обрадовались: не смерть. Накинулись на всякое зеленое былиё. Но пора мало-мальски съедобной травы скоро кончилась, поневоле переключились на конский шавель. Деревянистым оладьям из него и откровенно неподобающим шам доброго слова не сыщешь, варево из кирзовых сапог, наверное, было бы менее противно. Зимой хоть изредка как остро нуждающимся власти выделяли на нашу семью буханку хлеба в неделю, с переходом на подножный корм блажь эту прекратили. То ли оттого, что голодный сквозняк был длительным, или потому, что истощение достигло конечного предела, думалось, зимой было полегче: из съестного тогда хоть что-то перепало.

...А рожь не торопилась дать зерно. Впереди еще были две недели цветения, затем две недели наливания. И уж потом две недели томительного созревания. Одно обнадеживало:

прошлогодний неурожай не повторится. Тогда колосья из младенческого возраста не вышли, как в мольбе воздето торча к небу, пропустовали лето и забыто усохли. Нынешняя рожь, слава Богу, вымахала выше головы, а мне-то — ого! — двенадцатый год.

Окажись посев где-нибудь подальше от дома, возможно, ожидание не было бы таким мучительным. Этот же клин подходил впритык к огородам, постоянно попадался на глаза, и дни погрузились в неодолимую пытку, с утра до вечера только и думалось: а вдруг где-нибудь на взгорке, на самом солнечном припёке, где всё вызревает быстрее, головки ржи уже обвисли под тяжестью. Прежде других наполнились мучнистым молочком. Но и на облюбованных буграх долго нечем было разжиться. В надежде выдавить хоть капелюшечку гожей жижечки я принимался жевать шершавое колосьё до соленой крови на языке. А хлебный зарод всё не объявлялся и не объявлялся. Оттого в душе нарастала землистая сутемь, будто невидимой рукой кто-то гасил, застилал перед глазами свет. Как-то мама споткнулась о порог, упала, и я обратил внимание на ее опухшие ноги: вон почему она в последнее время осела ростом и еле волоклась. Да и у самого тоже пропала всегдашнее желание к резвой ходьбе. Немошно огруз, не под силу затяжелел, хотя усох напрогляд до тощей щепки, под кожей между рёбер почти снаружи билось сердце. Видать, скоро тоже распухну, нальюсь водой. Чем это кончается, известно: в оккупацию в нашей семье уже умирали с голода.

Но время смилостивилось, сдвинулось куда надо. Наконец-то начавшие спело жестенеть колосья шелушились увесисто, один в один курбастые зёрна обнажались без труда, веились свободно. С разгона набивал рот, почти без слюны всухую проталкивая жёванку в глотку, зверино торопился. Добром бы это не кончилось, если бы не вспомнил запрет матери: после голодухи на пустой живот не жадничать. Иначе пузо — горой, глаза от колики — на лоб, и — каюк.

Из новины, когда злак еще не окончательно отвердел, хороша кутья: варится споро и в еде мягкая, не капризная, не нужно одурело лязгать зубами, гоняясь за каждым увертливым зернышком, как за вредной каменюкой. До первой муки и подовой ковриги еще нужно было дожить. Так что полуспелая кутья — начальный хлебный праздник, самая первая долгожданная радость.

Пилотка житом наполнилась не скоро, но наполнилась доверху, пришлось даже отворотами воспользоваться, почти вдвое увеличить емкость. Этого хватит на самый большой чунун, теперь вот, за сколько времени наконец-то всю семью

удастся по-настоящему накормить. В очередной раз поразила всяческой пригодности солдатского головного убора, который мы, пацанва, считали за счастье выпросить у возвратившихся с войны односельчан. Уцелевших солдат было мало, и редко кому из ребят выпадала удача обзавестись желанным сокровищем. Оттого пилотка для нас имела особую ценность, спали, не расставаясь, всю жизнь готовы были не снимать ее с головы.

Направляясь домой, страшился каждого шага, не дай Бог, споткнешься, выронишь поклажу, рассыплется зерно по земле, и кутья останется только в блаженных мыслях. Кутья, кутья... Зубы впустую со скрипом скребутся друг о дружку; до боли, до тошноты бурной струей пырскает слюна. Эх, два-три раза насытиться бы, глядишь, и отёки начали бы убывать, ноги бы повеселели. Ходишь немощно, хуже старика, случись убежать...

А объездчикам в эту пору, должно быть, дана команда: осатанели, рыщут днем и ночью.

...Его я увидел с открытого места, меня он заметил тоже. Размышлять некогда: вертанулся спасаться в рожь. Бежать сил не было, да и куда убежишь? Пока объездчик спустится в низину, пока поднимется сюда на бугор. А затем... Он же верхом, с высоты уследит за тобой, никакая стена ржи не скроет. И, как на грех, впереди большущая лощина. Обогнуть ее это же сколько времени потратишь! То ли страх, то ли явь: уже вблизи тяжело гукали настаигающие лошадиные копыта. Был бы червем, зарылся бы в землю... О-о-о, это же вы-ы-ход! В лощине мы не раз играли в прятки. Летом дно здесь усыхало, и под кошелестыми кочками, согнувшись в три погибели, кое-как можно было уместить себя.

Был бы червем... Был бы... Заползти, вонзиться вглубь. Уменьшиться до невозможности. Замереть... В какой-то момент образовалась окаменелая тишина, лишь над ухом, успокаиваясь, кротко шурухтела потревоженная кочка. Но вот снова от надвигающегося галопа всё различимей стала вздрагивать земля... Был бы червем... Был бы...

Перед кочкой конь вкопанно остановился, настойчиво стал бить копытом и беспокойно всхрапывать. Он словно указывал, где я нахожусь, и сердился, что его не понимают. Наверное, я уже не жил, всё во мне заледенело, перестало существовать. Остались только глаза и перед ними грозные конские копыта, из-под нависающей осоки до них я мог бы дотянуться языком...

Надсадным голосом объездчик злобно ругался. Ругался самыми нижними словами. Что-то там хлестко вжикнуло,

больно резануло по ноге. Должно быть, правда, во мне меня не было, иначе от такого горячего кнута дернуться бы не удержался.

— Найду — заporю! — ярился объездчик. — Но-о! — слышно было, как он хлестанул коня и с шумом умчался по ржи.

Я уже догадался, что это был наш хуторской Кузьма Алексеич, попросту Кузяка или заглазно Юз, а не приезжий Костюк. От него под землей не спрятаться и тюрьмы не миновать. Что сказать дома: Юз опознал меня или нет? Была бы пилотка на голове, можно и отвертеться, а без нее рыжие волосы за версту выдают себя, ни с кем меня не спутаешь... Но всякое бывает, издали он мог и не определить, кто это был.

А мать не сомневалась: расплаты не избежать, Юз своего не упустит. Мою рану мама укрывала листьями рай-деревя, от изношенной до марли рубахи оторвала холщовую полоску и забинтовала больное место.

— Из-за опуха толком не разглядеть. Вроде не до кости... И жила, кажись, не затронута, — сообщила она. И утешила: — Ну, да ладно, абы не тюрьма.

Мать пошла к Кастратею, не знаю уж подо что, просить бутылку самогона, откупиться от Юза более нечем. Опустевшая хата, бесприютное никлое одиночество, огнем полыхающая рана — навалились неподъемно, сдавили дыхание, перекрыли всякую жизнь. Плакал в помрачѐнном забытии не только глазами, но и всем нутром надрывно исходил разрывающей безысходностью.

— Петровна, твой Коляй был мне другом, — при всяком упоминании отца мама непременно заливалась слезами, и Юз попытался ее разжалобить.

— Спасибо, Кузьма Алексеич... Спасибо, что не забываешь моего хозяина, царство ему Небесное... Вот, выпей. Выпей. Помяни его добром... Закусить, не погребуй. Сам знаешь, ничего другого окромя той-то травы.

Это мать на закуску предложила оладий-дерунок из конского щавеля. Я лежал в закутке за печью, хотя и не видел, но без труда представлял, что происходит в хате. Уморишься глядеть, пока Юз будет цедить из стакана. Может статься: ненароком забылся человек, более того, погрузив губы в самогон до самого носа, внезапно заснул. Занятие это всегда заканчивалось мокрым чиханием. Если из стакана не всё разбрызгивалось, он отдувал в сторону плавающие склизкие высморки и, также уснувши, допивал остаток.

Уже был и чих, а Юз всё не начинал ругаться. И вот оно:

— А где же твой мальй?

— Да гдей-тось на дворе, — схитрила мать.

Наступило долгое молчание. Я замер, сейчас начнется правёж: нельзя, нельзя, нельзя — кругом одни нельзя.

— Я к тому, Петровна, что твой малый вроде хромает. Или мне показалось?

— Не показалось. Не показалось, Кузьма Лексеич. С голлду ноги опухли, ему не то что хромать, ползком сил нетути.

Странный, непонятный для меня разговор. Я же своровал пилотку жита: при чем тут хромота? А они уясняли что-то свое:

— Опух, Петровна, до крови может треснуть. Всяко бывает, не проглядеть бы.

— Да что ж... Буду послеживать.

— Ну да, ну да... И про рай-дерево не забывай. Боль хорошо убавляет.

— Спасибоочки, спасибоочки. На рай-дерево только и наждёжи.

А дальше речь пошла уже об иных делах.

— Наш колхоз это ж я создавал. Помнишь, ай нет... Ах, здесь ты еще не жила, за Коляем ты опосля оказалась... — Когда Юз пьянел, то пускался возвышать себя. — Думаешь, это легко? Думаешь, взяли и побежали в твой колхоз? Э-ге-ге!.. Чего это стоило, не знаешь!.. Одно сказать, из тех организаторов, считай, нас двое осталось: я и Костюк из Красной Яруги. Костюк теперь — от района уполномоченный, большая шишка!

— Что же ты от дружка отстал?

— Тяму не хватает.

Хорошо, что Юз не обозлился за подначку. Лучше бы его не трогать: не он от нас, а мы от него зависим. Это же замечательно, что «тяму не хватает», иначе бы угроза тюрьмы: ворвал-то я на колхозном поле. Юз, однако, не совсем без этого самого «тяма», хитрован, про пилотку с рожью словом не обмолвился, в случае чего, мол, не видел, не знал. А положением своим он всё одно гордился:

— Я ведь тоже не абы кто. Охраняю социалистическую собственность, чтоб не воровали. Несознательных немало...

Хотелось выкрикнуть: «Кузяка ты Кузяка!.. Было бы что жрать, разве полз бы в этот страх?.. Несознательные... На трудодни который год ничего не дают... несознательные...»

А вечером мы ели кутью!

Господи, жить можно.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

Алла Вениаминовна вставала за два часа до работы. Еще сонная, пила утренний кофе, затем начинала приводить себя в порядок. Волосы у нее были завиты «под негритенка», пружинили, и когда она их расчесывала, держались высокой шапкой. Наложив на лицо макияж, она надевала костюм с завышенной талией, смотрелась в зеркало и неизменно оставалась довольна.

— К обеду не жди, — сказала сегодня дочери. — Буду в деревне.

У подъезда уже стоял служебный автомобиль. В салоне сидели мэр города и заведующая муниципальным образованием. Ехали по важному делу — ликвидировать среднюю школу в Покровке. Когда-то Алла Вениаминовна жила в той деревне, работала пионервожатой, заочно окончила факультет физкультуры, выдвинулась в комсомольские секретари, а затем оказалась в горкоме партии. Образования ей не хватало, но Алла Вениаминовна брала нахрапом. Без тени сомнения она заявляла, что в революцию

ПРОЗА

коммунистической партии не было, а была революционно-социал-демократическая. Первый секретарь тоже, по-видимому, не ориентировался, какая партия была в революцию, и был удивлен, когда один из пенсионеров спросил его:

— Это что еще за революционно-социал-демократическая? А где же ВКПб?

— Да бросьте, — хохотнул Петр Иванович. — Главное, что сейчас КПСС — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Алле Вениаминовне очень нравилась ее должность: организовывать, распинать, брать, покрывать, выступать на митингах... В достопамятном девяносто первом жители города намертво забили горбылем «ум, честь и совесть эпохи». Однако вскоре двери открылись снова — бывший горком стал мэрией. «Абсолютным большинством голосов» граждане избрали мэром Петра Ивановича. Аллу Вениаминовну он сделал своим заместителем — и не мог не сделать, избирательную кампанию она протаранила, как бульдозер! Исполком и горком соединили навесной галереей, провели ремонт, и каждый чиновник получил достойные апартаменты. Вдруг придут заграничные гости? Не показывать же им прежние тесные кабинеты. А пока иностранцев не было, Алла Вениаминовна и Петр Иванович сами побывали в Канаде и ознакомились с тамошней системой управления. Положенный срок мэр отработал в соответствии с госпрограммой: ликвидировал шахты и вместе с ними половину шахтеров — самым развивающимся объектом в городе стало кладбище. Когда баллотировался во второй раз, государство его не забыло — Петр Иванович не только остался на высоком посту, но и получил звание «Почетный гражданин города».

— Не люблю я поездок по деревням, — обернулся он с переднего кресла к Алле Вениаминовне. Раньше Петр Иванович носил шляпу «под Брежнева», теперь кепку под кого-то в Канаде; кепка лежала у него на коленях.

— Ничего хорошего, — согласилась она. — Дороги ужасные, народ нетрезвый.

— Это самое главное: народ нетрезвый. Валентина Семеновна, вы взяли рулетку?

— Да, да, — кивнула заведующая образованием.

Дальше ехали молча, разговаривать не давала дорога: рытвины, кочки, в некоторых местах зияли длинные глубокие ямы, залитые водой.

Впереди показался Веселый хутор. Здесь был кирпичный завод, однако новым хозяевам — московским чеченцам — кирпич оказался без надобности, в цехах складировали бочки со спиртом, который привозили из Дагестана. Отсюда,

уже в пластиковых баллонах, спирт, превращенный в виски, коньяк и водку разбирали многочисленные торговцы.

— Прогноз погоды на сегодня не знаете? — спросил шофер. — Не дай бог, снова дождь, утопнем на обратном пути. Льет и льет, собака! Полмесяца уже льет.

Прогноза никто не знал. Взглянули на небо — оно было серым.

— Да, это ужасно, — вздохнула Алла Вениаминовна. — Можем попасть в канаву.

И опять замолчали: сюрпризы дороги не давали поговорить.

К Покровке подъехали только в первом часу. Вышли у школы. Алла Вениаминовна огляделась: давно не была в своей деревеньке. Как изменилось тут все! Домишки присели, хозяйственные постройки скосились, здания почты нет, детского сада нет, и даже липы с его территории куда-то делись... Липы-то почему?

Высоких гостей уже ждали. Директор провела их в один из классов, где за партами тесно сидело человек сорок.

— Здравствуйте! — бодро поздоровался мэр. — Ну какживаете?

Ответом было нахохленное молчание. Алла Вениаминовна постаралась замаять неприятность момента.

— Столбы к потолку, штукатурка на дранку, доска черной краской покрашена. Ведь и я сидела когда-то вот тут за партией. Мне казалось, что школа большая, классы большие, красивые, — и она усмехнулась. — Нет, надо жить в ногу со временем.

— Это уж слышали! — выбрался к ней худой мужичок. — Сказано, не дадим ребятишек в обиду — и не дадим! Вот вам ответ комитетом по правам человека! — тряхнул листком. — Сами побегайте за пять километров!

— Да знаем, всё знаем, — брезгливо отвела его руку Алла Вениаминовна, поскольку он совал ей листок прямо под нос. — Как не поймете, мы хотим для вас лучшего!

— Гонять детей до Веселого хутора, это называется, «лучшего»?

— Ну, почему же гонять? На автобусе.

— Тот списанный «пазик», который вы предлагаете? — выступила вперед преподавательница математики. — Он будет ломаться каждые два часа! А дети пешком ходить через лес? Деньги-то с нас сдерете: за эксплуатацию и ремонт.

— Ну, милочка, — фыркнула заведующая образованием, — страхи нагонять не надо. Есть постановление, и мы обязаны его выполнить. От вашей школы до трассы всего триста метров.

— Да, да, — встряхнулся Петр Иванович. — И почему вы так возмущаетесь? В Веселом хуторе преподавательский уровень намного выше.

— И у нас учителя хорошие!

— В общем, так, — отрезала Валентина Семеновна, — я не могу допустить, чтобы дети учились в плохих условиях. В Веселом хуторе прекрасная школа, есть компьютерный класс, и, хотите вы того или нет, ваши дети будут учиться там. Эту школу пора снести: сами видите — крыша прогнулась.

И началось!

— Мы своими руками меняли крышу! Липы спилили — поддерживать потолки. Видите, какие колонны? Не надо нам говорить, что школа плохая. Компьютеры и сюда можно поставить. Скажите прямо, что охота от школы избавиться, заодно и от нас, и от наших детей! Ни милиции уже нет, ни больницы, почта — и та ютится в школьной библиотеке!

Алла Вениаминовна с отвращением понюхала воздух.

— Кто спирт потребляет? Мы знаем, знаем: половина деревни! К чему вы детей приучаете? Сами спиваетесь и дети туда же покатаются! Кто из вас книги читает? Кто ходит в кино?

— Когда нам читать-то, у всех хозяйство. Не будет хозяйства, с голоду сохнем. На вас, что ли, надеяться? А кино-то откуда? Зайдите в наш клуб — сарай без окон. Люська там дискотеки летом проводит, берет по десятке за вход. Магнитофон у себя дома держит.

— Деньги кому? — насторожилась Алла Вениаминовна.

— Вашему отделу культуры. Люська туда за билетами ездит и отчеты сдает.

— А при чем тут отдел культуры?

— Да при том, что она на полставки работает: уборщицей и завклубом.

— Хватит балясничать, идем замерять расстояние. — Мэр надел на голову кепи. — Если от школы до трассы не более трехсот метров, неперспективные школы, как ваша, автоматически ликвидируются. Постановление области.

— Да что вы нам метрами тычете? — взвилась покровцы. — То ферму давай ликвидируем — нерентабельна, сдали коров на убой, даже стельных! То больница вам помешала!.. До школы теперь добрались!

Не отвечая, представители власти вышли на улицу. Валентина Семеновна тянула рулетку от крыльца школы, Петр Иванович и Алла Вениаминовна отсчитывали метраж. Народ шел следом и обалдело смотрел, как почтенная дама ползет по грязи, усердствуя изо всех сил.

Триста метров не вышло, не хватило шести. Начали перемеривать. Теперь усердствовала Алла Вениаминовна, вспахивая коленями землю и натягивая метр так, чтобы захватил больше.

— Ловчить-то не надо! — подбежал к ней тощенький мужичок.

— Двести девяносто четыре! — вновь объявила она, когда, сопровождаемая покровцами, доползла до трассы. Подол ее бежевого плаща был безобразен. — Разговор окончен!

Высокие гости сели в машину, та юзанула по грязной траве и покатила в город.

— Скоты! — ругались им вслед покровцы. — До областного суда дойдем! Не оставим так!

Они еще долго негодовали. А ночью преподавательнице математики приснилось, что Алла Вениаминовна в виде колорадского жука заползла к ней на кухню. Здоровый жук, наглый, и все бормочет, бормочет:

— Возрождающаяся Россия обретает собственную историю, рост показателей адаптации и оптимизма, адекватная социальная база, совместимость исполнительной и законодательной власти, структурные реформы, долгосрочные планы и стратегии...

— Прочь! — перепугалась хозяйка.

— Экстремизм отдельных личностей, ужесточение мер... — колорадский жук заползал все дальше.

Хозяйка схватила чугунный пестик и трахнула по нему. Черная жижа брызнула на пол!

Проснулась! Долго не могла избавиться от омерзения.

«Сожрут страну, сожрут, — с горечью думала она. — Никакой отравой их не возьмешь. Уж завелись если, то обязательно сожрут!»

ВАСИЛИСА

Ноябрь. Осевшее небо только изредка распахнется голубизной, но сразу затянут ее тяжелые тучи, и снова тоскливо, темно и придавлено. «Хоть бы снег выпал, — Анастасия вглядывалась в окно. — Не так бы уныло».

На лестничной клетке жалобно пискнул котенок. Анастасия вышла. Вжавшись тощеньким тельцем в угол, сидело пестрое некрасивое существо.

— Ты чей? — наклонилась она к нему. Вынесла блюдо с едой. Котенок жадно хватал куски, давился. В соседской двери шелкнул замок, и котенок опрометью кинулся с лестницы.

Рванулась овчарка, сразу учуяв запах...

— Котенок! — успела крикнуть Анастасия.

— Фу! Марта! — мгновенно понял сосед. Собака встала как вкопанная.

Анастасия пробежала мимо нее, схватила котенка. От ужаса тот всеми когтями вцепился ей в руку. Мужчина завел овчарку в квартиру, затем вышел узнать, в чем дело. На руке Анастасии крупными клюквинами проступила кровь.

— Срочно обработайте! — испугался он. — Лейте йоду как можно больше! Извините, что так вышло. Кошка, — посмотрел на котенка.

— Я не знаю, не разбираюсь...

— Окрас черепаховый, коты не бывают с таким окрасом.

Анастасия принесла кошку домой и назвала Василисой. Вечером постаралась отмыть ее, избавив от блох: Василиса вела себя напряженно, вздрагивая тощим хребтом, но не царапалась.

Так началась их совместная жизнь. Наблюдая за Василисой, Анастасия поняла, что та, кроме подвалов, ничего не видела. Может, и родилась там. Кошка открывала дверцу под ванной, залезала подальше, в пыль, в неопрятность; любила сидеть на лоджии, непременно на холодном полу. К хозяйке была почти равнодушна и вскоре запросилась на улицу.

— Куда же? — всполошилась Анастасия. — Там мороз, там собаки...

Но Василиса настаивала, и она отпустила.

Время от времени из подвала слышались душераздирающие скандалы, Анастасия узнавала мяуканье Василисы, и однажды, выйдя на непонятный шум на площадке, увидела комическую картину: соседка мыла пол, а по лестнице важно шествовала Василиса в сопровождении черного с белыми носками кота.

— Брысь! — соседка двинула кота мокрой тряпкой по морде.

Кот постарался прошмыгнуть мимо нее.

— Чего тебе? — она снова огрела его. — Ты из второго подъезда, с третьего этажа — ковалёвский!

Кот задрал черный пушистый хвост и расписал обидчице дверь.

— Ах ты, змей! — вскипела она.

Анастасия впустила Василису, спросила:

— Останешься или снова в подвал пойдешь?

Василиса не отвечала. С великого голода она ела все, что не приколочено, как студенты. Пополнела и округлилась. На улице не рвалась. Прыгала на шкафы, умудрялась ходить по бельевым веревкам на лоджии — находила себе развлечение. Время от времени под дверью завывал жених — ковалёвский кот.

— Ты как снабженец! — выговаривала ему Анастасия. — Хоть гони тебя, хоть мокрой тряпкой бей, все равно своего добьешься!

Выпускала Василису, но та быстро возвращалась назад.

Уже весь подъезд знал, что Василиса — кошка Анастасии и что у Василисы будут котята.

По выходным к Анастасии приходили подруги, усаживались за кухонный стол, и — то под чаек, а то и под рюмочку — коротали зимние вечера.

— Если котята будут пегие, как Василиса, их никто не возьмет, — пугали Анастасию.

Слыша это и словно понимая, кошка смущенно горбатилась и уходила подальше с глаз.

Но вот пришло в движение небо в легкой шуге облаков, побежала вода по дорогам, грязные кучи снега таяли и отползали в стороны; с крыш падали глыбы льда, белые поляны с ледяными монетками оседали у черемуховых стволов. Зажурчали ручьи в дренажных канавах, сияло солнце и тысячи солнц отражались в лужах и лужицах. В один из таких распрекрасных дней Василиса родила трех котят. Черные, с белыми лапками — как папаша. Тыкались мордочками Василисе в живот, а она, боясь шевельнуться, тихо и ласково их облизывала.

Теперь подруги Анастасии любовались заботливой матерью. Заглядывали к Василисе в коробку, старались побаловать ее лакомством. Разговоры непроизвольно сводились к животным. Ирина, к примеру, была свидетелем дружбы козы и пса.

— Ходили они, как на привязи. Джек ляжет, и она ляжет, еще и башку рогатую приспособит ему на пузо. Как-то на праздник мы с Джеком дурачились, а Бугель — пес с горнолыжного комплекса — приревновал. Имя ему горнолыжники дали: бугель — это горнолыжный подъемник. Парни отдыхали в тот день, Бугель бродил в одиночестве, потом, видать, надоело, прибежал к нам. Сидит в стороне и все злее, злее становится, и вдруг как вцепится Джеку в горло! А коза рожищами в Бугеля! Кое-как растащили.

— А мы в Америке скунса держали, — смеялась Людмила. — Жулик хуже сороки! Стаскивал к себе в угол все, что мог утащить. Маленький такой, а даже плед однажды упер.

Людмила в Америке прожила одиннадцать лет, но вернулась в Россию. «Ну как там жить? — пожимала она плечами. — Все чужое: земля, культура, чужие мелодии... Надо быть от рождения перекати-полем, чтобы не чувствовать родины. Деньги, удобства... Нет, это не сразу. Ну, пусть даже сразу вдруг привалило — к чему они, если душа моя здесь?»

Она жила в Арканзасе, где почти не было русских. Винула мужа: «Если б не он, никогда бы в чужую страну не поехала. Единственно, за что его уважаю — не побежал обратно. А то ведь взбрыкнут против России, готовы ее до смерти копытами затолочь, а сами из-за бугра напрямиком в Москву, и никаким домкратом не сдвинешь».

Между тем котята стали самостоятельно есть, а Василиса — исчезать из дома. Вернется, пересчитает потомство, помурлыкает с ним и снова уходит.

— Девчонки, заберите! — умоляла Анастасия. — Гляньте, какие котята хорошие. — Три пушистых комочка шустро бегали по квартире, задрав короткие, как молодая морковка, хвостики.

— Ты их сначала поймай, — смеялась Ирина.

Двух «мальчиков» подруги все же забрали, а кошечку с рыжей подпушкой Анастасия решила оставить себе, она походила на Василису.

Василиса уже не являлась к ней, и вообще Анастасия ее не видела. То бывало заметит среди зеленой травы пеструю Василисину мордочку, позовет или сама подойдет, поругает: «Что тебе дома-то не жилось? Я же тебе полную волю давала». Вынесет Василисе поесть. Теперь Василиса исчезла. Ковалёвский кот был на месте, а Василисы нет.

— Ну, ушла и ушла, — утешали подруги. — Радуйся, не появится с новым потомством.

— Да пусть уж появится! Вдруг под машину попала? Жаль мне ее. Такая она несчастная...

— Прям сразу и «под машину». Подожди до зимы: оголодает — придет.

Но больше Василиса не появилась.

РОДНЯ

Ночной звонок в дверь перепугал Веру. Вскочив с дивана, ударившись правым боком об угол стола, она замерла среди маленькой кухни. Показалось, что за окном, кто-то стоит! Окно было низко: возьмут и застрелят!

Устраиваясь к дядюшке в офис, она первым делом спросила его, как быть, если вдруг воры?

— Сразу же мне звони!

— Почему не в милицию?

— Что ты! Уже грабили один раз. Стену сломали, вывезли аппаратуру. Воры по-крупному хапнули, милиция вынесла остальное. Люди из соседнего дома видели.

В потемках Вера кое-как пробралась на склад, где не было окон, включила свет. За дверью урчала машина. Сильно

хлопнула дверца, — машина была грузовая. Сердце заколотилось: «Бортанут по двери и вломятся!» Не попадая на клавиши телефона, она едва набрала дядюшкин номер. Дядя молчал. С каждым гудком ей становилось страшнее: «Здесь медицинское оборудование, капиталы! Мне до конца жизни не расплатиться!»

Дядюшка наконец поднял трубку, но тут снова раздался звонок.

— Воры! Налетчики! — закричала Вера.

— Ничего не предпринимай! — Дядюшка тоже кричал, но голос не был испуган. — Если будут ломиться, милицию вызывай!

«У него же «группа поддержки»! — лихорадило ее. — Почему не пошлет?! Сам же сказал, что в милиции сволочь на сволочи!»

Дверца хлопнула снова, слышно было, как машина отъехала. «Вдруг в кухонное окно заберутся? Там решетка. Да что она. Выдерут!» — Вера сжалась в комочек, не зная, что будет через минуту, две? Не убьют, так заикой оставят!

Она отыскала фонарик, опасливо обошла офис, кухню, заглянула даже в душевую и туалет. Сердце билось нешадно. Потом болезненно захотелось спать. «Не пойду в институт. Пусть дядя хоть заворчится: лягу сейчас, и всё». — Ей разрешалось спать только до половины восьмого; к приходу дяди она должна была быть причесанной, спрятать постель, вскипятить чайник и сварить манную кашу — у дяди большой желудок.

— Приучайся к порядку, — наставлял он. — Мне неприятно видеть белье на диване. И тебя неприятно видеть растрепанной. К тому же могут быть посетители.

Посетители были редки, но Вера ему не перечила. Кто ей заплатит семь тысяч в месяц? В институте сокурсницы ей завидовали: «Сорок две тысячи! Ого-го!» — дядя сказал, что оплачивать будет по полугодиям. Но Вера не говорила, как ей тяжело: она с вечера чистила снег во дворе, мыла полы во всем здании, сторожила ночами, а в выходные не имела права никуда отлучиться.

— Про выходные забудь, — вдалбливал дядя. — Делай контрольные и курсовые нерадивым студентам, деньги не лишние. Когда я учился — на курсовые жил. Мать не тревожил просьбами о деньгах. Вы сейчас слишком самонадеянны. Думаете, что родился — и осыпал весь мир! Нет, за место под солнцем надо бороться, надо кусаться! А денежки, милая, надо любить и копить!

Он ставил Вере в пример себя, единственного в роду, воровавшего большими деньгами:

— Твоей отец мне двоюродный брат, мы выросли вместе, вместе учились, но я стремился вперед, а он завис в терапевтах.

Вера чувствовала, что надолго ее тут не хватит. Только бы продержаться полгода, на которые сделали с дядюшкой договор.

Она не услышала, как он вошел. Он сам открыл входную железную дверь. Увидел племянницу, спавшую за столом бухгалтера, растолкал:

— Что тут случилось?

— Н-не знаю, — промычала она.

— Иди, свари кашу.

Дядя обследовал кабинет, склад, пересчитал ящики и пришел в кухню. Молоко из кастрюльки, вскипев, вылилось на плиту, Вера спала, ткнувшись носом в диванную спинку.

— Ты что себе позволяешь? — потрянул он ее. — Немедленно вычистить все и проветрить! Спать можешь в своем общежитии!

В дверь позвонили. Бухгалтеру было рано. Дядюшка прошагал на склад, оттуда в «прихожку», дождался второго звонка. Спросил:

— Чего вам?

— Откройте, Лев Константинович! Из Ижевска приехали. Ночью. Хотели у вас остаться, да сторож, видать, напугался.

Дядюшка отпер дверь, радостно встретив приезжих, которых ждал со дня на день. Извинился за Веру. Показал оборудование, говоря, что добыл его чудом, через связи в Москве... Явилась бухгалтер. Оформили сделку, распили бутылку вина, — Вера прислуживала им за столом. Дядя был весел и возбужден.

Покупатели, загрузив машину, уехали.

— Эх ты, трусиха, — хохотал дядюшка над племянницей. — «Налетчики, воры!» Побольше бы мне таких! Что ты все хмуришься?

— Я не буду у вас работать, — тихо сказала Вера. Вещи ее были собраны.

— А что такое случилось?

— Заплатите мне, и простимся.

— Тэ-экс... И сколько же ты заработала?

— Тридцать тысяч. Я больше четырех месяцев здесь.

— Понятно. А ну-ка давай подсчитаем? По междугородке звонишь родителям? Да, звонишь. Компьютером пользуешься? Постоянно: и днем, и ночью. Вода, электричество, газ... В Новый год пустила друзей, сломали журнальный столик, а он инкрустирован.

Дядя вынул бумажник и положил перед Верой две тысячи:

— За расторжение договора до срока. Остальное — на твоей совести.

Вера почувствовала, что сейчас потеряет сознание. Долгие ночи в тревоге от каждого стука и шороха, тяжелый физический труд... Да разве так можно?!

Бессильная что-либо изменить, не поднимая налитых слезами глаз, она надела пальто и вышла. Денег она не тронула.

ПЕСНЯ НА БОЛОТЕ

Июньский день заканчивался, но солнце, словно в каком-то азарте плавя асфальт, стекла и крыши домов, все еще пылало на небосводе. Листья на деревьях обвисли, почти не давали тени, люди дышали с трудом. На вокзальном перроне, сгрудившись прямо у рельсов, пассажиры с неистовой жадностью смотрели в сторону приближавшейся электрички. Наташа уже представляла, как встанет под открытую форточку, где будет ветер, будет прохлада.

— Ну и жарина, — повернулся к ней парень в милицеейской рубашке. Рубашка от пота липла к его груди. — Ездил в Москву на соревнования. В поездках продохнуть невозможно. Диплом первой степени получил.

Но ей было не до него: подошла электричка. В вагоне, кинув на скамью свои вещи, Наташа встала у форточки, не желая никому уступить это место.

— Тень. Хорошо, — парень встал рядом, утерся платком.

— Осторожно, двери закрываются, — предупредил динамик.

Электричка медленно проползла мимо пригородных строений, миновала железнодорожный мост и стала набирать скорость. Выкинув за окно обе руки, Наташа хватала ветер, волосы растрепались, в голову дуло, дышать стало легко.

— Я вот тут с краю... — парень тоже высунул руку.

— А нет других окон?

— Да я не буду мешать. Вы до Жуковки?

— Вам это важно?

— Готовим билеты! — вошла в вагон контролерша.

Наташа достала из сумочки свой билет и вернулась к окну. Скошенный луг, томительный запах неубранных трав, глиняные пролысины, куртины верб, лес вдалеке, кажущийся прозрачным...

— Как вас зовут? — отвлек ее парень. — Нам еще два часа ехать вместе. Меня — Станиславом.

Контролерша прошла мимо них, ничего не потребовав.

— Милиция. Уважают, — усмехнулась Наташа.

Парень обиделся:

— Напрасно вы так. Просто я никогда не обманываю, у меня, наверно, на лбу это написано — на меня поглядят и пройдут мимо.

«Ну и тип, — она попыталась спрятать улыбку и не смогла. — И как таких в милиции держат?»

Парень, однако же, продолжал:

— Все равно это трудно: узнать, кто честный, кто нет. Меня, например, даже друзья предавали. Даже близкий друг предал. Я при встречах потом стыдился смотреть на него. А он — ничего. Он получил двадцать тысяч. В благодарность, что помог свести со мной счеты.

Наташа вздохнула:

— Низость овладевает людьми...

— Вот видите, — воодушевился попутчик, — я еще на перроне понял, что вы человек хороший. Можно даже сказать, замечательный. Как вас зовут?

Всерьез принимать его было нельзя и не всерьез принимать — тоже нельзя.

— Наташей зовут. Хотите печенья? — предложила она.

— Нет, мы к Яринской подъезжаем, я сбегаю за мороженым. Стоянка в Яринской двадцать минут, здесь электрички пережидают товарные составы.

— Как в «Мимино»: «С пассажирами ничего не делается, а куры протухнут».

Доехав до Яринской, народ кинулся к сиротским ларькам, торчавшим с боков не то площади, не то обыкновенной поляны. Ларьки уже были закрыты, деревянный вокзал тоже закрыт. И солнце укрылось за горизонтом. Сначала не замечали зловещеглухой тишины, толкаясь взад и вперед по перрону. Но когда заработало «сарафанное радио», всполошились: где диспетчер, где машинисты? Оказывается, железнодорожное полотно впереди искорежено: ночью с рельсов сошли два товарных вагона. Утренняя электричка дальше Яринской не пошла, с обеденной произошло то же самое, обе электрички завернули назад.

— Зачем же билеты нам продавали? Зачем обманывали?..

— Цены вздрючивают каждый квартал, а условий как не было, так и нет!..

Вдоволь навозмущавшись, стали ждать, чем закончится. Возвращаться назад не хотелось: тлела надежда, что дорогу успеют отремонтировать. Комары затаили голодный звон. Пришлось укрываться в вагонах.

Наташин попутчик подсел к ней поближе.

— Вы замужем?

— Товарищ милиционер, — окликнула его женщина с вязанием в руках. — Сходите к машинистам, скажите: пусть включают свет.

— Да где они, машинисты-то? Чего напрасно человека гонять?

— Люди добрые, закройте же окна, комаров набралось!

Электричка вдруг дернулась и покатила.

— Го-осподи!! — ахнули хором. — Ни о чем не предупреждают! А если кто под колеса попал?!

Без остановок промчались две станции, затем динамик оповестил:

— Дальше не едем. — Двери с шипением раздвинулись.

— Да едрит-твою! — весь вагон встал на дыбы.

— Тихо, ребята! — злорадно раздалось в полутьме. — Сейчас костер разведем. Запалим у самого электровоза.

Это дикое предложение неожиданно получило поддержку. Кинулись к выходу. Слышалось: «У-уу... Болото! К электровозу, к электровозу, пусть знают!..»

Наташин попутчик взял ее за руку:

— Идемте?

Помог ей спуститься с подножки, и осторожно пошли вперед. Болото давно пересохло, ноги проваливались в глубокий мох. Станислав поднимал с земли какие-то ветки, набирая в охапку, Наташа шагала за ним, стараясь не потерять из виду.

Костер запылал прямо под носом у машинистов. Вполне вмняемые люди орал песню из «Бременских музыкантов»:

Не желаем жить, эх, по-другому!

Не желаем жить, эх, по-другому!

Ходим мы по краю,

Ходим мы по краю,

Ходим мы по краю, по краю ро-о-дно-ому!

— Кончай дурака валять! — резко откинулась дверца кабины. — Все по вагонам! Отправляемся!

Станислав наклонился к Наташе:

— Вы позвонили домой, что задержитесь?

Она, смеясь, только махнула рукой.

Электричка мчалась, как на пожар. Пассажиры болтали. Наташа держалась за Станислава, он за нее.

— Нажми-ии! — выл в темноте восторженный мужской голос. — Взлетим как «Боинг»!

А за окнами, словно и впрямь уже летели по небу, ярко сияли звезды. Наташа со Станиславом упоительно целовались...

— Елки зеленые! — очнулся кто-то в вагоне. — Ни автобусов, ни хрена в этот час! Как домой-то попасть?

А БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ НА ПРУДУ..

Светало ни шатко, ни валко, но к половине одиннадцатого день все-таки прояснился. И почти сразу городской пятак, застроенный в семнадцатом веке, затрепетал белым кружевом на белых пригорках. Этот ансамбль церковей много раз открывался взгляду Галины, она могла бы не замечать узорочья башен, крылечек, окошек; не вглядываться в изящество куполов. Но снова и снова ее тянуло это видение. Казалось, церкви сошли с небес, уютно устроились, и лишь потом потянулся сюда народ.

Таксист тоже, видать, засмотрелся. Передние колеса выскочили за колею, и машина уперлась носом в сугроб.

— Фу ты! — мужчина вышел расчистить дорогу.

Откинув снег, снова уселся за руль.

— Каторга!

Всю ночь они боролись с убродом. Трасса была в глубоком снегу, порой шофер не справлялся один, и тогда Галина садилась за руль, а он сзади толкал машину. С Божьей подмогой одолели двести пятьдесят километров.

— Дня три никто дорогу не чистил! — возмущался водитель. — Прямо какое-то средневековье!

Он повернул к городскому рынку, а там до «Белого лебедя» было недалеко. Спросил у Галины:

— Кто у вас там?

— Сын. За наркотики посадили. Пришили дело...

— Во, гады, что творится! Третий парней сидит ни за что! Я читал: торговля наркотиками одна из самых прибыльных статей любого государства. Правительство вроде как борется: сажает всякую мелочь да неповинных, а настоящих наркоторговцев никогда не затронет.

Чтобы не зареветь, Галина прижала кулак ко рту.

...В пятнадцать лет сын уже «наркоман» — и лишь потому, что безмозглая ребятня взяла в руки те страшные сигареты. Подпитой мужичок приставал во дворе, щедро выдав «на пробу» по штуке. А затем в кабинете милиции они клеветали этому «подпитому» на какого-то парня — якобы предложившего им наркотик. Саша не мог клеветать — даже под угрозой детской колонии. Был занесен в черный список, а дружки отделались легким испугом.

...За «наркоманию» Сашу не взяли в армию. Галина была счастливейшей женщиной на земле! Пусть «наркоман», «разложенец», пусть хоть какое клеймо, но только не армия! Хватит ей старшего сына! Вернулся инвалидом. Страшные ночи и дни, дрожь от любого звонка — сейчас сообщает, что Алеша

погиб! А телевидение тыкало ей в лицо убитых в Чечне солдат, и следом — банкеты детей «элиты».

Не пугали даже угрозы: «Все равно твоего Сашку засадят!» За что?

...Засадили. Не простили, что не солгал, «не помог» следствию в поимке «матерого наркоторговца». Показания запуганных сопляков против Саши, два обыска в доме, когда Галина следила в четыре глаза, чтобы не подсунули «порошок»... Адвокат, прокурор и судья в одной связке... Галина пыталась их уличить, но Саша со всем соглашался, и только здесь, в «Белом лебеде», шепнул матери на свиданье, что она вела себя глупо.

Семь лет! За подкинутый порошок в Сашин рабочий шкаф.

— Ну, всего вам хорошего! — шофер помог Галине дотащить сумки до КПП. — Авось повезет, трассу прочистят, а то не знаю даже, как возвращаться.

— Дай вам Бог удачи! — перекрестила она его на дорогу.

В гостинице, куда ее провели после досмотра, Галина кинулась сразу в общую кухню. Вчера напекла пирожков — разогреет, угостит сына. В кухне, знала по опыту, у плит и столов очереди, но ничего, она подождет.

Столы и плиты действительно все были заняты. Не было и свободного стула. Галина привалилась к косяку, держа в руках пакет с пирожками, растительным маслом и «Каплей» для чистки посуды. Молодой парень со страшенной татуировкой кочевряжился перед матерью и накрашенной женщиной — то ли сестрой, то ли «подругой». Этих «подруг» в «Белый лебедь» приезжало бессчетно. Зачем? Но Галину не интересовали причины. Мат висел под потолком, казалось, шевелясь вместе с дымом от сигарет и копотью от горелого масла.

— Да заткни ты ему пасть! — взывала женщина от плиты. Но мать татуированного лишь кукожилась на стуле и молчала.

Таджичка, мешая плов, вставила свое слово:

— Совсем некультурные русские люди. Матерятся. Женщины курят. У нас в Таджикистане никто так не делает, у нас народ культурный.

— Молчи, крыса! — взъелась «подруга» татуированного. Небось, когда со своим мужиком сидели у нас на грязном асфальте, просили на кусок хлеба, мы не были для вас некультурными! Сезонные беженцы, растудыттвою!.. Как весна, так вы вот они! Детей не жалели, таскали с собой!..

— «Кусок хлеба», — ржанул татуированный. — У-уу, собаки, поубивал бы всех! Четыре года ее мужику отвалили за помощь следствию. Вышку, б..., за такое надо!

— Вешать их, как в Китае! Всех, б., кто торгует наркотиками!
— Охрана, охрана, — перепугалась таджичка, сделав движение к двери.

— Не успеешь! — гаркнула женщина с хриплой, как у мужика, глоткой.

Галина тоже не выдержала.

— Зачем вы живете в России, если все у нас некультурные? Возвращайтесь в Таджикистан, там теперь хорошо, сытно.

— Хорошо там, хорошо стало, — быстро закивала таджичка. — Но мы же привыкли здесь, дети привыкли, они никуда не хотят.

— Правильно, куда им хотеть? Папашу заменят, — буркнул мужчина, стоявший возле окна.

Наконец освободилась одна из конфорок. Галина вымыла сковородку, и в эту минуту вошел в кухню сын. Строгий, крупный.

— Спасибо, мам, что приехала, — подошел к ней.

На людях они никогда не показывали своих чувств. Уже потом, в комнате, по их тоскливым, любящим взглядам было ясно, как горько им и мучительно.

— Может, под амнистию попаду, — подал надежду сын. — Через месяц.

Мать аж зашлась от счастья.

— Деточка! Милый мой деточка! И уехал бы ты к дяде Пете в Североморск...

— Никуда не поеду. Я не виновен.

— Так работы же нет. — Ей не хотелось, чтобы сын возвращался домой. — Армяне налезли, работа теперь только у них: власти стараются.

— Я не без рук, не без ног.

Галина занервничала, зашагала по тесной комнате для приезжих.

— Не надо домой! Опять *те* накинута! Мало я слез пролила по тебе и Алеше?

— Ну, чего ты? — сын подошел к ней, обнял. — Гадать да гадать: выпадет мне амнистия или нет? Может, две трети срока придется тянуть.

— Ну да! Для тебя первая ходка две трети, и таджику две трети, и чеченскому боевику две трети, и киллеру, который напротив твоей кровати, две трети... Где справедливость-то, а?..

— Сядь, мама. Я очень соскучился по тебе! Они без тюрьмы наказаны. Чеченец ползает перед нами, готов хоть трусы нам стирать. Киллеру его убитые снятся, лысый стал, волосы от ужаса облетели. И таджику, думаю, погибшие от наркотиков снятся. Расскажи лучше, как там Алеша?

— Голова у него сильно болит. Получит пенсию и запьет, говорит, что от водки боль утихает. А меня на улице знакомые останавливают: «Совсем твой Алешка с катушек слетел». И про тебя спрашивают: «А Саша-то где?» — Будто не знают, где ты. «В тюрьме», — говорю. Думают, врать буду, выкручиваться.

— Переживем, мам...

Они встали к окну, из которого виднелись угол казармы и колючая проволока. Серо-грязное небо душило короткий декабрьский день.

— Жаль, что церквей отсюда не видно, — со вздохом сказала Галина. — Я мимо них еду и всегда вдруг подумаю: «Тихо люди жили, без суеты. Мудро жили». И знаешь, Саша, мешали они своей жизнью соседям. Брошюрку я недавно читала. Нападали соседи, разорjali здесь всё, церкви крушили. И удивительно: стоят церкви. Всего натерпелись, а стоят, радуют...

— Ты не взяла брошюру с собой?

— Как не взяла. Взяла. Да ты ешь пирожки-то, остывают уже... Когда увидимся в другой раз.

ОДИНОЧЕСТВО

У Андрюши дома есть всё, что душе угодно. Железная дорога, радиоуправляемые автомобили, книжки с замечательными картинками, но любит он только беленькую собачку Куську, потому что Куська живая. Да и знакомы они давно — с тех пор, как Андрюше исполнилось полтора года. «На пасик, укусь!» — подставил он палец щенку, которого папа принес домой. Так и стала болонка Куськой.

Няня, с которой Андрюша остается на целый день, не жалует Куську и даже забывает ее накормить.

— Куська, — шепчет ей на ухо мальчик. — Шас...

Он лезет на стул, открывает холодильную дверцу и достает все, что, по его мнению, Куське может понравится. Он и сам вместе с ней поест, а потом, так же со стула, дотянется до умывальника, аккуратно вымоет Куськину миску и наберет в миску воды.

— Попей, Куська.

— Ах ты, шпана! — ругается няня за то, что на пол пролита вода. У няни вечные спицы в руках, она вяжет кофты и свитера и как только мать и отец Андрюши приходят с работы — прячет вязание.

Андрюша плачет, забившись в угол, Куська жалеет его, слизывает слезы со щек, так, в обнимку, и засыпают.

Мать Андрюши преподает математику в школе, отец торгует на рынке, много платит няне им не с чего, и она недовольна.

— Пятьдесят рублей в час, это, простите... От ста до двухсот берут.

— Вы не обременяйте себя, — утешают ее. — В холодильнике все приготовлено, нам лишь бы ребенок был под присмотром.

Но настоящая няня все-таки Куська. Даже на улице, когда идут на прогулку, Куська не бежит вместе с другими собаками, а следит за Андрюшей и ищет для него лакомство. Сырники совсем теплые, подгорели чуть-чуть, кто-то в окошко выкинул, — Куська съедает один, а второй съедает Андрюша. Няня не видит, она сидит у подъезда и сетует женщинам:

— Горя-то, горя мне за пятьдесят рублей в час. За всем доследи, за всё отвечай... Правильно, хорошо, когда нянька в доме: выспится вволю ребенок, наиграется вволю...

Она говорит это в сто первый раз и женщины, в пику ей, замечают:

— Все равно в детском садике лучше. Воспитание, обучение, и с ребятей целый день. Музыкальный час тоже есть: песни поют, танцуют.

Няне это не нравится.

— А вот племянница у меня во Франции, так у них в детсадах нет музыкальных занятий. Никаких пианин там нет!

Женщинам тоже это не нравится.

— Ну и что в том хорошего? У них, наверно, и детсадов раз, два и обчелся, как у нас теперь стало. Грех-то какой забирать детсады под конторы и офисы!

— Пятьдесят рублей в час... — бормочет няня себе под нос. — Давно берут от ста до двухсот. Андрюша! — зовет. — Давай закругляйся, домой пора!

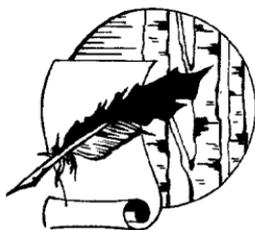
Мальчик вздрагивает, смотрит по сторонам, словно боится не запомнить траву, деревья, небо, не надышаться свежестью воздуха, — и медленно идет к унылым четырем стенам.

Дорогие наши соратники!

Журнал «Молодая гвардия» особенно близок нам. Да по-другому и быть не могло, потому что С.В. Викулов, сформировавший патриотическое направление «Нашего современника», пришел в наш журнал из «Молодой гвардии», где работал заместителем у легендарного А.В. Никонова. Многие «молодогвардейские» авторы активно публиковались и в «Нашем современнике». Среди них М.Лобанов, С.Семанов, А.Кузьмин, Т.Глушкова, В.Чивилихин, В.Пикуль. Плодотворное сотрудничество двух ведущих органов патриотического направления продолжается и сегодня.

**Поздравляем «молодогвардейцев» со славным юбилеем!
От души желаем журналу «Молодая гвардия» больших тиражей, а сотрудникам редакции — благополучия!**

Редакция журнала «Наш современник»

Евгений ЮШИН

РАССКАЖИ МНЕ, РЕКА...

* * *

Заголосили леса окрест,
Рвутся — рубахи по ветру.
Ветер ли пьяный летит с небес,
Тучи ли ходят по воду?

Повырастали вокруг кремли.
Строят дворцы горбатые.
Вот не осталось родной земли —
Всё закупили знатные.

Страшное время... И мы — труха,
Следствие эволюции.
Дети не слышали петуха —
Как им теперь проснуться?!

Старая, новая правит знать —
Всё за границу продано.
Видно, и вовсе не хочет знать
Наш государь о Родине.

Стелется черная колея —
Наискось — шире, шире.
Если молчу я, то кто же я
В этом погибшем мире?

Всё помету на своем пути —
В пыль придорожную, в крошево!
Свечкой березы мне путь освети
Родина, мать Божия!

НА РЕКЕ ПРЕ

Здесь пахнет Севером и Русью,
И под мостом, волной хрипя,
Проходит Пра и, словно бусы,
Озера нижет на себя.

Здесь, накреньясь, сосна-калека
Земную зацепила ось.
Стоянку каменного века
Скопа оглядывает вскользь.

Толпятся дикие угоры
И белой искрой — там и тут,
Мерцают, словно волчьи взоры,
По темноте костры бредут.

Теснятся струги со снастями,
И комариный пляшет гуд,
И деревянными костями
Телеги тяжкие трясут.

Спасая жизнь, спасая веру,
К груди прижавши топоры,
Уходят топью староверы
В молитвословные боры.

Рычат века. Все ближе, ближе
Гармонь колхозной городьбы.
А Пра плывет и нижет, нижет
Туманы, судьбы и гробы.

И город давний, деревянный —
Сады, песок да лебеда —
Встречает улочкою пьяной,
Туда петляющей, сюда.

На рынке — солнце с новостями
И тополиный пляшет пух,
И шуки с гладкими хвостами
Уныло плятятся на мух.

Улыбки, встречи... Душу пели
Мы под гармошку, под баян.
Какие войны одолели!

Какие судьбы пролетели
И в сизый канули туман!

То гром ружейный, то небесный.
То стяг Победы, то полон.
Неужто были бесполезны
Все жертвы прожитых времен?!

Зачем всё это было, было,
Зачем терзало и трясло,
И всё, что гены прозносило,
Травой тяжелой поросло?!

И для чего от века к веку
Мы ищем смысл бытия?
Вполне достойно человеку
Жить незлобливо и любя.

Любя, как есть! Не тшась, не мучась!
Душой открытою принять
Полей родительскую участь,
Лесов напевных благодать.

Любить, как мать, любить, как Бога,
Как жизнь случайную свою, —
Сырую от кровей дорогу
И в ней — родную колею.

* * *

Затерялась Русь в Мордве и Чуди.
Сергей Есенин

Расскажи мне, река... На охрипшем в ветрах крутояре
Сколько стрел просвистело и песен угасло в веках?
На поречных лугах гомонят до полночи татары
И потеет конина, шипит в раскаленных углях.

Только пляса кривая теней да подлунная птица...
Петушиным пушком догорают седые угли.
И черствы, что копыта, под утренним заревом лица —
Пролетают войска серым ветром дорожной пыли.

Миновали века. Но наследство — оно неизбежно.
Мне навстречу бежит татарчонок, а тоже, ведь — Русь.

Так же листья ему шелестят сокровенно и нежно,
И в глазах его светит такая рызанская грусть!

Не сама ли земля — хоть каких ты кровей и замесов —
Тайным током любви, словно пульсом втекает в виски.
Вот пшеница плывет, разбиваясь волною у леса,
Облака над холмами роняют свои лепестки.

Хорошо на заре править лодку в кувшинках — на заводь,
И ловить молодых ветерков быстротечную грусть.
И тогда наплывает, как песня, далекая память,
И росую на сердце мерцает рассветная Русь.

ЛЕТО 2010

Как шмель огромный, влажный глаз коня
Последнего, быть может, на Мещёре,
Вдруг отразил клокочущее море,
Рассудок потерявшего огня.

Привычно у ограды стог дремал.
Но сердце встрепенулось, придушило,
И кровь пошла ознобом, и заржал,
Зверья, конь, и задышали жилы.

И люди выбегали из дворов
С иконами, с детишками, с узлами...
Утробное мычание коров,
Как полымя стелилось над домами.

И зарычали ветер и огонь,
Когтями золотыми небо рыли.
И полетел дымами старый конь,
Опережая огненные крылья.

И ни луны, ни солнца над землей!
И в небо поднимается деревня,
И оседает черною золой
На пажити и серые деревья.

Но конь летит! Последний, может быть!
Уж он-то должен вырваться из плена!
Горит в Мещёре... Прошлый век горит.
И роет землю огненная пена.

Густое пламя сходится в кольцо
И нет нигде спасения на суше.
И оседает на мое лицо
Горючий пепел горестной Криуши.

Смотрю на неживые небеса,
Но ржание далекое, родное,
Я слышу, слышу. Душит дым глаза
И меркнет смертный мир передо мною.

МОЛЕНИЕ О КРЕСТЬЯНАХ

...Сохрани же, Господь, нашу светлую, щедрую землю
От пожаров, потопов и прочих негладанных бед.
Вот и я твою боль за грехи человека приемлю,
Потому что страшнее, наверное, хищника нет.

Но не все так грешны. Эти люди в деревне у леса
Виноваты лишь в том, что доверились власти чинов —
Не смогли отстоять свои вольные чистые веси
И увязли в морщинах полей и развилках дорог.

Пожалей их, Господь. Без того им по жизни досталось
То пахать, то косить, отправлять сыновей на войну.
Кроме этой избы с огородом, у них не осталось
Ничего.
Ничего не могу им поставить в вину.

Сохрани им любовь к этим пажитям, синим болотам,
Буеракам и песням в исчерченных плугом полях.
Здесь полынь на меже пахнет кровью и дедовским потом,
И ладонями бабушки теплится мята в лугах.

* * *

Молодые яблоки в саду.
Прикушу — и вспомню дорогое...
С XXI веком не в ладу
Мы с тобой, село мое, изгой.

Потому, что — деньги, суета,
Нано-технологии и нано-
Совесть, честь — и ходит без креста
Нано-жизнь, покачиваясь пьяно.

Свищут ливни, стонут ковыли.
Вот ведь как, родимые, бывает:
Нет цивилизации вдали,
Изжила себя и умирает.

Мы живем в трагическом краю.
Мы живем в трагическое время.
Мы — на самом, может быть, краю,
Землю удушающее племя.

Юрий ВОРОТНИН

НА ВЕЧНОЙ ДОРОГЕ

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ ИМПЕРИИ

Что мне делать, скажи, одинокому, сильному, злому?
Если бедный мой край то слезами залит, то вином,
Если вяжет неправда тяжелые руки узлом мне,
И ночами потери стучатся в затылок виной.

Посмотри на меня — я умел останавливать время.
Я умел выживать, где огнем выжигали глаза.
Только реки мои все равно на земле обмелели,
И от дыма земного мои не видны небеса.

Где держава моя, что гремела от моря до моря?
Где солдаты мои, что к плечу подставляли плечо?
Я остался один на сквозном пулеметном просторе,
Обреченный на подвиг, щитом награжден и мечом.

Ты прости мне, империя, слезы мои на погосте.
Только слезы свои не прощай никому никогда.
Три известных дороги лежат предо мной, как пред гостем,
Три известных дороги ведут неизвестно куда.

* * *

Не мерещится мне и не снится,
А творится со мной наяву —
Прямо в руки садится жар-птица,
А синицы летят в синеву.

Ослепительный царский подарок!
Тяжесть золота грею в горстях.
А синицы поют спозаранок
И гоняют мошку в воздушных.

Оттого мою голову сносит,
Как под ветром макушку сосны,
Что жар-птица — как поздняя осень,
А синицы — предвестье весны.

Ячея у ловушки густая,
Но я душу свою не гублю,
И жар-птицу из рук выпускаю,
И синицы в силки не ловлю.

* * *

Ни тебя, ни себя не жалею.
Ты не стой, как свеча, надо мной.
Я не умер, я только болею,
В этот раз пронесет стороной.

Лишь со временем я вразумею:
Потому пронесло стороной,
И не умер я, только болею,
Что свечой ты горишь надо мной.

* * *

Водит поле ли, кружит ли лес,
Выплывает луна вместо солнца —
Тот, кто звезд не хватает с небес,
Не достанет воды из колодца.

А в колодце живая вода,
Два глотка — и душа заиграет.
Загорится под сердцем руда,
Серебро под гортанью растает.

А над крышами звезды горят
Так свободно, что чешутся руки
Сбить бы их да украсить бы сад
В золотые соцветья и звуки.

Размышляю о зле и добре,
Заблуждаюсь в поспешных итогах,
А виски от воды в серебре,
И от золота руки в ожогах.

ПРОСТАЯ ПЕСНЯ

Когда на ветру закачает,
И черти запляшут в глазах,
Лечи меня медом и чаем,
И баней на крепких дровах.

Я знаю, от этой истомы,
От запаха трав и хвои
Срастутся мои переломы,
Затянутся раны мои.

Как будто листочек кленовый,
Прорежется в небе звезда.
И старый я буду, как новый,
А ты, как всегда, молода.

Не выкинуть слова из песни.
Пусть каждый грустит о своем.
Мы прожили счастливо вместе,
И, Бог даст, еще поживем.

* * *

За мороз, за дождь неутолимый,
За войну, за «быть или не быть»
Дай всем русским, Боженька родимый,
Хоть чуть-чуть в Швейцарии пожить.

Дней по пять, а больше их не мучай,
Затоскует каждый, заскулит
От лесов зеленых — не дремучих,
От озер прозрачных — не кипучих,
От дорог, затоптанных в гранит.

Всех часов биение наручных,
Всех органов мощное созвучье
Колокольчик в поле однозвучный
Переплечет, переголосит.

* * *

Не прощай, говорю, до свиданья!
Мы увидимся в той стороне,
Кто до срока, а кто с опозданием,
Но пред вечностью все наравне.

И в ее ослепительном свете,
Пред ее ледяной немотой
Мы замрем в ожиданье, как дети,
Но уже за последней чертой.

И под взглядом высоким и строгим
Вдруг пойдем, исполняя обряд:
Кто уходит по этой дороге —
Никогда не приходит назад.

Но пока мы еще не шагнули
В эту пропасть, в застенок, во мрак,
В скользком воздухе замерли пули,
Змеи сжались, как пальцы, в кулак.

Ветер волком в полях негодует,
Щучьим холодом тянет с реки.
Но зима наш огонь не задует,
Мы дыханьем и духом крепки.

САМОЗВАНЕЦ

Облака наполнила усталость,
Как слеза наполнила глаза.
И не удержал я эту тяжесть,
И на землю рухнула гроза.

Закачались гнезда на деревьях.
Закипело небо от огня.
Я — живой. Но я в себя не верю,
И не нужно веровать в меня.

Как гремит тяжелое пространство!
И не в силах помешать страде,
Накажу себя за самозванство
И уйду, ступая по воде.

НА ВЕЧНОЙ ДОРОГЕ

И когда последняя тревога
Отстоит в сердце, как вода,
Мне приснится вечная дорога,
Путь из ниоткуда в никуда.

Там колеса шагом черепашьям
Под дождем отчаянно скрипят,
Там глаза заплаканные страшно
В колею угрюмую глядят.

Там невольной памяти граница,
Там сошелся клином белый свет.
Мне туда вовек не возвратиться
И оттуда мне возврата нет.

* * *

Опять в полях зазеленела озимь,
И воздух утром звонок, как хрусталь.
По всем приметам наступает осень,
А осенью всегда кого-то жаль.

Мне жаль себя за то, что ветер жгучий
И днем, и ночью воев в голове,
За то, что жизнь моя всего лишь случай,
И это страшно осенью вдвойне.

Мне жаль друзей и жаль врагов несметных,
И листья жаль, вот-вот и облетят.
И я прощаю смертных и бессмертных,
И сам надеюсь, что меня простят.

В ЕДИНОМ ДУХОВНОМ ПОТОКЕ

От всей души поздравляю редакционный коллектив «Молодой гвардии» со славным юбилеем — 90-летием со дня выхода в свет первого номера этого старейшего в стране (и всегда дерзкого, юного!) литературного журнала. Отрадно отметить, что мы с вами — «Золотой Витязь» и журнал — единомышленники, что действуем в едином мощном духовном потоке. С первых своих дней «Молодая гвардия» собрала под свои патриотические знамена лучшие литературные силы Советского Союза, России, находила и печатала произведения писателей, чье творчество было направлено на сохранение и развитие духовно-нравственных ценностей. Этим заветам и традициям журнал мужественно продолжает следовать и в наше непростое время.

С юбилеем, дорогие друзья! С юбилеем, любимый журнал «Молодая гвардия»! Храни вас всех Господь!

Ваш Николай БУРЛЯЕВ,
народный артист России,
член Патриаршего Совета по культуре,
председатель Союза деятелей Славянской культуры
«Золотой Витязь»,
президент Международного кинофорума «Золотой
Витязь»,
секретарь Союза кинематографистов России

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

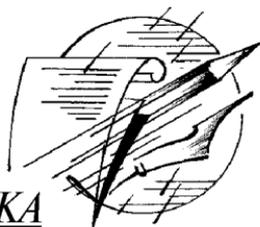
Глава 3. ИТАЛИЯ: ОТ КОРПОРАТИВИЗМА К НЕОКОРПОРАТИВИЗМУ

Надежды и разочарования

Строго говоря, действительно постфашистским государством была только Италия. Лишь в ней в период с 1922 по 1944 год существовал классический фашистский режим Муссолини. Режимы Франко в Испании и Салазара в Португалии лишь частично копировали строй Италии. Германия, которую у нас часто называют фашистской, в действительности таковой не была, Гитлер установил в ней расистский национал-социалистический строй, создал химерическое полукорпоративное, полутоталитарное государство. Во всём мире это различие двух режимов и идеологий общепринято, и только невежество и корыстный интерес российской правящей элиты мешает восстановить истину.

В работе «От лжекапитализма — к тоталитаризму!» я проследил развитие Италии при фашизме. В данной главе анализируется ход событий в Италии после Второй мировой войны.

В 1945 г. Италия была окончательно освобождена англо-американскими войсками и силами Движения сопротив-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ления от фашистов и от фактически оккупировавших её германских нацистов. Маршал Бадольо, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 г., был вынужден передать власть новому правительству во главе с умеренным социалистом, ставшим консерваторм, Иваноэ Бонони. Король Виктор Эммануил уступил трон сыну Умберто.

Народ Италии охватила эйфория, широко проявлялись симпатии как к СССР, в котором видели главную силу, сокрушившую нацизм, так и к американцам, выступавшим в ореоле освободителей. Вышли из подполья партии, запрещённые при фашистах, в том числе коммунисты, к которым вернулся из Москвы их лидер Пальмиро Тольятти. Стала легальной и Христианско-демократическая партия (ХДП) — крупнейшая буржуазная партия Италии, основанная в 1943 г. во главе с христианским демократом Альчиде де Гаспери. Образовались новые партии, представляющие другие слои чрезвычайно пёстрого в социальном отношении итальянского общества.

По итогам плебисцита, решавшего, быть стране монархией или республикой, Италия объявлялась парламентской республикой. Де Гаспери был назначен на должность премьер-министра.

Движение Сопротивления — главная причина того, что Италия, союзник нацистской Германии, не утратила своей государственности. ИКП во главе с Тольятти выступила за диктатуру пролетариата, но признавала и возможность парламентского пути к новому обществу. Она сотрудничала с Социалистической партией (ИСП), которая стояла на классовых позициях, но выступала против диктатуры пролетариата. ХДП предложила социально-экономические преобразования под религиозными лозунгами. Её поддерживал Ватикан. В политике Пия XII росли антикоммунистические тенденции. О росте крайне правых сил свидетельствовало возникновение Итальянского социального движения (ИСД — неофашисты).

Экономическая обстановка в послевоенной Италии катастрофически ухудшалась. Война нанесла серьёзный ущерб экономике Италии. Погибло и пропало без вести около 500 тысяч человек. Было разрушено около 20 процентов промышленных предприятий, 40 процентов железных и 60 процентов шоссейных дорог. В 1945 г. объём промышленного производства сократился на 50 процентов, а объём сельскохозяйственной продукции — на 40 процентов по сравнению с довоенным уровнем. В стране была введена карточная система на все виды потребительских товаров. Не хватало продовольствия, жилья. Около 2 миллионов человек не могли найти работу.

Страна бурлит. Доведённые до отчаяния массы устраивают забастовки и демонстрации. Рабочие выступают против свертывания нерентабельных предприятий, крестьяне захватывают помещичьи земли. В ответ ХДП расправляется с протестующими. Де Гаспери обвиняет коммунистов и социалистов в разжигании конфликтов.

В мае 1947 г. не без вмешательства США происходит удаление коммунистов из правительства. С этого времени коммунисты оказываются оппозицией, не представленной в правительстве, которое формируется либо исключительно правыми, либо с участием правого крыла социалистов. Очень серьёзным слоем, помогающим правым, стала католическая Церковь. Так, миланский кардинал грозит с амвона отлучением всем, кто посмеет отдать свой голос левым партиям. Нагнетается также страх оказаться под властью «кровожадных русских казаков».

Под давлением коммунистов и социалистов в сельском хозяйстве Италии в первые послевоенные годы стали проводиться прогрессивные преобразования. Так, был принят закон о передаче кооперативам тех помещичьих земель, которые не обрабатывались. Было ограничено крупное землевладение, оказывалась помощь кооперативам и мелким фермерам.

В парламенте велись острые дискуссии вокруг путей выхода из кризиса. Левые силы выступали за расширение государственного вмешательства в экономику с тем, чтобы сократить безработицу и повысить жизненный уровень трудящихся. ХДП и его союзники делали ставку на замораживание заработной платы, на сокращение общественных расходов, а также кредитов мелким и средним предприятиям.

В условиях начавшейся «холодной войны» ХДП, созданная на антифашистской основе, в 1947 г. выступила организатором сдвига вправо. Это была также и реакция на бурный рост рабочего и демократического движения в мире. Однако лидеры партии вынуждены были постоянно маскировать свои новые взгляды, так как наряду с представителями буржуазных слоев населения в ХДП состояли рабочие, крестьяне и мелкие ремесленники, стоящие на антифашистских позициях. Пропаганда «межклассовости» партии позволила ХДП играть в стране роль лидера.

Во второй половине 40-х гг. начался процесс восстановления итальянской экономики. Правительство де Гаспери, не надеясь восстановить хозяйство собственными силами, обратилось за помощью к США. Соединенные Штаты недолго выступали под маской освободителей. Они никогда никому не оказывали бескорыстной помощи, и на помощь Италии —

смотрели как на средство привязать эту страну к американской колеснице и укрепить позиции американских монополий в её экономике. Так, по договору, подписанному между Италией и США в феврале 1948 г., американцы могли беспрепятственно заниматься здесь промышленной и коммерческой деятельностью. В 1948 г. правительство де Гаспери согласилось принять экономическую помощь по «плану Маршалла». Суть этого плана в том, что странам, получавшим помощь, не только предоставлялись кредиты для закупки американских товаров. Перед ними открывался американский рынок. В разорённой Италии внутренний спрос был крайне низким, и использовать кредиты для развития производства было сложно. А когда для итальянских товаров открылся доступ на американский рынок, это стало стимулом для быстрого роста производства. Но продавались там товары за доллары, и Италия автоматически входила в зону господства доллара. Зависимость итальянской экономики от США ещё больше возросла. В 1949 г. Италия стала членом НАТО.

Несмотря на заокеанскую помощь, промышленность Италии достигла довоенного уровня производства лишь в 1950—1951 гг. При этом усилилось вмешательство государства в экономику. Это объяснялось неспособностью частного капитала осуществить индустриализацию страны, необходимостью спасать от банкротства многие монополистические объединения и компании. Развитие государственно-монополистического капитализма в Италии выражалось также в реализации программ развития металлургической, нефтехимической и других отраслей промышленности, а также в создании государственных объединений (ЭНИ — Национального нефтегазового объединения и др.).

Во время своего визита в США де Гаспери получает согласие на американский заём в 100 миллионов долларов и 50 миллионов долларов в погашение расходов на содержание войск США в Италии. Но условием получения этой помощи была эффективная борьба правительства Италии с левыми силами.

Крестьяне начали самовольно экспроприировать крупные имения. Это вынудило правительство провести земельную реформу и приступить к реализации широкомасштабной программы общественных работ, к предоставлению финансовой и технической помощи крестьянам.

В стране усиливается антикоммунистическая истерия. Преступлением против государства объявляется всякая политическая деятельность, подрывающая власть ХДП, создаются новые полицейские формирования с дубинками, сле-

зоточивым газом и даже автоматами. Усиливается борьба за контроль над рабочими профсоюзами. Создаются новые профсоюзы в противовес Всеобщей итальянской конфедерации труда (ВИКТ).

Результаты очередных выборов вызвали глубокую тревогу США за дальнейшее развитие обстановки в Италии. США ставят под сомнение целесообразность дальнейшей финансовой помощи. Более миллиарда долларов в виде военных и продовольственных поставок оказались бесполезными в борьбе против коммунистов.

В 1955 г. правительство Италии сыграло активную роль в переговорах о создании Евроатома и Европейского общего рынка. «Центризм» ХДП выражался в балансировании между социальным консерватизмом и социальными уступками. **На предприятиях внедрялись идеи патернализма.** На территории Италии размещаются военные базы США.

А дальше в Италии произошла **неолиберальная революция**, приведшая к возникновению смешанной экономики, когда определенная доля капитала государственных предприятий передается частным собственникам. Приватизации подверглось более 30 крупных предприятий государственного сектора, в том числе «Telesom», ряд энергетических групп и др. Это привело к увеличению корпоративной собственности. Тем не менее и сегодня Италия располагает крупнейшим из всех развитых стран государственным сектором. С учетом разнообразных форм участия (распространены государственно-частные компании) до 50 процентов итальянской экономики и 70 процентов банковской системы находится под контролем государства.

Вскоре наступил короткий период быстрого развития экономики Италии. Темпы роста валового национального продукта в некоторые годы достигали 10 процентов. Это было названо «итальянским экономическим чудом». Сыграли свою роль также использование достижений НТР, вступление в ЕЭС, **ликвидация корпоративной системы**, созданной при Муссолини, относительно низкие военные расходы. За два десятилетия страна превратилась из аграрно-индустриальной в развитое промышленное государство. При этом сохранялась региональная специфика: на северо-западе развита крупная промышленность с передовой технологией, на северо-востоке и в Центре преобладают мелкие и средние фирмы с традиционными производствами (керамика, одежда, обувь), юг остаётся отсталым, застойным регионом. Отсюда — демократия на севере, на юге — коррупция, терроризм, преступность, внедрение мафии в политику. Юг выс-

тупал в роли своеобразной внутренней колонии, поставлявшей северу рабочую силу и рынка сбыта товаров, произведённых в северных районах.

Опираясь на рост экономики, государство осуществило социальные реформы, обеспечив:

- помощь малоимущим;
- страхование на случай безработицы, от несчастных случаев, на случай болезни;
- пенсионное обеспечение (в том числе крестьян, батраков, домохозяек);
- современные трудовые отношения (гарантии в области занятости, найма, увольнений);
- рост реальной заработной платы (с учётом роста цен);
- выделение средств на бесплатное медицинское обслуживание.

Успешные социальные реформы, приведшие к росту доходов населения, расширили внутренний рынок страны. Стали расти потребности людей в товарах длительного пользования: дома, автомобили, телевизоры, стиральные машины, что стимулировало производство.

В эти годы наблюдались самые обширные инвестиции в экономику страны за всю её историю. Произошло массовое обновление основного капитала. Сыграли свою роль дешёвизна рабочей силы в Италии, повышение квалификации рабочих, стабилизация лиры, рост торговли со странами ЕЭС, Австрией, Швейцарией, а также с СССР. Валовой внутренний продукт в 1951—1970 гг. увеличился в 5,4 раза.

Казалось, в Италии, как и в других ведущих странах Западной Европы, осуществилась мечта о «государстве благоденствия», которое взяло на себя заботу обо всех своих гражданах. И оно избавит их от бедности и безработицы, пьянства, наркомании... Но эти иллюзии скоро развеялись.

Даже в условиях небывалого экономического роста в стране существовала безработица. Темпы роста заработной платы намного отставали от темпов роста производительности труда и прибылей фирм. Индустриализация Юга встречала много затруднений. «Экономическое чудо» пошло на пользу прежде всего крупным монополиям. В структуре монополистического капитала Италии всё большее значение приобретает государственный и иностранный капитал. Ряд крупных предприятий переходит в собственность иностранцев. Частномонополистические группы Италии были потеснены иностранными фирмами, обладающими научно-техническим превосходством по сравнению с итальянскими.

На Юге сохранялись феодальные пережитки. Медленно

развивалось животноводство. Однако сельское хозяйство Италии в целом существенно продвинулось вперед, происходил процесс его интенсивной механизации и химизации. Он сопровождался разорением мелких и средних хозяев. Условия аренды земли оставались тяжёлыми.

Начиная с 1958 г., периодически активизировалось рабочее движение. Проходили общенациональные забастовки, большинство которых закончилось подписанием новых трудовых соглашений и повышением зарплаты. Во второй половине 60-х гг. по масштабам классовой борьбы Италия заняла первое место в мире. В ходе классовых боев «жаркой осени» 1969 г. трудящиеся добились введения 40-часовой рабочей недели, расширения прав профсоюзов.

После выборов 1963 г. создано левоцентристское правительство Альдо Моро. Оно действовало в условиях окончания «экономического чуда». Проведена национализация целой отрасли электроэнергетики. **Впервые в Италии был составлен общенациональный экономический план на 1955—1964 годы.** При этом особое внимание было уделено решению проблемы занятости, а также сокращению разрыва между уровнями экономического развития северных и южных областей Италии. Но результаты осуществления этого плана были подвергнуты серьезной критике. Так, государственное вмешательство в развитие промышленности усилило неоднородность социальной и экономической структуры юга. Теперь с районами, по уровню развития не уступающими северу, соседствовали районы, где процесс упадка охватил все стороны жизни. В результате разрыв в экономическом развитии севера и юга страны продолжает расти, а углубление европейской интеграции может увеличить его ещё больше.

Зато в Италии сложилась новая форма государственного вмешательства в экономику — общенациональное экономическое программирование. С его помощью попытались свести воедино все формы и направления государственного участия в хозяйственной жизни страны.

Но общенациональные программы оказались невыполнимыми. Известные успехи достигнуты в реализации отраслевых и региональных экономических программ (в том числе программы работ по защите Венеции, строительству тюрем, школ, дорог и т.д.). Развернулось строительство «Автострады Солнца». Принят новый закон о социальном обеспечении и закон о браке, разрешающий развод.

В дальнейшем экономика Италии развивалась циклически: разрушительный кризис сменялся новым подъёмом. Росли расходы государственного бюджета, хотя серьёзными об-

шенациональными проблемами были огромный дефицит и рост государственного долга. Правительство было вынуждено прибегать к консолидации старых государственных займов и выпускать новые займы, обращаться за кредитами к банкам.

Современная Италия по объёму промышленного производства входит в «большую западноевропейскую четверку» (наряду с ФРГ, Францией и Великобританией). Но её «средиземноморская экономика» отличается от «рейнской модели капитализма», утвердившейся в Германии.

Для Италии характерен так называемый средиземноморский тип сельского хозяйства, с преобладанием растениеводства, виноградарства и виноделия, выращивания оливок и цитрусовых. Животноводство развито сравнительно слабо. В целом сельское хозяйство продолжает оставаться самой отсталой отраслью экономики. Крестьяне получают на душу населения доходы значительно меньшие, чем остальные категории трудящихся. Развитие производительных сил задерживается тем, что земля крайне распылена между большим числом хозяев (хотя на другом полюсе, имеет место концентрация её в руках небольшого количества собственников).

Важное значение для развития итальянской экономики имеет внешняя торговля, так как стране не хватает своего сырья, а многие отрасли ориентированы на экспорт. Серьёзной проблемой является хронический дефицит торгового и платёжного баланса. Италии пришлось прибегать к долгосрочным внешним займам.

В 1970-е годы заметной чертой жизни Италии стал терроризм левых и правых экстремистов, который отчасти был ответом на политику «левого центра». Наиболее известной группировкой были так называемые «красные бригады». Правительство приняло жёсткие законы против терроризма, но акты насилия в политической жизни страны не прекратились. Все же красные бригады оказались в изоляции, их террористические организации были раскрыты и ликвидированы.

В 1980-е годы выяснилась тесная связь правых экстремистов с секретными службами Италии. Еще в 1981 г. было раскрыто существование тайной организации — масонской ложи «П-2». Среди её членов были высокопоставленные политики, генералы, руководители полиции и священники. Несмотря на проведённые парламентские расследования, цели организации «П-2» не были установлены, хотя не вызывал сомнения подрывной и антinationальный характер её деятельности. ХДП также потряс ряд скандальных разоблачений.

Несмотря на продолжающееся укрепление позиций крупного бизнеса, хребтом экономики остаются средние и мелкие фирмы, которые здесь (особенно «предприятия, выросшие на смекалке») чрезвычайно эффективны. Около 70 процентов рабочих мест обеспечивают предприятия с количеством работников менее 50 человек, в том числе 30 процентов всех занятых в экономике — это предприниматели, развивающие семейный бизнес. Именно они позволяют активно привлекать к труду молодежь.

В результате модернизации экономики произошли важные социальные перемены. В старом индустриальном треугольнике Милан—Турин—Генуя, где был сосредоточен промышленный пролетариат, ныне его — менее 40 процентов. На каждого занятого в промышленности приходится 2 человека в сфере услуг. Объединение промышленников выдвинуло лозунг «Меньше государства, меньше промышленности, меньше профсоюзов!». Правительства стали тормозить развёртывание социальных программ.

В послевоенной истории Италии, пожалуй, не найти года, когда не разражался правительственный кризис. Страна раздиралась социальными неурядицами, бесконечными скандалами, связанными с коррупцией, взятками, кумовством. Влиятельные круги Италии предпочитали мириться с постоянной неустойчивостью, лишь бы не допустить к власти коммунистов.

Распад СССР, а ещё раньше решения XX съезда КПСС об осуждении культа личности, оказали значительное влияние на политическую жизнь Италии. Особенно тяжело события в СССР и в России отразились на ИКП, которая на протяжении всего послевоенного периода была самой крупной в Западной Европе коммунистической партией. В 1991 г. в партии произошел раскол. ИКП самораспустилась. (Её судьбу повторили ХДП и ИСП.) Партия была переименована в Демократическую партию левых сил (ДПЛС). Левое меньшинство решило сохранить свою историческую связь с марксизмом и образовало новую партию под названием Коммунистическое обновление (КО). Надежды бывшей ИКП добиться достаточного политического влияния не оправдались.

В 1992 г. в стране развернулась кампания «Чистые руки», выявившая массовые факты коррупции в высших эшелонах власти и руководстве основных партий. 20 тысяч человек попали в следственные списки. За 2 года было арестовано по обвинению во взяточничестве 2600 человек (в том числе бывшие премьер-министры и депутаты парламента). Судебный процесс о связях высших эшелонов власти с мафией

потряс общество. Началось крушение партийно-политической системы, созданной на волне Сопrotивления. В 1993 г. на базе ХДП была создана Итальянская народная партия. Чтобы обеспечить поддержку со стороны масс, правительство обещало ввести 35-часовую рабочую неделю.

В 2001 г. на парламентских выборах одержала победу правоцентристская коалиция во главе с Сильвио Берлускони. Этот политик и телевизионный магнат возглавлял правительство до ноября 2011 г.

Лидеры основных политических сил Италии

Альчиде де Гаспери родился в 1881 г. Окончил Венский университет. Был избран в палату депутатов парламента Италии. После прихода к власти Муссолини де Гаспери был видным деятелем католической Народной партии (НП). Интересный момент его биографии отметила в своей докторской диссертации «Церковь и фашистский режим: Феномен Италии. 1922—1943 гг.» (М., 2002) Евгения Токарева:

«В течение 1922 г. руководство НП склонялось попеременно как к сотрудничеству с социалистами, так и к сотрудничеству с фашистами. В то время фашизм представал перед многими как партия, стремящаяся к благу Италии и нации, как переходная фаза к новому равновесию либерального государства. Но съезда НП отверг линию на сотрудничество с фашистами. Фашистская пресса оценила съезд как «первый антифашистский съезд...»... НП занимала активную антифашистскую позицию... На съезде НП наиболее значимо прозвучала речь де Гаспери, провозгласившего несовместимость фашистской и католической концепции государства. В ноябре 1926 г. депутаты от НП (как и все прочие депутаты, кроме фашистских) были лишены парламентских мандатов».

В 1927 г. де Гаспери был арестован и приговорен к тюремному заключению. После освобождения с 1931 до 1941 г. работал в Ватиканской библиотеке. Созданные им во время Второй мировой войны группы сопротивления стали основой ХДП, председателем которой он стал в 1946 г.

После освобождения Италии в 1944 г. де Гаспери был назначен министром нескольких сменявших друг друга кабинетов, а в конце ноября 1945 г. стал премьер-министром. Когда в 1951 г. палата депутатов выразила недоверие его кабинету, де Гаспери ушёл в отставку.

Де Гаспери был не только ведущим политиком Италии, но и одним из главных деятелей на поприще общеевропейской интеграции. Его имя называют в числе тех европейских по-

литических деятелей, без которых эта интеграция никогда бы не состоялась. Значительное влияние оказал де Гаспери на выработку Конвенции о развитии правовых институтов Европы и, что не менее важно, на правовое мышление европейцев.

Вот как принято объяснять возникновение (а точнее, возрождение в 1940-е годы) идеи европейской интеграции: люди, боровшиеся с тоталитаризмом на протяжении Второй мировой войны, были намерены положить конец не знающей границ ненависти и терзающим Европу раздорам и создать условия для долговременного мира. В период с 1945 по 1950 г. целая плеяда выдающихся деятелей, включая Шумана, Аденауэра, де Гаспери и Черчилля выступила с призывами к народам Европы открыть новую страницу истории.

О действительных целях «европейской интеграции» написал французский журналист Тьерри Мейсан в статье «Тайная история Европейского Союза» (первая часть которой называлась «от Совета по международным отношениям до Бильдерберга»). Суть её в следующем: Черчилль выступил с планом создания «Соединенных Штатов Европы», чтобы создать великую империю англоязычных.

«Лондон и Вашингтон намереваются создать общее англо-американское гражданство, скрепив, таким образом, великую империю англофонов. В этом контексте «Европа» рассматривается как созвездие государств, приглашённых сотрудничать между собой и поместить часть своих промышленных ресурсов под контроль наднациональной инстанции, более или менее очевидно руководимой Англоязычной империей. Все эти меры должны были привести к созданию обширной зоны свободной торговли, недоступной для коммунистического влияния».

Интеграция должна была проводиться в два этапа: «Фаза I» направлена на объединение всех западноевропейских государств, освобожденных англо-американскими войсками; целью «Фазы II» станет вывод государств Центральной и Восточной Европы из-под советского влияния с последующим их вступлением в «Соединенные Штаты Европы». Но в августе 1949 г. Советский Союз провёл испытания своей первой атомной бомбы, что стало настоящим шоком для Вашингтона. От «Фазы II» на долгое время пришлось отказаться.

Первое собрание инициаторов интеграции европейских государств состоялось 29—31 мая 1954 года в нидерландском отеле Bilderberg. (Так было положено начало Бильдербергскому клубу — одному из отделов тайного «мирового правительства».) Эти «отцы» видели будущее Евросоюза единым государством — они были «федералистами». Однако, как

справедливо заметил Александр Кустарев, «проект великой Европы нуждается в сильном и массовом паневропейском патриотизме, а его-то как раз и нет» («Эксперт» №21 от 6 июня 2005 г.).

Такой опытный политик, как «железная леди» Маргарет Тэтчер в статье «Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира — Европейская идея». (развитой впоследствии в книгу под тем же названием — М., 2003) указывает на иные, не вполне благородные, мотивы интеграции:

«Идея Европы, я подозреваю, в немалой мере использовалась для надувательства. Не просто национальные интересы, а огромное множество групповых и классовых интересов (особенно сейчас) успешно скрываются под мантией синтетического европейского идеализма. Почти религиозное благоговение перед словом «Европа» идет рука об руку с явно материалистическим крючкотворством и коррупцией».

Умер де Гаспери в 1954 г.

Альдо Моро — это другой политик из той же ХДП, который пытался переломить ситуацию и изменить курс правящей политической партии Италии. Он родился в 1916 г. в традиционно религиозной интеллигентной среднебуржуазной семье педагогов. Альдо серьезно учился, рос дисциплинированным, целомудренным, ежедневно ходил в церковь и непоколебимо верил в христианские ценности. Альдо участвовал во Второй мировой войне, но до того он закончил юридический факультет и в 25 лет стал профессором философии права. Очень молодым он начал вести работу в юношеских католических организациях. Сам Моро однажды признался, что в 1945 г. испытал «искушения социализма», но преодолел их. В 1946 г. Моро был избран депутатом Учредительного собрания и стал членом комиссии, разрабатывавшей проект конституции. Он участвовал в кабинете де Гаспери, но был против присоединения Италии к НАТО.

На протяжении нескольких лет христианские демократы не могли выдвинуть из своей среды лидера, который как личность достигал бы уровня де Гаспери. Но вот на национальной авансцене возник Моро. Он возглавлял несколько кабинетов. В 1976 г. Моро был избран председателем национального совета ХДП. Моро неизменно отстаивал духовную гегемонию своей партии и считал, что ХДП ни при каких условиях не должна «отречься от престола». Моро пошёл на переговоры с коммунистами и принудил свою партию согласиться на включение коммунистов в состав правительства большинства, но потерпел поражение. Однако и

тогда Моро вел себя спокойно и корректно. В этом ему помогала не только уверенность в своем интеллектуальном превосходстве, но и личная незапятнанность. Моро никогда не был замешан ни в какой грязи.

В марте 1978 г. Моро, находившийся на пике популярности и так необходимый стране, был похищен членами ультракрасной террористической организации «Красные бригады».

Долгие поиски не дали результатов. Когда экстремисты сообщили, что Моро приговорен к смерти, руководители ХДП не пошли ни на какие политические уступки ради его спасения. 9 мая 1978 года в Риме в багажнике красного «Рено» был обнаружен труп Моро.

Перейду к коммунистам.

Антонио Грамши. Хотя он и не дожил до освобождения Италии, но оказал большое влияние не только на развитие марксистской теоретической мысли и стратегию ИКП, но и на всю культурную жизнь Западной Европы. Он родился в 1891 г. в семье мелкого служащего. Ещё в юности Грамши обнаружил блестящие способности, — проявился интерес к литературе и к учению социализма. В 1911—1914 гг., благодаря премии на учёбу для нуждающихся студентов, учился в Туринском университете на филологическом факультете. В числе других студентов-претендентов на эту премию был и Пальмиро Тольятти. В 1915 г., несмотря на перспективы успешной академической работы, он стал активным членом социалистической партии и журналистом.

В годы Первой мировой войны Грамши редактировал социалистический еженедельник «*P grido del popolo*» («Боевой клич народа») и сотрудничая с социалистической газетой «*Avanti!*» («Вперёд!»). Грамши был во главе молодого поколения итальянских революционеров, начавших борьбу против реформизма в партии. После антивоенного вооружённого восстания в Турине в августе 1917 г. был избран секретарём местной секции партии.

После Октябрьской революции в России в условиях послевоенного революционного подъёма в Италии Грамши выступил инициатором движения за создание фабрично-заводских советов, которое стало своеобразной формой борьбы итальянского пролетариата за власть в 1919—1920 гг. В 1921 г. он — основатель и руководитель новообразованной Итальянской коммунистической партии (ИКП). В 1919 г. вместе с Тольятти и др. издавал еженедельник «*l'Ordine nuovo*» («Новый строй»).

В 1922—1923 гг. Грамши был делегатом от ИКП в Исполкоме Коминтерна и жил в Советском Союзе, тогда произош-

ла его встреча с Лениным. В это же время он женился на Юлии Апполониевне Шухт (1896—1980), дочери революционера Шухтова, близкого друга семьи Ульяновых и лично Ленина. Ю.А. Шухт родила Грамши двух сыновей.

В Москве Грамши лично познакомился с Троцким. Идеи Троцкого могли стать для Грамши стимулом для его собственных разработок в плане изучения отличий буржуазного общества Европы и России, что привело его к теории «гражданского общества». Но Грамши не соглашался с тезисом Троцкого и левой оппозиции, что доктрина «социализма в отдельно взятой стране» де факто является замаскированной формой национализма. В дальнейшем Грамши критически отнесся и к так называемой «теории перманентной революции». Но, несмотря на все разногласия, Грамши продолжал утверждать, что Троцкий по-прежнему остаётся «солдатом большевистской революции».

В 1924 г. Грамши вернулся в Италию. По его инициативе создана ежедневная газета партии «L'Unita» («Единство»). Возглавляя в 1924—1926 г. парламентскую группу коммунистов, Грамши выступал с жёсткой критикой политики фашизма.

В 1926 г. фашисты арестовали Грамши и приговорили его к 20 годам тюремного заключения (затем по амнистии срок был сокращён — он истекал в 1937 г.). Но и в тюрьме Грамши работает, анализируя причины поражения революции в Италии, пишет знаменитые «Тюремные тетради». Это была программа, напоминавшая грандиозную попытку Гегеля — дать философское осмысление эпохи, феноменологию духа. «Философия практики» Грамши преодолевала противоположности материализма и идеализма, чтобы из их органического синтеза породить новую, более высокую, более универсальную и гуманистическую культуру. Грамши был одним из тех, кто заложил основы нового обществоведения, преодолевшего истмат (в его и марксистской, и либеральной версии). Он — один из первых философов, которые почувствовали новую научную картину мира и перенесли её главный дух в науку об обществе. В своих работах Грамши утверждает необходимость контакта между «простыми людьми» и интеллигенцией, считая необходимой борьбу за интеллектуальное возвышение масс. Он отстаивает идею общественно-активной роли искусства, ответственности писателя перед народом.

Грамши попытался всесторонне проанализировать феномены фашизма и тоталитаризма как результат кризиса политических и социальных структур в Италии и Европе в первые два десятилетия XX века. Как он считал, политическая

диктатура явилась результатом неспособности правящего класса получить поддержку широких социальных групп. Авторитаризм есть форма «пассивной революции», попытка верхов проводить модернизацию экономики, не меняя социальных структур.

С целью выхода из тупика тоталитаризма Грамши предлагает комплекс «интеллектуальных и духовных преобразований, которые совершат на национальном уровне то, что либерализму удалось сделать лишь для блага узких слоев населения».

Тяжёлые условия жизни в тюрьме подорвали его здоровье. И через несколько дней после формального освобождения Грамши умер в больнице в Риме, под надзором фашистской полиции.

В советское время теория Грамши утаивалась от широкого круга читателей, хотя он и признавался значительным марксистским философом и был «канонизирован» даже в сталинские времена.

Недавно обнародованы свидетельства того, что Грамши перед смертью вернулся к христианской вере и принял католическое причастие.

Анализ теории Грамши содержится в работе профессора Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием». Там же показано, почему труды Грамши были мало кому известны в СССР и ещё менее популярны в современной России.

Пальмиро Тольятти — лидер итальянских коммунистов — родился в 1893 г.в семье служащего. В 1914 г. вступил в социалистическую партию, выступал вместе с А. Грамши и другими за революционный курс рабочего движения, против реформизма вождей партии. В 1915 г. окончил юридический факультет университета. Во время Первой мировой войны два года служил в армии, после ранения поступил на философский факультет университета, но затем полностью посвятил себя политической деятельности. Тольятти переводил и пропагандировал произведения Ленина, документы большевистской партии, следил за развитием революционных событий в России. В 1919 . стал одним из основателей еженедельника «Ордине нуово». В начале 1919 г. вошёл в редакцию газеты «Аванти!». Был одним из организаторов первых заводских советов в Турине, активно выступал за революционное обновление социалистической партии, за тесную связь партии с фабрично-заводскими советами. Но главную цель всей своей деятельности видел в том, чтобы поддержать Советскую власть, а заодно добиться если не свержения буржуазного строя в своей стране, то хотя бы улучшения жизни рабочего класса.

В 1920 г. Тольятти — один из руководителей движения за занятие предприятий рабочими в Турине. Активно участвовал в движении, которое привело в январе 1921 г. к основанию КПИ.

Определенную роль в судьбе Тольятти сыграло его личное знакомство с будущим диктатором Италии Бенито Муссолини, с которым они были знакомы по революционной работе. Каждый из них прекрасно знал, кто и чего стоит, и поэтому сразу после прихода к власти Муссолини Тольятти решил эмигрировать, но был арестован. Продержав в тюрьме 8 месяцев, его выпустили на свободу.

Тольятти поддерживал антифашистскую борьбу «народных смельчаков». С 1921 г. он — редактор Центрального органа компартии «Иль комуниста» («Коммунист»), издававшегося вплоть до захвата власти фашистами в 1922 г.

В 1924 г. Тольятти вместе с Грамши основал газету «Унита» («L'Unita»). Грамши и Тольятти решительно выступили против левацкой сектантской линии Бордиги, стоявшего во главе молодой компартии, и завоевали большинство в руководящей группе партии. В 1924 г. участвовал в работе 5-го конгресса Коминтерна и был избран членом ИККИ. В 1923—1925 гг. дважды арестовывался и находился в тюрьме.

После ареста вождя компартии Грамши Тольятти — генеральный секретарь КПИ. Он эмигрировал в Москву, но затем возглавил «заграничный центр» КПИ во Франции, откуда неоднократно выезжал в Швейцарию, Бельгию, организовывал работу КПИ в эмиграции. В 1935—1943 гг. — член Президиума и Секретариата ИККИ. Тольятти предостерегал от недооценки опасности фашизма, от упрощённого отождествления его с капитализмом, совместно с Г. Димитровым участвовал в разработке тактики Народного фронта. Его доклад на 7-м конгрессе Коминтерна «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны» был одним из основных на этом конгрессе. Этот доклад и заключительное слово тов. Эрколи (его нелегальное имя) в том же году издан отдельной книгой.

В 1937—1939 гг. Тольятти по поручению ИККИ работал в Испании по оказанию помощи испанской компартии в организации отпора фашистским испанским мятежникам и итало-германским интервентам. В 1939 г. вновь возглавил «заграничный центр» КПИ во Франции. В 1939 г. был арестован в Париже и пробыл в заключении до 1940 г.

В 1940—1944 гг. жил в Москве и был лектором ЦК ВКП(б) по международному положению. Он говорил по-русски.

В марте 1944 г. Тольятти вернулся в Италию; стал вдохновителем политики национального единства в борьбе за изгнание немецко-фашистских войск, оккупировавших Италию в 1943 г. В 1944—1946 гг. участвовал в правительствах — в качестве министра без портфеля, затем министра юстиции и заместителя премьер-министра. В послевоенные годы Тольятти руководил работой по построению массовой коммунистической партии и её борьбой за создание широкого антимонополистического союза, за улучшение материального и правового положения трудящихся, за мир и социализм. Под его руководством компартия Италии совершила поворот к поддержке демократических реформ в Италии и отказ от борьбы за социализм. Это также означало разоружение партизан, поддерживавшихся коммунистами.

Позднее бывший член Политбюро и секретарь ЦК Итальянской компартии, верный соратник Тольятти Джорджо Наполитано стал (и остаётся) президентом Италии.

Под управлением Тольятти компартия Италии стала самой крупной партией в Италии и самой большой неправящей коммунистической партией в Европе. Хотя и не входившая в правительство, партия была у власти во многих муниципалитетах и обладала большим влиянием в обществе.

С 1944 г. Тольятти — директор теоретического органа ИКП журнала «Ринашита» («Возрождение»). В 1946—1947 гг. был депутатом Учредительного собрания. С 1948 г. депутат парламента, председатель парламентской группы компартии. В 1948 г. был тяжело ранен в результате покушения, инспирированного международной и внутренней реакцией. Неоднократно приезжал в СССР.

В работах послевоенного периода разработал программу пути Италии к социализму, завоевания власти рабочим классом и его союзниками и преобразования итальянского общества с учётом социально-исторических особенностей Италии.

Тольятти последовательно выступал за дружбу с Советским Союзом. При его содействии был заключён контракт на строительство итальянским концерном «Фиат» автомобильного завода в Ставрополе-на-Волге (переименованном впоследствии в город Тольятти).

Тольятти умер в 1964 г. в Крыму, куда приехал на отдых. Похоронен в Италии, в Риме.

Соратником Пальмиро была его жена — Леонильде Йотти. Свою политическую деятельность она начала в движении Сопротивления, а в 1946 г. была избрана депутатом Учредительного собрания. На митинге в 1948 г. Йотти заслонила Тольятти от пули убийцы. Она активно работала в парламенте, членом

которого бессменно была в течение 53 лет. В 1979 г. Йотти стала первой женщиной, избранной председателем Палаты депутатов, и занимала этот пост вплоть до 1992 г. В 1999 г. из-за тяжелой болезни она отказалась от исполнения депутатских обязанностей. Йотти умерла на 80-м году жизни.

Хотя Тольятти и был другом СССР, у него были разногласия с советским руководством после Сталина. Он попал в немилость у советских вождей за теорию «полицентризма» — он мягко намекал, что Москва не должна грубо вмешиваться во внутренние дела иностранных компартий. Тольятти и в Крым-то приехал в надежде обсудить с Хрущёвым эти разногласия. Встреча не состоялась, но, готовясь к ней, Тольятти написал памятную записку, которая была напечатана в Италии сразу после его смерти. Пришлось и советскому руководству напечатать её в виде статьи в «Правде». В ней он призывал коммунистов:

— обеспечить единство всех социалистических сил в единых действиях — так, чтобы они стояли даже выше идеологических разногласий в борьбе против империализма. Нельзя из этого единства исключать китайских коммунистов;

— выйти из своей относительной изоляции и стать действительно массовым движением;

— учесть, что условия продвижения к победе социализма будут сильно отличаться от того, что было в прошлом, и каждой партии научиться действовать самостоятельно. Не следует создавать снова какую-либо международную централизованную организацию;

— признать, что в социалистических странах (и даже в Советском Союзе) не всё всегда обстоит хорошо. В них тоже возникают трудности, противоречия, новые проблемы, к которым нужно подходить в соответствии с их реальным значением;

— преодолеть режим подавления демократических и личных свобод...

Позиция Тольятти оказала влияние на изменение отношения компартий западноевропейских стран к КПСС и СССР, которое стало менее дружественным и более критическим. Но она была обусловлена и различием менталитета русских и европейцев.

О политической ситуации современной Италии рассказал журнал «Эксперт» (2006, №15): беда Италии в том, что сегодня ни у правых, ни у левых нет полноценной концепции развития страны. Поэтому простые итальянцы часто не знают, за кого голосовать. В связи с этим даются и портреты двух соперничающих лидеров.

Для среднего итальянца история **Сильвио Берлускони** — это понятная история успеха «простого человека». Этот массовик-затейник в круизах, строитель-подрядчик, медиамагнат, удачливый бизнесмен и интриган вопреки всем обвинениям и скандалам смог оставаться на плаву. Итальянцы воспринимают его бизнес-империю как противовес традиционно крупному капиталу, тесно связанному с государством. И за это ему многое прощают, прежде всего представители мелкого и среднего бизнеса.

В ноябре 2011 г. Берлускони всё-таки ушёл в отставку. Владимир Путин на встрече с членами клуба «Валдай» сказал по этому поводу: «Берлускони в Италии уходит. Много ли в Италии политиков такого масштаба? Назовите мне хотя бы одного!»

На другом полюсе находится профессор **Романо Проди** — умница-экономист, экс-председатель Европейской комиссии, который у итальянцев ассоциируется с бюросельской бюрократией. Именно он убедил итальянцев принять евро. Левые выдвинули Проди в качестве символа перемен. Академичный Проди — менее харизматичная личность, чем Берлускони. Как лидер он привлекает своих сторонников за счёт социалистических воззрений. Традиционные приверженцы левых — рабочие и интеллектуалы.

Таким образом, на выборах схлестнулись представители двух мировоззрений. Одни из них считают, что о них должно заботиться государство, и исповедуют философию работника. Другие пытаются что-то делать сами и руководствуются философией хозяина. Одни полагают, что живут в благополучной стране и только поэтому по окончании обучения должны получить гарантированное рабочее место и могут не беспокоиться о будущем. Другие уверены в том, что это благополучие надо зарабатывать.

Эти конфликты наиболее четко проявляются в областях, в которых правят левые, но где исторически сильна тяга к предпринимательству. Тамашние жители говорят о множестве налогов и давлении на бизнес. Левые любят обещать: мы всем дадим работу. Но как только они увеличивают налоги на предприятия, чтобы выполнить взятые на себя социальные обязательства, те вынуждены снижать расходы и число работников. Вот и оказывается, что современная Италия — это, по мнению той же публикации в журнале «Эксперт», как бы две одновременно существующие страны:

«Эти две Италии — инфантильная и активная, зависимая и самостоятельная — сосуществуют достаточно давно. Разница эта проявлялась и раньше, когда страна делилась то на

фашистов и антифашистов, то на клерикалов и антиклерикалов. На самом деле в Италии социализм давно и благополучно сосуществует с капитализмом. Это очень в духе итальянской культуры — одновременно и конкуренция, и взаимопомощь. И выбрать что-либо одно страна вряд ли сможет. Подобное смешение идеологий — наследие ещё старой политической системы, которую называли главной проблемой Италии.

В стране долгие годы существовала многочисленная компартия, очень сильная на региональном и муниципальном уровнях, а также влиятельная в профсоюзах. И в то же время на общенациональном уровне была очень сильная центристская ХДП, по сути, остававшаяся у власти почти сорок лет. Из-за таких противоречий между верхом и низом итальянский политический процесс всегда был медленным и вязким. Реформы постоянно запаздывали, а экономика и общество фактически развивались сами по себе. Поэтому вряд ли выборы принципиально изменят Италию.

Италией вообще сложно управлять. Непросто руководить страной, жители которой к забастовкам относятся едва ли не с большим энтузиазмом, чем к перерывам на кофе или к трехчасовому обеду (с 13.00 до 16.00 в Италии, как правило, открыты лишь китайские лавочки). Сложно управлять страной, в которой за послевоенное время правительство менялось полсотни раз. Сложно управлять страной, в которой представитель севера не понимает диалекта южанина, а в граничащих с другими государствами областях на итальянском не разговаривают: предпочитают немецкий или французский».

Некоторые стороны итальянского социализма

Ныне граждане Италии пользуются широким набором социальных благ — от рождения до смерти. Системой социального страхования охвачены все жители. Кроме того, в систему социального обеспечения вносят вклад благотворительные организации католической церкви. Однако многие социальные проблемы в Италии ещё далеки от удовлетворительного решения.

Жильё. Острой остаётся жилищная проблема. Журналист Светлана Высоцкая рассказывает о ней в статье «Квартирный вопрос по-итальянски» («Зарубежная недвижимость», 09.01. 2008): итальянцы, чей средний месячный доход равняется полутора тысячам евро, жалуются на неуклонный рост стоимости жилья. Большинство римлян арендуют квартиры (как правило, трехкомнатные площадью от 80 квадратных метров), и им приходится платить за это, вместе с комму-

нальными услугами, до тысячи евро. Поэтому в семье с двумя детьми работают оба супруга. Многие не в состоянии не только приобрести квартиру, но даже оплачивать минимальную аренду. Рынок недвижимости обширен. На дверях и стенах домов владельцы вывешивают объявления «Vendesì» («Продаётся»).

Можно купить квартиру вместе с престарелым владельцем — одинокой старушкой, не имеющей претендентов на наследство, но стать хозяином жилья можно только после её смерти.

Чаще покупают жилье не за наличные, а воспользовавшись кредитами. Ипотеку здесь воспринимают не как долговую яму, а как выгодные инвестиции. В Риме, например, купить квартиру (обычно она состоит из 4—5 комнат, 2 ванных, кухни и столовой и 2 балконов) дешевле 400 тысяч евро невозможно.

Семьи с доходами ниже среднего уровня имеют право на получение государственного жилья в так называемых народных домах, после прохождения всех бюрократических процедур и ожидания в огромных очередях.

Распространены и так называемые семейные дома — жилищные кооперативы. Те, кто перестали надеяться на помощь государства и начали сами решать свои жилищные проблемы, самостоятельно выбирают место будущего строительства и принимаются за работу. Сами разрабатывают проекты, проводят строительные и отделочные работы — в праздники, выходные, каникулы и отпуска. Строят на совесть, потому что для себя.

Растёт количество иностранных покупателей. Обычные немцы, например, или англичане, представители среднего класса, приобретают собственную «итальянскую дачу». Затем, потратив на билет до Италии в дешёвом самолете всего за 30—50 евро, они могут продлить для себя лето.

Но, несмотря на строительный бум и покупательский ажиотаж, квартирный вопрос для многих остаётся открытым (в отличие, например, от ФРГ, которая жилищную проблему за 10 лет решила полностью).

Здравоохранение. Формально государственная медицина доступна для всех граждан и финансируется за счет государственного бюджета, взносов работодателей и работающих. Она базируется на принципе: здоровье — фундаментальное право каждого гражданина и государственный интерес. О том, как это выглядит на практике, речь пойдет ниже.

Средняя продолжительность жизни в Италии составляет 76 лет для мужчин и 82 года для женщин. Италия — лидер в

Европе в области медицины. Здесь снизилось число заболеваний раком, но стало больше алкоголиков и толстяков, что, в свою очередь, ведет к увеличению количества сердечно-сосудистых заболеваний.

Расходы государства на здравоохранение в Италии низки и составляют около 6 процентов ВВП, но качество больниц очень разное. Зато итальянские врачи и медицинский персонал считаются одними из самых высококвалифицированных в мире, а по числу врачей на душу населения Италия занимает первое место в мире (1 врач на 160 жителей). Правда, дантистов мало, а стоят их услуги дорого.

Каждый гражданин Италии зарегистрирован у врача общей практики, дети до 6 лет — у педиатра. Есть возможность выбирать врача. При любых недомоганиях (за исключением болезней гинекологических и стоматологических) необходимо вначале обратиться к врачу общей практики, который после осмотра направляет пациента на обследование или в стационар.

Неотложная госпитализация осуществляется немедленно, плановая может быть отложена на недели и даже месяцы. Получив направление к узкому специалисту, пациент записывается на визит к врачу. Период ожидания длится от 2 до 4 недель. За визит к врачу все платят так называемый «ticket» — 18 евро. Все исследования, которые назначает врач, — платные. В частных медицинских организациях невозможно пройти все исследования даже за полную плату (не по «ticket»). Они проводят только относительно простые исследования. Например, томографию можно сделать только по «ticket», так как частной организации томограф не по карману. Очередь на томографию по направлению врача — около 5—6 месяцев.

Участковый врач обычно не назначает анализа крови, даже если у больного высокая температура, потому что на анализ крови надо стоять в очереди как минимум 7 дней, а потом ещё столько же ждать результата. В серьезных случаях на направлениях пишется «срочно», и тогда больного записывают на исследования или на анализы не позднее семи дней. Время ожидания можно сократить за свой счет. Платный визит к выбранному врачу обойдется в 70 евро. Но и в этом случае записывают обычно за 5—7 дней.

Если пациент по состоянию здоровья не может добраться до клиники, врач приходит на дом. В случае опасности можно вызвать «скорую помощь», но она лишь доставляет больного в больницу. На ней служат волонтеры, прошедшие краткосрочные курсы. Врачей для оказания помощи на месте на ней нет.

Больница по итальянским стандартам — это учреждение, предоставляющее комплексное интенсивное лечение в острой стадии заболевания (то есть в течение нескольких дней).

Больницы Италии делятся на государственные и частные. В государственных — длинные коридоры, палаты на 2—4 человека. Частные больницы напоминают дома отдыха или пансионаты: невысокие виллы в зелёной зоне, меню по выбору, палаты, состоящие из просторной комнаты, а иногда и из двух (для сопровождающего лица), с двумя телевизорами и ванной комнатой при каждой палате... Частные больницы оснащены хуже государственных, поэтому в них делают только относительно несложные операции.

Оплата труда врачей осуществляется по количеству пациентов, поэтому врач заинтересован быть выбранным из списка конкурентов. «Поголовная» оплата составляет большую часть врачебного заработка. Установлено максимальное количество зарегистрированных пациентов у одного врача общей практики. Доход врача может быть увеличен за счет оплаты специального лечения (например, ведение больного с хроническим заболеванием) и премий за эффективное расходование средств.

Оплата труда узких специалистов, как правило, почасовая.

Итальянские врачи отвечают за свою работу. Каждый врач обязан иметь страховку, и, в случае неправильно назначенного лечения, смерти в результате врачебной ошибки, страховая компания выплачивает пострадавшему деньги.

В настоящее время внедряется новый проект, — виртуальная больница. Цель проекта — предоставление медицинских услуг на высшем уровне. Посредством Интернет-связи можно получить консультацию клинициста, совет или диагноз, информацию о наличии коек. В Италии относительно небольшое количество коек на тысячу человек. С 1990 до 2001 г. оно сократилось с 7,2 до 4. Италия делает ставку на внебольничное лечение: в 2001 г. на тысячу человек приходилось чуть больше 6 терапевтов — это один из самых высоких показателей в Западной Европе.

Если перейти от деклараций к действительности, то трудно обнаружить, что итальянская система здравоохранения, которую ООН и ВОЗ признают одной из лучших в мире, представляет собой нечто весьма напоминающее проект, намечавшийся в России Зурабовым, только в ещё худшем варианте. Фактически всем итальянцам, как считают многие из них, гарантирована бесплатная медицинская помощь лишь в двух случаях. Во-первых, при обращении к врачу об-

шей практики, который оказывает первую помощь и выпи-
сывает направления на анализы и на приём у специалиста.
Во-вторых, это лечение в больнице (включая обеспечение
дешёвыми аналогами дорогих лекарств) в больнице в про-
должение нескольких дней острой стадии болезни. А всё ос-
тальное (включая анализы, без которых серьёзное лечение,
как правило, не обходится) — пациент оплачивает сам. Да
ещё и ждёт анализа или приёма неделями, а то и месяцами.
Не удивительно, что состоятельные итальянцы предпочитают
лечиться в Швейцарии или во Франции. Впрочем, схожая
картина теперь, после принятия нового закона о здравоохра-
нении, будет знакома и россиянам.

По сути, как выясняется, если всё это посчитать, медици-
на в Италии в основном платная, государство лишь в какой-
то мере (около 18 процентов) возмещает расходы граждан на
медицинское обслуживание.

В докладе Министерства здравоохранения отмечается низ-
кий уровень оказания медицинских услуг, нехватка мест в
государственных больницах, плохое их оснащение оборудо-
ванием и неудовлетворительные санитарные условия в поло-
вине медицинских учреждений страны.

**Вот вам и лучшая в мире система здравоохранения: рядово-
му гражданину — минимум услуг, а богатому доступен весь их
арсенал. И такова суть нового европейского социализма во всё-
м. «Забота» буржуазного государства о «благополучии» трудя-
щихся продиктована прежде всего страхом перед их возраста-
ющей силой во всё-м мире.**

Образование. Государство обеспечивает материальное со-
держание школ и контролирует обучение в частных школах.

Для детей в возрасте до шести лет имеются частные ясли и
детские сады. Их посещение не является обязательным. Го-
сударство оказывает им значительную финансовую поддер-
жку.

Обучение детей в возрасте от 6 до 14 лет — обязательное и
бесплатное.

По окончании такой школы в возрасте 14 лет перед уча-
щимся, желающим продолжить школьное образование, от-
крываются два пути: общеобразовательные (академические)
школы и технические училища — те и другие с пятилетним
сроком обучения.

Общеобразовательные школы имеют четыре специализа-
ции: гуманитарную, естественнонаучную, педагогическую и
художественную. По окончании одной из таких школ уча-
щийся может поступить в университет. Технические учили-
ща подразделяются на сельскохозяйственные, торговые, зем-

леустроительные, мореходные и промышленные. Их выпускники могут поступить на соответствующие факультеты университетов.

В Италии насчитывается 41 государственный университет, из них 20 были основаны до 1600 года. Кроме того, функционируют политехнические институты, а также ряд частных университетов, включая самый большой — Католический университет в Милане. Во многих итальянских городах имеются консерватории и художественные институты. Во всех высших учебных заведениях Италии обучается около 1,2 миллиона студентов (из них более 1 миллиона — в государственных университетах) против 75 тысяч в конце 1930-х годов. Рост числа студентов во многом связан с вовлечением женщин в систему высшего образования.

Хотя большинство высших учебных заведений содержится государством, все они пользуются автономией в организационном отношении и свободой в составлении учебных программ. Для поддержания высокого уровня образования для большинства профессий введены обязательные государственные экзамены.

На взгляд постороннего человека, по сравнению с системами образования других стран у итальянцев всё шиворот-навыворот. Лучшее образование даётся, пожалуй, на дошкольном уровне, а потом через начальную, среднюю и высшую школу выливается в совершенно сумбурную университетскую систему. Малыши проводят в школе почти целый день, а, становясь взрослее, занимаются только по утрам.

Поступить в университет в Италии сравнительно легко, так как очень немногие факультеты ограничивают число слушателей. Скажем, в Римском университете числится 150 000 студентов. В результате аудитории вечно переполнены и преподавателей не хватает. Тот факт, что из поступивших в университеты их оканчивают менее четверти, свидетельствует о несовершенстве образования.

Но, несмотря на все дефекты академической системы, среди итальянцев много образованных людей. Они любят учиться и корпят над книгами. Затем на устном экзамене отбарабанивают заученное. Критические замечания преподаватели не приветствуют. Лучшим подходом считается повторение мыслей профессора — это наследие Контрреформации, когда за неправильный ответ могли сжечь на костре.

Экзамены можно сдавать до тех пор, пока не получишь оценку, которая тебя устраивает. Поскольку единственным цензом для пребывания в университете является ежегодная оплата, студенты могут учиться до глубокой старости.

Упадок образования в Италии начался после внедрения там ЕГЭ. Но об этом будет рассказано в главе о Франции, где этот упадок оказался наиболее глубоким.

Численность населения Италии составляет 58 млн. человек. В городах проживает около 70 процентов населения страны.

Среднегодовой прирост населения низкий и даже отрицательный. Рождаемость — ниже смертности. К тому же постепенно происходило старение населения.

Труд и миграция. В принципе в Италии достаточно трудовых ресурсов. Но её жители, как и в других странах Западной Европы, неохотно идут на работу низкой квалификации. Поэтому приходится рассчитывать на выполнение этих работ мигрантами. Однако в связи с политической нестабильностью в миграционной политике царит хаос. Скажем, левоцентристское правительство распахивает двери перед мигрантами. Ему на смену приходят правые — и начинается борьба за уменьшение квот на иностранную рабочую силу (из стран, не входящих в ЕС).

Строгие ограничения вводятся на въезд в Италию строительных и промышленных рабочих. На въезд домработниц и сиделок введён лимит. Предпочтение отдаётся тем, у кого на руках есть контракт на работу по уходу за людьми с ограниченными возможностями или за престарелыми. Ограничен въезд и тех, кто приезжает на сезонные работы, такие, как сбор урожая или по временным контрактам для работы в сфере туризма.

Итальянские власти так долго не обращали внимания на огромное количество румын-гастарбайтеров, и вокруг Рима выросли многотысячные «картонвилли» — румынские поселения из упаковочных ящиков. Полиция, наконец, признала, что в Риме в любую минуту может начаться межнациональная бойня — до такой степени дошла ненависть между итальянцами и румынами-мигрантами. Нелегальная иммиграция отнесена к числу тяжких преступлений, она карается штрафом для самих нелегалов и тюремным заключением сроком до трех лет для тех граждан Италии, которые сдают мигрантам жильё. В городах и селениях организованы народные патрули добровольцев, в основном из отставных офицеров полиции и армии, которые выслеживают на местном уровне нелегальных мигрантов.

Количество нелегалов, въезжающих в Италию, ежегодно растёт. Кражи, изнасилования, убийства с участием мигрантов становились причиной общественных волнений в Неаполе, Генуе, Риме. 26 июля 2008 года на всей территории Италии даже было введено чрезвычайное положение.

Премьер Берлускони ответил оппозиции и церковным иерархам, критиковавшим правительство за ограничения в области иммиграции: «Мы против ксенофобии. Но в любом случае 76 процентов итальянцев разделяют наш подход. Наше отличие от демократов в том, что они хотят распахнуть двери в страну для всех, а мы хотим держать их закрытыми и приоткрывать только для тех, кто хочет приехать в Италию, уважая наши законы».

Политика правительства Италии в области иммиграции подвергается серьезной критике на международном уровне. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев выразило серьезную озабоченность в связи с практикой отправки обратно в Ливию иммигрантов, которые по морю пытались переправиться на Апеннины.

Общие впечатления об образе жизни итальянцев

Менталитет. В то время как большинство итальянцев очень упорно трудится, при посещении страны постоянно складывается ощущение, что у всех каникулы. Однако это не совсем так — большинство местных жителей работает в среднем 36 часов в неделю, а в случае «авралов», как и во всём мире, трудится с полной самоотдачей. Впрочем, итальянцев нельзя назвать и трудоголиками — многие работают ровно столько, сколько нужно для выполнения насущных задач, и ни минутой больше.

Есть и достаточно продолжительные перерывы в работе на завтрак и обед, в ходе которых вся организация обычно оккупирована окрестными кафе, создавая иллюзию праздности — офисов-то много, а график работы у всех разный, плюс туристы. В промежутки между 12.00—13.00 и в 16.00 большинство заведений бывает просто трудно застать открытыми — у всех сиеста, часто сопровождаемая послеобеденным сном. Правительственные учреждения и офисы обычно работают по более жёсткому графику, но сиеста соблюдается и здесь. Некоторые крупные магазины вообще открываются только в 11.00, а в 13.00—14.00 уже закрываются на сиесту и открываются лишь к 16.00, однако часто работают при этом до 20.00 и даже 22.00. Рабочий день в частном секторе может быть очень длинным (с 8.00 до 19.30) и иметь всего получасовой перерыв на обед.

Период отпусков почти у всех приходится на июль-август, когда многие предприятия в северных городах закрываются, а на юге работают только оживлённые туристические центры.

Хотя известная итальянская непунктуальность и «лёгкий» взгляд на любую проблему действительно могут попортить нервы кому угодно. Неуважение к распорядку здесь проявляется буквально во всем — от часов работы магазинов до графика движения поездов, от достаточно неупорядоченного дорожного трафика до полночного рёва музыки из чьих-то окон. Однако сами итальянцы к своим вечно опаздывающим автобусам и поездам относятся философски, да и найти магазин взамен закрытого не составляет проблем. А шумные вечеринки характерны скорее для крупных туристических центров и курортных районов — в небольших итальянских городах уже после 21.00 царят мир и покой.

Что значит семья для итальянца. Для итальянцев честь семьи, её благополучие выше собственных интересов. Даже вера и любовь к родине, столь ярко выражающиеся в обыденной жизни, обычно отступают, когда речь заходит о семье. Но если в середине XX века идеалом считалась большая семья, по сути — клан, то сейчас семьи всё более приближаются к общеевропейской пропорции «двое родителей — 1—2 ребенка».

В итальянцах удивляет необыкновенно доброе отношение к детям. Они — их визитная карточка. Ими восхищаются, их балуют, ими гордятся и позволяют делать всё что угодно. Достаточно хоть раз увидеть выход итальянского семейства «в люди», чтобы понять — кто здесь главный. При этом местные жители умудряются совместить полную свободу отпрысков в пределах своей общины или семьи с достаточно серьёзной мотивацией их на успех в жизни и социализацию в обществе. Дети посещают вместе с родителями рестораны и мессы, участвуют во всех семейных и общинных праздниках и при этом достаточно рано получают определённую финансовую самостоятельность. О большинстве младенцев заботятся бабушка с дедушкой или матери, если они не работают (последнее достаточно редко на севере и вполне распространено на юге). Обед или ужин — настоящий «час семьи», когда все проживающие совместно (или даже рядом) родственники собираются за столом. После обеда все обычно выходят на вечернюю прогулку, чтобы расслабиться и поболтать с соседями или друзьями. Дети тоже имеют в рамках этого ритуала свою свободу — после «отбытия необходимого срока» они могут провести время в своей компании, пока родители пьют кофе где-нибудь в кафе поблизости. Но чем старше ребёнок, тем меньше ему потворствуют все члены семьи, и тем большую нагрузку он несёт в общих делах. Руководят такими «общественными работами» обычно старшие

члены семьи, не брезгуя физическими наказаниями, но в пределах разумного — насилие над ребенком здесь попросту немислимо.

Семейная фирма или компания с многовековым стажем — обычное явление для Италии.

Национальные особенности. Итальянцам присуща особая душевность, открытость, коммуникабельность. Немцы, как правило, предпочитают сидеть в ресторане одни за столом. Наслаждаться спокойствием, быть наедине с собой и миром, и не любят, когда их кто-нибудь побеспокоит во время жизненно важного философствования или обдумывания новой стратегии или идеи для своего бизнеса. Итальянцы же, наоборот, любят быть в компаниях.

Почему же итальянцы считаются народом не то что импульсивным, но почти неуправляемым? Спокойствие и размеренность — вот что бросается в глаза при первой встрече с ними. Они преисполнены чувством собственного достоинства, но вместе с тем открыты и дружелюбны. Всегда (хотя, конечно, не все) готовы прийти к вам на помощь. Итальянская же экспансивность проявляется лишь тогда, когда устанавливается личная связь между вами или в неформальной обстановке. Например, в баре, где собираются знакомые, или в тур-поездке группой в другую страну. Тут-то от размеренности не остается и следа и перед вами оказываются самые настоящие итальянцы! С радостными воплями, раскованностью и знаменитой итальянской «аллегрией» (то есть жизнерадостностью).

Итальянцы стремятся сохранить «прекрасную фигуру» («держать фасон»). Сумка, даже для покупок, должна быть элегантной и сочетаться с одеждой.

Стремление выглядеть «на высоте» относится и к манере держаться на публике. Крайне важно показать окружающим свою уверенность, решительность. Все должны видеть, что ты — хозяин своей жизни, даже если на самом деле ты весь состоишь из комплексов.

Ни карьера, ни деньги сами по себе, ни труд, ни политика не важны так для итальянца, как получение удовольствия. Это и хорошее вино, и вкусная еда, и красивая женщина, и общение с другом, и уличный или семейный праздник. Именно эти вещи имеют первостепенное значение, составляют смысл и придают значение жизни. Может быть, именно поэтому итальянцев нередко, и несправедливо, упрекают в лени.

Вот важнейшая черта итальянского характера. Итальянец играет всегда — он постоянно на сцене, если, конечно, есть (как и положено в театре) зрители. Поведение, стиль обще-

ния, речь, манера одеваться — всё подчинено внутренней логике игры. Итальянец всегда в образе: работника, семьянина, друга, посетителя бара — и всегда стремится довести этот образ до совершенства. Роли должны быть обозначены и званием, и костюмом. В Италии принято обращаться к человеку по его должности, к педагогу (от школьного учителя до университетского лектора) — «профессор», к врачу — «доктор» и так далее. Ношение формы — не менее важно, ведь это тоже часть образа. Даже когда итальянцы знакомятся, они обычно добавляют к своему имени профессию или специальность: «Винченцо, журналист».

И все же излюбленное место действия итальянского спектакля жизни — улица. Здесь можно и себя показать, и представление посмотреть. Столики итальянских кафе и баров стратегически расставляются на улицах так, как будто это ряды в театре, чтобы можно было спокойно наблюдать за тем, что происходит вокруг. На улицах кишит пестрая толпа, все громко разговаривают и передают суть разговора с помощью выразительной мимики и энергичных жестов. Надо только учитывать, что все чувства, эмоции и реакции на события, как и в любом уважающем себя театре, сильно преувеличены. Крики мужчин и их отчаянная жестикуляция не означают ссоры, они просто обсуждают вчерашнюю вечеринку. Жаркие поцелуи и восторженные приветствия двух женщин отнюдь не свидетельство того, что они не виделись несколько лет, скорее всего, расстались они накануне, просто разыгрывается мизансцена «приветствие».

В итальянских городах, особенно небольших, приняты традиционные вечерние прогулки перед ужином. Люди надевают нарядные одежды и выходят на улицы пройтись перед едой. Ничего особенного не происходит: все здороваются, разговаривают, обсуждают мелкие местные или крупные государственные события, разглядывают друг друга. Так повторяется каждый вечер, но стороннему наблюдателю кажется, что люди на улицах давно не видели друг друга, настолько радостно и оживленно проходит эта прогулка.

Удивительно тонкий эстетизм и врожденное чувство вкуса свойственны итальянцам. Это проявляется во всем — красивой одежде, гармоничной мебели, в высокохудожественном оформлении витрин. В самом отдалённом уголке страны можно встретить магазины, чьи интерьеры сродни произведению искусства. Обшарпанные и полуразвалившиеся на первый взгляд жилища прячут в своих недрах шедевры современного интерьера. Маленькая придорожная закусочная поразит тонко продуманным дизайном.

До 18—19 лет все итальянцы — анархисты. Как только влюбится и соберётся жениться, делается социалистом революционной марки. Как только у него родится ребенок, а ему самому исполнится 22—23 года, он делается «умеренным социалистом». В 25 или 26 лет — он уже смеётся над «социалистическими бреднями». Ну а если случайно ему свалится наследство, то он и раньше делается свирепым собственником и отчаянным индивидуалистом... Но итальянская женщина, в своей массе является решительной и очень стойкой противницей социализма. Она, как общее правило, весьма религиозна, отменно бережлива, любит свой угол, готова и ногтями, и зубами защищать свою собственность. В её душе заложен неистребимый инстинкт материнства и семейных начал. Суньтесь к ней с проповедью «свободных союзов», сообщите ей, что рождаемых ею детей надо будет сдавать на воспитание в специальные коммунистические приюты, — и она вам глаза выцарапает...

Положение женщин. После Второй мировой войны положение итальянских женщин существенно изменилось. До войны они, как правило, не участвовали в общественной жизни. Поскольку семьи были большими, женщины были прикованы к дому. Сегодня многие молодые женщины из средних и высших слоев общества продолжают образование в университетах, чтобы стать преподавателями, работать в социальных службах или получить какую-либо другую профессию. Однако здешней культуре присуще особое, хотя и довольно противоречивое отношение к женщине. В обществе существует культ сильного мужчины, хозяина дома, который не может унизиться выполнением традиционно женских обязанностей по дому или любовными страданиями. Женщина же должна знать свое место как до, так и после брака — таков идеал итальянских мужчин. А на самом деле безраздельной хозяйкой в семье является женщина, которая может позволить себе все — капризы и желания, причуды и требования.

Женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. При чем восхищаются итальянцы будут любой — некрасивой, красивой, старой, молодой, глупой, — не делая исключений. Женщина здесь действительно имеет возможность быть в центре мужского внимания, чувствуя себя желанной и восхитительной. Пусть это игра, но игра, которая тайно нравится даже самым отчаянным феминисткам. Compliments дамам принято делать даже на строго официальных встречах.

Каждый итальянец почитает свою мать, словно Мадонну, а себя мнит Иисусом Христом или, по крайней мере, даром

Божьим всему миру, и в особенности женщинам. Неудивительно, что мужчины-итальянцы не могут оторваться от родного дома. Их матери балуют своих сыночков так, что те уже не мыслят жизни вне дома.

Большинство итальянцев убеждено: основная функция женщины — быть хорошей женой, матерью и домохозяйкой. 70 процентов мужчин ни разу в жизни не включали плиту, 95 процентов — стиральную машину. В провинциальных городах в Италии люди до сих пор неодобрительно реагируют на то, что работающая женщина сдаёт детей в садик, которые, кстати, есть далеко не везде. Многие мелкие и средние итальянские фирмы и вовсе предпочитают не брать на работу сотрудниц детородного возраста, хотя закон запрещает подобные ограничения.

В отчёте о гендерном неравенстве в трудовой сфере в разных странах Италия оказалась хуже Колумбии, Перу и Вьетнама. По количеству работающих женщин Италия сейчас на 87-м месте в мире, по возможности занять руководящие должности — на 97-й строчке, по соотношению зарплат женщин и мужчин — на 121-й.

Количество работающих вне дома итальянок — самое низкое в Европе — 45 процентов (для сравнения: в Норвегии их 80, в Великобритании — 72 процента), причём они получают в среднем на 20 процентов меньше мужчин на аналогичной позиции. Женщин на руководящих постах в Италии всего 7 процентов (в скандинавских странах — 33 процента). Большой бизнес практически обходится без итальянок.

Но всё же и в Италии пролагает себе дорогу мысль: гендерное неравенство — серьёзное препятствие на пути построения социального государства. И тенденция усиления роли женщин в политике вплоть до избрания их президентами и премьерами ныне постепенно становится символом времени.

Влияние Римско-католической церкви. Итальянцы в массе — приверженцы Римско-католической церкви, но многие из них сомневаются, что церковь вправе вмешиваться в гражданскую жизнь. В стране проявляются определенные антиклерикальные тенденции, особенно на территории бывшей Папской области, где сохранились воспоминания о времени церковного правления. В приходах священники всё ещё пользуются большим влиянием, особенно на юге страны и в сельской местности. Церковь сохраняет авторитет также в культурных и благотворительных организациях, в профсоюзах и других объединениях трудящихся.

Церковь признаёт только такой брак, когда супруги венчаются в храме. В последние 10 лет количество гражданских

союзов в Италии удвоилось. И все же люди, живущие в гражданских браках, составляют небольшой процент — 6 процентов на севере страны и только 2 процента на юге.

Нерешённые вопросы развития Италии

Италия остаётся самой нестабильной страной в Западной Европе. В ней столь часты правительственные кризисы, смены партий у власти с соответствующим пересмотром внутренней политики (по внешнеполитическим вопросам существенных разногласий между партиями сегодня нет). Но, как ни спорят правительство и оппозиция, дело до серьёзных конфликтов не доходит.

Конечно, основное противоречие между трудом и капиталом европейский, в том числе и итальянский социализм не устраняет. Кроме того, остаётся не преодолённой сильная разница в развитии, в доходах населения и в уровне безработицы промышленного Севера и аграрного Юга.

Наиболее крупную долю социальных расходов составляет пенсионное обеспечение — 15,4 процента ВВП (при среднеевропейском уровне — 11,9 процента), тогда как на поддержку семьи, материнства, образования и политику занятости затрачиваются сравнительно незначительные средства (около 0,8 процента). По этой причине Италию иногда называли страной пенсионеров. Так, до 1992 г. система пенсионного обеспечения Италии была, пожалуй, наиболее «щедрой» в сравнении с другими странами ЕС. Например, законом гарантировалось без определения границ пенсионного возраста получение пенсии после 35 (а государственные служащие — уже после 20) лет страхования. Среди других стран ЕС Италия обладала наибольшим числом пенсионеров в возрасте до 60 лет и вообще пожилых лиц как следствие увеличения продолжительности жизни.

Хроническая проблема для Италии — высокий уровень государственной задолженности. В Италии самым большим в Западной Европе до сих пор остается теневой сектор экономики. Около 30 процентов ВВП составляет незарегистрированная хозяйственная деятельность, лишь 25 процентов трудящихся заняты в официальном секторе, который продолжает сокращаться. Всё это сказывается на объёмах инвестирования в социальную сферу. Уже сейчас долговой кризис набирает обороты: Италия оказалась под угрозой дефолта, который может оказаться роковым для всей Еврозоны.

В 1992 г. начата реформа в области социальной защиты. Предусматривалось постепенное повышение пенсионного

возраста с 60 до 65 лет для мужчин и с 55 до 60 лет для женщин, был увеличен минимальный срок страхового стажа до 20 лет. Намечены снижение размера пенсий с 80 до 68 процентов последней оплаты труда, постепенное сокращение различий между пенсиями по старости и за выслугу лет, а также возможность более раннего прекращения трудовой деятельности с соответствующим уменьшением размера пенсии.

Начатый в 1996 г. (ради дальнейшей интеграция Италии в ЕС) курс на снижение государственных расходов предусматривал обширную приватизацию государственных предприятий, снижение расходов на образование и здравоохранение. Но, несмотря на курс жёсткой экономии в 90-х годах, целью итальянской социальной политики всё же было сохранение жизненного уровня населения.

«Европеизирование» стало важным фактором для проведения социальных реформ в Италии, где, в отличие от других стран Европы, ЕС не рассматривался как новая бюрократическая структура, ограничивающая полномочия национальных государств. В Италии с европейским объединением всегда связывали надежду на улучшение в собственной стране. Итальянцы принадлежали к сторонникам интеграции, ценя её даже выше, чем объединение Италии в XIX столетии. Причина этого — в традиционно глубоком недоверии населения к собственному государству.

Особенности рынка труда. Бросается в глаза преобладание среди безработного населения молодых людей, находившихся в поиске первого в своей жизни рабочего места. До начала 1990-х годов более трех четвертей итальянских безработных были сконцентрированы в возрастной группе до 29 лет. Кроме того, безработица, как правило, не затрагивала взрослое население. Поэтому бремя содержания незанятых членов семьи (как правило, собственных детей) смещалось от государства к семье. В обществе сформировалось мнение, что потерять работу маловероятно, а если такое и случится, то при наличии опыта и достаточной квалификации найти новую работу легко. И само понятие «безработица» становилось в большей степени явлением социально-психологическим, нежели экономическим. Но в связи с интеграцией Италии в ЕС безработица перестала быть исключительно молодежным явлением и стала затрагивать взрослое население страны. Это вынудило итальянское правительство проводить более активную политику занятости, а также улучшить систему страхования по безработице. Размеры пособия по безработице в Италии, сравнительно с другими странами ЕС, невелики.

Участие работников в управлении производством. Членам ЕС рекомендовано развивать программы участия работников в управлении производством и распределении результатов общего труда. Соответствующие законы действуют и в Италии. Здесь существенно ограничены компетенции руководителя предприятия в решении социальных вопросов. С 1971 г. действует Устав прав трудящихся, который ограничивает власть собственника и администрации рамками технологического процесса. Такие же жизненно важные социальные вопросы, как прием на работу, перемещение внутри предприятия, оплата, увольнение и др., решаются с согласия профсоюза. Скажем, в случае увольнения работника руководство обязано доказать, при необходимости через суд, обоснованность мотива увольнения и, если это будет признано, выплачивать увольняемому работнику в течение двух лет почти полную зарплату. Очевидно, что в таких условиях одна из функций управления персоналом — освобождение работников — становится весьма непростым и дорогостоящим делом, имеющим мало общего с увольнением как извещением об этом работника по почте с помощью голубого конвертика.

В Италии участие работников в решении вопросов, связанных с безопасностью, основано на заключении контракта.

Общий итог

Итак, первое, что было предпринято в Италии после освобождения от фашистского режима, — это ликвидация корпоративного строя. Дальнейшее развитие Италии пошло в целом в русле западноевропейской демократии. Однако целиком завоевания периода корпоративизма отобрать не удалось. Государство всё же приняло в значительной мере социальный характер, установив приличную систему социального обеспечения для всех (хотя и не в равной степени). Проведена национализация ряда отраслей промышленности. Внедряется планирование развития экономики в масштабе всей страны и отдельных её регионов. У власти временами оказываются социалисты.

В настоящее время Италия является одним из высокоразвитых европейских государств. Страна входит в число ведущих экспортеров мира. Товары со знаком «Made in Italy» известны и уважаемы во всем мире, в первую очередь за свою итальянскую индивидуальность и узнаваемость, за качество, стиль, дизайн и соответствие времени.

Да, в Италии установлен **европейский социализм с итальянской спецификой**. Но теперь уже никто не пошлёт всех де-

тишек Италии летом на морские или горные курорты. В корпоративной Италии развитие спорта, организация досуга трудящихся повышение их культурного уровня, охрана материнства и детства были государственной политикой. Теперь это — частное дело каждого. Не будет и многих других льгот, которые давало трудящимся корпоративное государство. Вместо идеи, возвышавшей народ (ложной, но действенной), гражданам предложена элементарная: «Конкурируй с другими, больше зарабатывай и больше покупай!». Замена явно неравноценная. И вообще **отказ от корпоративизма вылился во всестороннюю деградацию — при видимом повышении жизненного уровня.**

Никуда не уйти от пророчества старика Шпенглера: Европа умирает, и культура её неизбежно деградирует.

В главе 1 я приводил впечатления Олега Платонова от его знакомства с жизнью разных стран Европы. В частности, об итальянцах он говорил, что они ни в коей мере не могут считаться наследниками культуры эпохи Возрождения. Их отношение к шедеврам гениев Ренессанса чисто потребительское. Конечно, возможны отдельные достижения. Например, неореализм в итальянском кино, но картину в целом можно оценить, лишь руководствуясь критериями процессов развития и деградации культуры.

Пример упадка культуры — судьба художественной культуры в Италии, Франции, Англии, когда после взлета высокого Возрождения появились упадочные школы маньеризма (II половина XVI в.). Маньеристы стремились подражать мастерам Возрождения. Но при этом они усваивали лишь внешние формы, формальные приемы, вырывая их из общего контекста. Можно ли говорить о современной итальянской как и вообще европейской культуре как о дальнейшем движении от Возрождения к более высокому уровню человечности? Скорее наоборот: нынешнее состояние европейской цивилизации — это яркая иллюстрация процесса расчеловечивания человека, выставление напоказ тех пороков, которые во времена подъёма культуры считались позорными.

Редактор издающегося в Италии геополитического журнала «Евразия» Тиберио Грациани отмечает отсутствие геополитической доктрины у современной Италии и объясняет это принадлежностью Италии к американской зоне влияния, глубоким кризисом национальной идентичности и недостаточно развитым геополитическим мышлением правящего класса. Необходимость соблюдения положений Парижского мирного договора 1947 г. и двусмысленная идеология конституционализма породили «коллаборационистский ре-

ализм» и отказ от ответственности за собственную судьбу. Современная Италия не имеет возможности реализовать свой геополитический потенциал из-за членства в НАТО и вассальной зависимости от Соединённых Штатов, поставок энергоресурсов и кризиса «социального государства».

А что же будет дальше, при переходе Италии от индустриального общества к постиндустриальному? Как полагают некоторые исследователи, может случиться, что фашизм вскоре воскреснет — с новым именем, под иными лозунгами и символами. Но фашизм не является «новым путем жизни», как провозглашали фашисты; это скорее старый путь к смерти и разрушению.

Есть и некоторые прогнозы относительно формы, какую может принять фашизм в современной Европе. Ведь её лозунг — «Социализм с человеческим лицом» — предполагает государственное вмешательство в бизнес с тем, чтобы направить его на «пользу обществу». Это ничем не отличается от трактовки фашизма у Муссолини. То есть фашизм — это политический мейнстрим современной Европы. Вероятно, и Италия будет ориентирована на современный евросоциализм, то есть, по сути, на классический фашизм. (А не на евронацизм, который, скорее всего, утвердится в англосаксонских странах.)

«Страна — одна большая фирма» — классический лозунг Муссолини. Современная Европа, где бизнес подчинён госаппарату или сращен с ним, где остаётся лишь видимость частной собственности, а представители государства заседают в советах директоров крупных компаний и т.д., — это черты типично фашистского государства. Только часто положительные стороны доктрины Муссолини (подъём промышленности, развитие инфраструктуры, воодушевление граждан, рост рождаемости), требующие осмысленных действий государства, основанных на понимании и сознательной деятельности, полностью отсутствуют; зато все негативные стороны (всесилие бюрократии, технологическое торможение, повальная коррупция, неэффективность экономики) — встают во весь рост.

Остаётся лишь верить в здравомыслие итальянского народа, который помнит свою историю и, надеюсь, не даст увлечь себя очередным демагогам.

Соратники!

От всего сердца поздравляю журнал «Молодая гвардия» с 90-летием!

«МГ» сегодня — именно гвардия, авангард нашей национальной журналистики, наступающей в первых рядах русской национально-освободительной борьбы с пером-штыком наперевес. Заслуги журнала в недавние десятилетия огромны — прежде всего в консолидации патриотического движения, в пафосе бесстрашной Правды, в сплочении вокруг редакции лучших русских авторов. Любовь и уважение читателей журнал завоевал верностью чаяниям народа России, смелостью в постановке острейших политических проблем, беспощадностью в обличении врагов Родины, называя их по именам.

«МГ» следует единственно верной позиции в понимании **главного** в мировом политическом противоборстве: есть Русские и есть их извечные недруги. В этом суть всех современных противостояний и конфликтов.

Именно с «МГ» (в отличие от других московских журналов) я — как автор — всегда ощущал полноту взаимопонимания и прежде всего верности нашим национальным интересам. Знаю, что многие мои статьи, опубликованные в «МГ», нигде более не могли бы появиться на свет. Спасибо за это гостеприимство и поддержку. К сожалению, в Петербурге уже многие годы нет ни одного по-настоящему смелого русского журнала.

Как могучий набат, «МГ» будит русский народ, воспитывая, пропагандируя наше национальное и историческое самосознание, без которого не достичь чаемого общественно-политического единства. Досточтимая «Молодая гвардия», Ваши призывы не напрасны, их слышат, им следуют все истинные ратоборцы — нынешние ополченцы, участники войны за освобождение России от морального гнёта распоясавшейся безнравственности, бездуховности и русофобии. Слава замечательному, поистине героическому журналу!

Марк ЛЮБОМУДРОВ, Санкт-Петербург

РАССКАЗЫ

«ПЛЕННЫЕ»

Осип и Иван — братья. А по отчеству Кузьмичи. В селе их зовут еще и «пленные». Осип — непревзойденный на селе бондарь, а Иван — плотник. В прошлой, самой страшной, Отечественной, братья были в немецком плену, как они говорили, «в неметчине». И по сей день, как увидят их за работой или на улице, так и приветствуют, здороваются:

— Здорово, пленные Кузьмичи!

Бондарной и плотницкой работы на селе теперь мало. Осип редко бондарничает, разве что закажет кто-нибудь Осипу бочку под огурцы, а Ивана так и вовсе редко зовут плотничать, — все больше мужики-селяне делают сами, пусть хуже, да бесплатно. Лишь бы у дела торчать.

— Сторожить... — ворчал Осип на совхозное начальство, — разве же это дело для бондаря? Бондарь руками думает! День и ночь — сутки прочь. На пасеке — как пень. Тоска заедает, а ночами жуть берет, особенно зимой... Собака завоет — мороз по коже так и заходит...

ПРОЗА

Осип мал ростом — метр с кепкой, шупленький и худющий, кожа да кости. И за что только Фекла, жена брата Ивана, так не любит Осипа? За весь его жалкий вид? За удобу, вечно небритое лицо со слезящимися глазами? И каждая их встреча заставляет обоих содрогаться. Характер у невестки сложный: сварливая, ноет, как пила. Вечно недовольна, «достаёт» супруга. А когда Осип приходил к брату Ивану по делам или так, покурить, покалякать «за жисть», — так и вовсе под горячую руку: на лицо ее, рябое, как шумовка, наносило рябь злобной усмешки. Губы вытягивались в нитку:

— Опять, опять... Притащился, соколик, — ворчала Фекла на Осипа, — и чего слоняться по чужим дворам... Межедворник... Ай все дела поделал, бездельник? На пчельнике-то все пчелы, поди-ка, разлетелись, а ты тут торчишь, портками грязными трясешь?

Осип, только что вошедший в дом брата, остановился, подпирая косяк, стоял и слушал Феклу. Не перебивал, покашливал в кулак. Временами по привычке подтянет портки с заплатами на коленях; исподтишка искал глазами брата Ивана. Всем существом норовил он не ввязываться с Феклой в свару, лишь гудел вполслуха, как бы про себя, говорил чуть слышно:

— А я что, я ничего... Я не к тебе пришел, к брату. Чего ты на меня взъелась? Жужжишь, ноешь, как пчела. Мне стамеску надо, для дела...

— Нету, нет и нет тебе стамески...

— Погоди-ка, придешь и ты ко мне, попросишь бочку зачалить, а я тебе кукиш покажу.. Он где, Иван-то? Куда ты его, ай под юбку спрятала?

Осип не любил ссор, прерывисто вздыхал. Не умел он перевести на шутливую ноту бабий треп. Фекла, верно, только что поругалась с Иваном, а теперь набросилась и на Осипа:

— Спрячешь вас, — расходилась Фекла, — и в плену вас не спрятали, в энкеведе не взяли. Ходите друг за другом аки тени, лапоть да сапог.

Всякий раз, когда Осипу вспоминали про НКВД, руки его начинали трястись, ноги подсекались, сердце колотилось, как овечий хвост. А и тут не хватило выдержки: что она, баба, кислая шерсть, понимает про плен, про войну...

— Тебя бы, Феша, на фронт-то, странь ты... — сердце защемило еще сильнее, во рту сухо, — тебя бы, рябая харя, в плен. Ты бы там жирным задом-то повертела. Это тебе не домашними пирожками пукать, это... Чего ты рот-то раззявила, ишь, аж пот ее прошиб. Закрой хлебальник...

Фекла онемела от удивления. Между тем, делая вид, что пропустила слова Осипа мимо ушей, раскалялась докрасна.

Это затишье было страшным, предвещало бурю. Шея Феклы покрылась красными пятнами, глаза обрели блеск азарта. Она прекратила пахтать масло, вытерла руки ветошкой и, откидываясь назад, еще наглей, со смешком, затынула:

— Воя-аки! — напирая на «я», тянула она с укором. — Сталина на вас на обоих. И на Ивана и на тебя. Уж он бы вас приструнил, дармоедов. Повадились медовуху жрать, вружились. А я вот совхозному начальству настучу на тебя. Ты Ивана моего спаиваешь медовухой на пасеке. Вчера нажрался он у тебя на пчельнике, ни уха ни рыла... Пришел: через губу не переплюнет. На утре уж притащился, как цуцик... Я накапаю... Вояки...

Осип уже не мог говорить, он вышел на крыльцо, жадно дыша, сел на ступеньку, проглотил таблетку и еле-еле отходил... В висках стучало молотками, дятлом, болью. А в голове носились злые слова Феклы: «Вояки! Сталина на вас, энкеведе!..»

Всякий раз, когда кто-нибудь произносил это проклятое слово «энкеведе», Осипу было тошно: их бы на допрос, как его, Осипа. Хотя бы раз. В полночь, при свете ламп в лицо. И всегда одни и те же вопросы, вразрез, при явном тебе недоверии. А отпустят — как пинком под зад, как пса: «Иди домой, вояка, нужен будешь — вызовем...» И так каждый год, в самую распутицу, как всегда ранней весной. А ходили за двадцать километров, пешь, все пешь... «Вояки... Мать вашу... Вояки...» — носилось в мозгу, стучало в темечко молотками, выколачивало... Осип, еле волоча ноги, пошел не улицей, а огородами, чтобы никому не попадаться на глаза. На огороде, по тельняшке под пиджаком, узнал он издали брата. Тот привязывал козу ко вбитому в землю колу. Коза, под стать хозяйке Фекле, металась по сторонам, орала, а Иван возился с ошейником и веревкой, пыхтел и то бранил козу матерно, то вкрадчиво называл ее Зоренькой, кормилицей... И когда привязал, весело вскрикнул:

— Гуляй! Ельцинская корова!

Осип Кузьмич стоял возле двора и наблюдал за братом и козой. Брат подошел, поздоровался, сели на свежую зеленую отаву. Иван Кузьмич минуту-другую глядел на брата ласково и подслепо. Сено против дороги нацедило пыли, Иван чихнул и спросил:

— Чтой-то на тебе лица нет, братуха, ай заболел со вчерашней медовухи?

— Кой там с медовухи, — отвечал Осип Кузьмич. — Не болею я с медовухи. Что там медовуха, сладкая вода...

— А я ведь с пасеки на утре притащился, солнышко восходило.

— Я не слыхал, — говорил Осип, — я бы тебя проводил. Попили бы и ныне медовухи вдосталь. Мне ее не жаль. Пчеловод дал отходы.

— Нет уж, хватит жрать твою медовуху. Голова трещит, в горле горько, как табаку нажрался, утром сорвало. Давай-ка закурим, мне как-то не по себе, сердчишко екает, щемит, а таблетки не помогают...

— Да ты скажи, не таись, ай что случилось? — приставал Иван к брату, и вдруг гаркнул так неожиданно громко, что Осип вздрогнул:

— С-стой, курва, стой, ельцинская корова! Куда полезла, развалила всю копну!

Грязно-белая коза и ухом не повела, тянулась, упорно прыгала на копешку, рылась мордой и ногами в свежей сухой копне, не хотела щипать отаву. Иван Кузьмич тяжело встал, треща суставами ног, подошел к колу, грубо потянул за веревку и привязал, перецепил к вишеннику, подалее от копны.

— Поганая скотина, — ругался Иван Кузьмич на козу, вновь усаживаясь на отаву рядом с братом, — сама не знает, чего ей сожрать. Под ногами свежая трава, цветошник, — нет, дай на копну залезу, авось слаще... Их недавно у нас завели, коз-то. Чтобы выжить. Кто в силах да помоложе, не заводят, брезгают, козлом воняет от молока. Это моя из Бирюковки привела. Триста рублей...

— А я не пью козье молоко, не люблю. Понос прошибает, — сняв с головы кепку и поглаживая плешь, говорил Осип Кузьмич, — козу держу, а молоко старуха пьет да внучата.

Коза улеглась, глаз не сводила с бывших военнопленных, как будто знала, перебирала в памяти все передряги, выпавшие на их долю в жизни, все мытарства — и дома, и в плену.. Жабы кряхтели в озерце, кроткое недалекое облачко лежало на тополе под солнцем. Братья уселись под яблоней на солнышке, поглядывали на громаду облаков, наползавшую с юга: наносило ветерком.

Вдруг у соседа в огороде резко затрещал трактор. Молодой мужик, заглушив мотор, вылез из кабины и, морщась от синего дыма солярки, с грохотом отворил задний борт тележки, начал бегом таскать мешки к себе во двор, сбрасывать.

— Вот времена-то настали, — обернувшись на трактор, и не спуская глаз с соседа, говорил Иван Кузьмич, — прямо лафа наступила всем наглцам и ворам. Теперь два класса: дураки да воры. Ты глянь-ка, уборочная наступила, в самом разгаре, а он днем, принародно, каждый день в обед привозит домой зерно. И не боится. Никого. Ворует по-черному.

— А кого ему бояться, — тоже повернувшись, искоса наблюдая за вороватым смельчаком-соседом, отвечал Осип Кузьмич, — энкеведе, что ль, ему бояться? Или, может быть, Сталина? Их нет. А те, кто вместо них — теперь сами воруют, берут и рублем и долларом. Ты же смотрел телевизор — этот опять заболел, «принимает в ЦКБ»... Воровство, взятки, проституция... Когда он только содохнет, этот Статуй.

— Эх-хе-хе... Расташат всю Россию-матушку.

— Да и при Сталине воровали, — резко и зло напомнил Иван, — не так много, но воровали. Только не нагтели... Вот сколько я наблюдаю, возит он на тракторе, Генка, пшеницу ли, гречку, а осенью — картошку, свеклу, все везет, все годится. Сверху накроет чем-нибудь, и — вперед, домой. У него своей скотины видимо-невидимо. Скоро пойдут торги мясом, птицей. И яйца возит на рынок. Две машины у него: «Фольксваген» — из Чечни пригнал, другая, крытая, тоже иномарка. Да что там! Какие хоромы поставил, дворец, не дом. В райцентре зятю и дочери особняк возвел, с двумя гаражами, с плавательным бассейном. Меня все самогоном потчует, стратегия у него такая, что ли... Чтобы, значит, помалкивал, а я не пью с ним, ну его совсем. Темный он какой-то, Генка Гундосый. И взгляд такой, двинет — и смерть, если что не по нем. Или прирежет...

— Да знаю я его как облупленного, — проговорил Осип, горько усмехаясь.

Вдруг как из-под земли появился Генка, здоровый, сухощавый, с мощными руками и скулами, с военной выправкой бывшего десантника. Он и впрямь оправдывал свою кличку, потому что говорил в нос, как бы в хобот. Подошел сзади, за треском мотора старики не слышали его шагов. Услышали голос поздно.

— Здорово, Геннадий Васильич, — как бы заискивая, сказал Осип.

— Здравее видал, — по-доброму ухмыляясь и хлопая кепкой об ладонь, в облаке мучной пыли, отвечал бывший десантник. — А хорошо вы устроились тут. Как ужи греетесь на солнышке, коза... Ха-ха-ха, идиллия. Похоже, и про себя самих забыли, а? Иван Кузьмич? Головка-то бобо? Денежки — тютю, а? Реа-би-ли-тированные?

— А ты откуда знаешь-то? Про мою головушку-то? — удивился Иван Кузьмич, тараща глаза на соседа.

— Дело соседское, как не знать... — нехотя, оглядываясь, гундосил Генка, — видал тебя утром, откуда-то шел. Со стороны леса, огородами, не с пасеки ли? — Генка подмигнул Осипу. — Ладно, это я так, к слову. Мне-то недосуг, а вам вот, похмелитесь.

Генка вытащил из кармана военных штанов бутылку и протянул Ивану Кузьмичу.

— Это за что же, за какие заслуги? — спросил Иван Кузьмич, усмехаясь.

— Ладно. «За что, за что»... Бери, когда дают, и не гляди, когда берут. А то ты все смо-отришь... Чего ты все смотришь, следишь, что ли? — подмигнул Генка.

— Нет, не возьму. Свое мы выпили, Гена. Да и не пью я на халяву.

Гундосый дернул усами, взглянул на часы и на братьев. Закуривая, пробубнил напористо:

— Возьмете. Я вот тут поставлю на травке, за сено. Чтобы Фекла не увидела. А вы — хоть пейте, хоть не пейте, дело ваше. Мне некогда тут с вами ля-ля разводить. А с Осипом вечером увидимся. Словом, ни меня, ни трактора — не было. А проболтаетесь — пожалеете. Ну, пока, пленные-военные, деды Кузьмичи!

И Генка уехал на тракторе так же, как и приехал, огородами. Братья повертели бутылку водки в руках, почитали, что написано на наклейке: «Водка русская. Особая». Осип глядел на Ивана, Иван — на Осипа. Головы болели с медовухи, было жарко, даже и в тени под яблоней душно, точно перед грозой. Громада облаков накрыла село, закурились, занавесились дали.

— Купил... Вот гад, ворюга, — как-то вдруг заволновавшись, с расширенными глазами, молвил Осип. — Примерно так же вот он и покупает: кого за деньги, кого за водку. А кому и живность отвезет. Поросенка, возил третьего дня, продал. Погрузил — и вперед.

— Взятка, верно. Кому-нибудь, что же еще?

— Поросенок визжал. В иномарке крытой...

— А баба у него в совхозной конторе бухгалтером. Тоже не промах, — говорил Осип. — Ты же сам знаешь, Иван, каждую весну нанимали по ее наводке чечен в пастухи. У нас в деревне рязанский скот пасти. А то ведь своих пастухов нету... И платили им, чеченам, ломовую деньгу по осени. Все лето жили тут, занимали избы самозахватом, семьями. Прямо это... Родня нам стали.

Обида особая была на чечен. Деревня голодала, а чечены-пастухи ели мясо отборных телят, пили молоко. А как они пасли! Выгонят в восемь на совхозный овес или клевер... С обеда на стойле держали часов до пяти вечера. Привезут на тракторе силос, корм, накачают антибиотиками, чтобы привес был. С привеса платили и чеченам, и Гене, и жене Гены...

— Ходили к ним на поклон, молоко покупать, да еще спасибо говорили.

Иван вновь повертел бутылку водки, заигравшую лучом, встряхнул, полюбовался. Потом поставил на траву, чтобы ненароком не увидела Фекла.

— Купить хочет. А я не продаюсь...

— Да погоди ты, с бутылкой-то, — вспомнил Осип Кузьмич. — А ведь тут и впрямь что-то нечисто. Сговор чеченцев с нашим совхозным начальством, что ли? Чеченцы бьют здоровых нетелей, сами жрут и на базар везут — это что, случайно? А сбой, потроха, голову, ноги продавали нашим деревенским. Бросали, как собакам, по дешевке, ведь какие богачи. Я разок помогал им разделявать молодую корову, они сказали: ногу сломала. Чеченец продал мне весь сбой: сердце, печень, словом, все — по одиннадцать за кило. Я удивился, а чеченец оскалился, зубы как у жеребца, объясняет мне, что по вере сбой они не жрут, грех. Только чистое мясо. Им грех, а нам — не грех.

— Да ввали они, — перебил брата Иван, — «грех» им. Это, выходит, и дома они так раскидались?

— Выходит, что так, — отвечал Иван, — да еще и здоровых коров. Они доили уже нетелей-то. Я раз шел мимо стада — они случали нетелей, привес повышали. Ну, хозяйничают, как у себя дома. Вот тебе на — думаю...

— Постой, — перебил Осип Ивана, — когда они перестали заниматься-то, чеченцы-то? Когда уже кончилась война с ними?

— Кажись, так... — Осип нервно почесал под рубахой. — А наших совхозное начальство не принимало в пастухи, чеченцы им милее. Похоже, купили их. Все начальство, с потрохами...

— Со сбоем, с требухой! — захохотал Осип. Он опять залюбовался солнцем через бутылку: разговоры разговорами, а душа горела «принять», успокоиться.

Иван вдруг взял бутылку из рук брата, и так хватил ею с размаху о ствол яблони, что пол-литра хлопнула и брызнула мелкими осколками.

У Осипа дыхание занялось:

— Эй... Ты чего наделал-то? Ну, зачем разбил? Дурак ты, дурак. Выпили бы, легче стало. Теперь томись... Ну, чего раздухарился, развыегивался, чего доказываешь, кому?

— Нет уж, братка, не купит он нас! Нас немцы не купили, а эти — и подавно... Мы, хоть и пленные, а не продаемся. Купим свою, не горюй. Ты плохо знаешь этого Генку, а я — знаю. Он не забудет свою бутылку, нет...

— Да он же не узнает, выпили мы бутылку или ты разбил...

— Пусть совесть наша знает. Не купишь! Все, понял? Я этого Гену насквозь вижу. Смотри, огород какой, гектар с

гаком будет, огородил колючкой. Сад, глянь... Дом — не дом, дворец. Что он, заработал? Не жалко земли — управы нет...

Не любил он соседа, не жили они мирно и с его отцом покойным...

— Ты сядь-ка, сядь, чего ты-то руками размахиваешь, раздухарился, как тетерев на току. Ну, разбил и разбил. Плевать, потерпим. Пойдем ко мне на пасеку. Медовуха еще есть... — Осип встал, хотел идти.

— Сиди тут, а я мигом до лавки добегу, купим свою, — Иван ушел скорым шагом, а Осип все смотрел на Генкин сад и огород, двор, кирпичный дом, рядом — гараж, на отлете — баня, тоже из красного кирпича... Скрипнули ворота, вышла мать Генки, и, приложив ладонь к глазам, спросила:

— Никак ты, Осип Кузьмич?

— Он самый...

— А чего ты тут сидишь-то? Караулишь чего?

— Козу караулю! А чего тебе?

— Да ничего. Думала, кто чужой. Боюсь. Одна дома сижу, мало ли что, дело бабье. Боязно ноне одной, от лихих людей боязно.

— А ты не боись: самый лихой человек — твой Геня. А он уехал на тракторе, ты же знаешь, что уехал.

Между тем Иван возвращался из лавки. Издали он увидел соседку Акулину. Зимой, когда злой студеный ветер дул с севера, Иван говорил: «С Акулининой стороны ветер, надо печку получше протопить...» Или: «От злой бабы ветер подул...» Если Акулина стояла у колодца, Иван не шел за водой, ждал, когда Акулина наберет воды и уйдет. Иван подошел, снял пиджак и как бы только тут увидел Акулину, стоящую на меже за колючей проволокой.

— Ты чего, Акулина, ай потеряла чего? Ай за нами подглядываешь? — гаркнул Иван соседке, наперед зная, что та за словом в карман не полезет.

— Потеряла? Чем ширяла! Придет вечер — ширнуть нечем, — пропела Акулина, уходя с огорода и закрывая за собой металлические ворота.

Иван взглядом проводил Акулину, засмеялся, показывая шербаты рот.

— Это не к добру, а? Осип? — сказал, вынимая пол-литра осетинской «Русской» из кармана порток. — Я как увижу ближе ста метров Акулину — быть беде. Не раз замечал я и тебе уже говорил...

— Да будя буровить-то, — вскипел Осип. — Ты как баба плохая, «дурной глаз», «колдунья», «злой ветер от Акулины»... Бутылку расшиб... стакан-то принес, зажевать что-нито?.. Принес али нет?

— Сейчас, козу отведу в хлев. Хозяйке доложу, пусть доит.

Коза дремала возле кола. Иван отвязал козу и хотел было вести, как вдруг зычный голос Феклы приковал его к месту. Она словно выросла из-под земли, прямо возле братьев, с подойником в руке.

— Ах вы, босяки окаянные! Схлестнулись опять, пленные доходяги. Ну, чего собрались-то? Опять чего-нибудь сгоношили? Соображаете?

— Мы чего... Мы ничего. Сидим, толкуем... — Иван, как школьник, виновато оправдывался, прятал сулею. Сунул ее в карман на всякий случай.

Фекла на коленях доила Зорьку, ругалась — то на пленных, то на козу, хватавшую из-под ног отаву:

— Да стой ты, ельцинская корова, стой, тебе говорю! И зачем только я тебя купила, чертова скотина...

Вдруг в конце дойки коза дернулась, задела ногой подойник, молоко вытекло. Фекла обомлела да накинулась сгоряча не на козу, а на братьев: доходяги, босяки, бродяги. Потом пустым подойником принялась лупить козу.

— Пойдем от греха, — толкая локтем брата, шепнул на ухо Осип. — Не ровен час, отлупит нас Фекла твоя ни за что ни про что. Пойдем скорее ко мне в сторожку, там выпьем. Хотел я стамеску у тебя взять, — теперь шут с ней, со стамеской...

— Да что уж ты трус-то такой, Оська? Прямо как в плену, весь дрожишь... Чего ты, в энкеведе, что ли?

— Здравья нет. Будто кровь из меня выцедили. Да и Фекла твоя страшнее эсэсовца, хуже энкеведе. Даве так меня отчитала, не приведи Бог... Пойдем, прошу...

Братья вошли в избу Ивана, старший долго искал стамеску, и только что нашел, как в избу ввалилась Фекла, злая и раскрасневшаяся. Иван со стамеской так и замер против жены.

— Ну, чего, может, ударишь? Давай, давай, голоштаный черт. Ударь только, я тебя живо определю, я тебе найду место... Стамеску он сжал. Чего ты стамеску-то схватил? Босяк окаянный, голь перекатная. Посмотрел бы ты лучше, как сосед твой живет. Тракторами возит днем и ночью. А ты — таракан. Ты и брат твой. Вся ваша порода — неудачники чертовы, тьфу!

— Ты замолчишь, Фекла? Постыдись брата, не то я тебя вздую.

Фекла растворила окно, раскинула створки, заорала дурным голосом:

— Караул, убивают! Помогите кто-нибудь!

Осип вцепился в рукав брату, вытащил на улицу. Перед окнами стали собираться стар и мал, Фекла орала, как очу-

мелая. Братья, переглянувшись, ни слова не говоря, не оглядываясь, друг за дружкой скорым шагом зашпешили на пасеку, в сторожку. Шли молча. Жизнь тревожила. Полосатая, как пашня... Выглянет солнце — побегит полоса света, догонит братьев, и тут же догонит их и тень, принесет ветер, зачернеет. И так снова и снова — день-деньской переливы такие... Солнце спряталось за тучи, подул сильный ветер, поднимая пыль. Братья прошли огородами, узкой тропой, потом молодым березовым лесом. Гулко, весело стучали топорами в лесу, рубили.

— Ишь, стригут... Лесника не боятся.

— Лихо валят, — прислушался Иван. — Срубы, поди-ка, стаскивают, пристраивают.

— А и мы, брат, строились навек. Жизнь коротка, не завидуй...

— Да что ж, уже и балки и овраги выворачивают, в город вывозят. Пьют тут же... Прямо это... Поминки по деревне празднуют. Вот и возьми их...

— Строятся теперь только в городе, туда и везут. Да так строят, как бы и не помирать. Раньше тут бор был, а теперь гляди — солнышко играет. Выйдешь, глянешь — пустыня...

Деревья качались, слева наплывала черная туча. Покатился, загремел гром, словно побежали по железной крыше. По листьям зашлепали редкие крупные капли дождя.

— Стой, остановись, — осадил брата Осип, прерывисто отдыхаясь и усаживаясь на пенек, поросший мхом. — Не могу больше. Чтой-то мне не по себе. И домой я не зашел из-за твоей Феклы. Может, ко мне пойдём? Моя-то старуха помягче будет, чай, не выгонит из дому..

— Теперь уж и до сторожки рукой подать, может, там и заночуем. В сторожке — милое дело. Прошлую ночь я спал как младенец. Дома от Феклы покоя нет ни днем, ни ночью.

— Да уж, не позавидуешь, — тяжело дыша, подтвердил Осип. — Не баба, а зверь лесной. Ох и люта. И как ты нашел ее, не помню. А ведь молодая была — слова не вытащишь, бывало. Все молчит, молчит...

— А как дети пошли — она все хуже, злее... — жаловался Иван, — как будто накатывало на нее. Стыдно говорить тебе, брату, дело прошлое. Получил я повестку на фронт, выпили с горя с друзьями. Являюсь домой — скандал. Шире-дале, я ей про повестку, а она мне: «Заберут — первая же пуля тебе в лоб!»

— Да что ты? — Осип даже остановился. — Помогай тебе Бог!

— Старое, и не надо бы ворошить. Столько лет прошло, а все помнится. Я тебе первому выболтал, брату. В последнее

время ослаб и я. А слабым — горе. Фекла видит, чувствует мою слабость, озорует...

— Да-а, слабые мы с тобой стали, братуха. Жизнь измотала, война, плен немецкий, голод, налоги. Казалось бы, бояться нечего, все позади. А я в сторожке ночевать боюсь. Как-то жутко, веришь? Хотя и с собакой, и с ружьем. Бывает, прикорну на лежанке, ночь хоть глаза коли, ничего не увидишь; вдруг почудится что-нибудь этакое, весь задрожешь, замрешь от страха, все воры чуются.

— Люди лихие, времена окаянные...

Раскаты грома глухо раздавались, как медведь в берлоге ворочались, переваливались. В темном небе засинило грязной темной синькой, и сквозь водяную сетку вмиг не стало видно ни пасеки, ни сторожки. Дождь небесный плотно окутал мелколесье: ни зги, ни куста, ни жилья. Пегие кусты закрыла водяная метель. Осип свернул на лесную тропу, Иван тащился сзади в двух шагах.

Открылась сторожка, напротив амбар под замком, завалившийся набок. Забрехала собака в сенцах, загремела цепью. С крыши сторожки ручьями лилась вода, дождь широкошумно гудел по листве деревьев, а в сторожке пахло собакой, свежим сеном и клопами. Братья вымокли до нитки, по очереди мыли ноги над тазом.

Дрожа от холода, Осип сел на запятки, растопил печь, повесил пиджак Ивана и свой перед печью на веревку. На стол он выставил бутылку. С полочки над столом достал буханку хлеба, банку с селедкой, завернутую в целлофан. Тотчас, неизвестно откуда, появился рой мух. Мухи садились на хлебные корки, на селедку — убогий обед. Осип открыл окно, начал выгонять их полотенцем.

— Ну, братуха, будем греться? Тут нас ругать некому. Разве что пчеловод приедет. Да навряд ли приедет теперь, в такой дождик...

Уселись плотно, Иван ножом подрезал золотую косыночку — пробку на горлышке, и лишь только распечатали родимую, как тут забрехала собака и показался трактор. Из кабины вылезли Гена и пчеловод.

— Ну и денек, — заворчал Осип, глядя в окно и пряча бутылку под стол, в шкафчик. — Прямо, это... Наваждение какое-то. Иван, лезь под нары скорее, сюда пчеловод идет.

— И чего прятаться, ай мы воруем? — залезая под нары, ворчал Иван. — Нигде нет покоя...

— Молчи. Не видит — не бредит. Тебе тут быть не положено, прижухнись, не вякай.

Осип задернул занавеску, пчеловод зашел в сторожку, стряхнул морскую фуражку, спросил Осипа:

— Сюда директор не заезжал?

— Нет, не заезжал, — ответил Осип.

— А участковый милиционер?

— Не видал. А что случилось? — Осип наострил уши, покосился на зашторенную занавеску. Нижний край ее зашевелился.

— Если придут, скажи им, что я дома. Жду их в гости. Нынче у сына день рождения, я их с утра жду, а их все нет.

— Ладно, так и скажу.

Пчеловод вышел и прошагал под окнами под дождем к амбару, отомкнул замок и позвал Генку. Они вытащили тяжелую флягу, поднатужились, пыхтя, и поставили ее в тракторную тележку. Осип глядел в окно, дивился:

— И тут воруют! Иван, а Иван, посмотри-ка...

Иван, кряхтя и охая, вылез из-под нар, робко зашептал:

— Потасили. Совхозный медок... Полная, видно, фляга-то, ишь как гнет их по сторонам. А этот, Геня, с утра сюда и совхозное зерно... Успел. Везде успевает. Ну и ухарь!

— А мой начальник, пчеловод-то, — перебил брата Осип, — второй раз мед качал с неделю тому назад. А мне, знаешь, что дал? Остатки из медогона. Я из ополосков медовуху совастожил. Хапает, а мне — кукиш. Попробуй, учти его. У него дома — десять ульев, отсюда отроилось. Мед продает налево совхозный, а схвати его за руку: мой! Нажился на чужбинку, дом — полная чаша... Гостей ждет, сам сказал. Теперь всю ночь попойка будет, благо — суббота...

— Давай-ка, давай... Душа горит, — нетерпеливо задержал, заторопил Иван. — Прямо это, дрожь по телу, наливай, Ося, не томи.

— А вдруг директор с участковым явятся, — поглядывая в окно, сказал Осип, — опять тебе прятаться придется.

— Не явятся, пропади они пропадом. Директор в такую погоду не поедет, ему привезут эти двое, пчеловод да Геня-тракторист. А завтра или чуть позже медок перекочет в райцентр и в губернии появится, — разливая водку по стаканам, рассуждал Иван.

— Ну, понесло тебя, Ваня, далеко-далече... А впрочем, так оно и будет. Уже не одна фляга ушла, а куда? Вьется ниточка, будет ли конец? Ты посмотри, что творится-то, — хмелея, жалким голосом говорил Иван. — По радио каждый день: мафия, воры крупные, лезут вверх, в Думу, в чиновники. Что же это будет, а? Прямо это... Жить страшно. Ты же сам видишь ноне воров. А кто ими заправляет? Кто? Вон кто... — поднял палец вверх Иван.

— Да вот и говорил тебе не раз, — чувствуя, как водка мягко тронула виски, жалостливо тянул Осип, — говорил тебе:

горло перережут или сожгут заживо. По горлу — и в болото отташат. Лес хоть и вырубил наполовину, а кто только тут не шляется. К ульям подходят, делают вид, что грибы ищут, а что у них на уме? Недели две тому назад встал с солнышком, собака забрехала. Брешет и брешет, и все злее. Ветер дул сильный, порывистый. Ну, думаю себе, гости пожаловали нежданные, пчеловод так рано не приходит. Вышел я с ружьем, ружьецо поганое, только сорок пугать. Обошел кругом — шорох. Пальнул вверх, а собаку так и раздирает, так и рвется в кусты. Пчелы выются вокруг ульев, высоко не поднимаются, ветер... А возле ульев — прямо роём, роём. «А может, роятся?» — подумал я. Пришел пчеловод и сразу к ульям. Я ему: «Пчелы роятся». А он заматерился: «Дурак, — говорит, — они давно отроились, такой ты, сякой... Три улья обчистили, самые хорошие, самые жирные...» Так и затрясло меня: что же теперь будет? Он смеется мне в лицо, шерится, трубку посасывает...

— По морде бы ему этой трубкой... И что?

— А ничего. Говорит — спишем. В конторе у него кто-то есть. «Ты, — мне говорит, — сам помалкивай, никому ни гу-гу, а разболтаешь — обоим платить. Тебе и мне, понял?»

Осип рассказывал, переживал заново. Весь монолог сводился к одному: жутко, страшно. Не только в сторожке, но и по всей России. Радио лучше не слушать, телевизор не смотреть: всюду воровство, грабеж, убийства... — Большой мир.

Иван положил голову на ладони, задремал по слабости под мерный шепот дождя. За окном — то дождь, то солнце. Светит жидко, как осенью. Земля тошная, развернулась ковром поляна с цветошником. После дождя у жизни опять свои планы, свои намерения... В печи потрескивали дрова, приятное тепло отавы стало согрывать Кузьмичей, Ивана и Осипа. Оба они как бы сникли, постарели, усохли от тревог, от дождя, от сумерек. Осип все поглядывал в окошко, но начальство не ехало, и можно было без опаски допить бутылку водки, а заодно и медовухи — браги, розовой, с аппетитно плавающими в ней корками хлеба, для крепости. Осип отгонял ос от бутылки.

— Страшно, страшно... Я свою Феклу временами боюсь. Бывает, налетит со сковородником, того и гляди вздует. Да все горлом берет, с гонором: «Хоть я негодяйка, а в доме хозяйка!»

Осип встряхнулся, засмеялся:

— Да уж твоя Фекла — чудо из чудес... Сокровище — то еще. Шестьдесят лет, а хоть выжми. Даве на меня напустилась, я и не рад, что зашел. Ты чего, Иван, спишь что ли, али

дремешь? Допьем остатки — и на боковую. А не захочешь ночевать — домой провожу.

Иван поднял голову, разлепил глаза, встал. Хотел было выйти. Кобель во дворе забрехал так ярко и громко, что Иван отпрянул назад к столу. Осип осадил кобеля; крыльцо было скользкое, как намащенное, дождь лил и лил. Иван и призадумался: пора бы и возвращаться домой, но как идти в такой дождик. Посмотрел вверх — нет как нет просвета, а уж стало смеркаться, да и щемило идти к сварливой жене, угадывалось, что ждало его дома...

Осип как будто слышал думы Ивана, повел брата в столожку, словом-уговором усадил за стол. Из сеней притащил бочонок с остатками медовухи, угощал, цедил через марлю...

— Заночуй и эту ночь, — уговаривал, — а завтра вместе пойдем. Вот огурчики пожуй. Я тебе и медку наберу со стаканчик, по сусекам поскребу... Эх, ма... Раньше были времена, а теперь моменты. Кто что охраняет — тот то и имеет. А мы с тобой в ту войну что охраняли? Родину. И что теперь имеем? Хрен с маслом...

— Не до меда мне, а так скверно на душе — хоть волком вой.

— Ну, чего уж ты так-то... На, попей, враз полегчает. А может, за бутылкой сбежать, я мигом. Я дождя не боюсь, есть и плащ с накидкой, ну что?

— Нет, не ходи, выпили же одну, хватит. Да и при деле ты, мало ли что случится...

Осип запалил висячую керосинку — допотопную лампу. Иван сидел за столом, временами гонял клопов, давил их, приговаривая:

— Что, они у тебя тут железные, что ли?

— Они на тепло и свет ползут, — смеялся Осип. — Я их тут и кипятком шпарю, и порошками травлю — никакая лихomanка их не берет, спасу нет. Правда как железные. Картохи в мундире сварились, сейчас мы их с огурцами и селедочкой... Ничего, братуха, живы будем — не помрем! Вот клопы не дадут нам покою ночью. Сейчас поужинаем — и на боковую. Утром домой пойдем, с Феклой твоей мириться будем.

Осип поставил на стол чугунок с картошками, Иван, обжигаясь, облупил иззелена-лубяные корнеплоды. Керосиновая лампа гнала кудель копоти и светила слабым светом. Фитиль нагорел, и внутри что-то сипело, трещало. От картошки валил пар; в сторожке стало как в тумане. Часы-ходики стучали неровно, хромали, забегали вперед, наводили тоску. Иван, зевая, закурил крепкий вонючий самосад. Осип предложил ему сигареты вместо табаку, Иван отказался, говоря:

— Кури, кури... Своего табачку всегда с одного бочку. Помнишь, как в плену эрзац смолили? По затяжке на нос?

— А я вот чищу эту самую картошку, — рассказывал Иван тихим протуженным голосом, — и вспоминается плен, неметчина. Крахмальный завод немецкий, обер-мастер с усами, как у Гитлера на фотографии. Вот этот обер-мастер временами раздобрится, оглянется, если охраны нет рядом, даст сигаретку. А сам все шевелит усами, как кот от сметаны. А еще, бывало, и картошек даст, тоже украдкой, и тут же замашет рукой, мол, уходите и сожрите где-нибудь, чтобы никто не видел... Ты чего, Осип? Плачешь?

— Нет, не плачу. Говори, я слушаю. И свою неметчину вспоминаю. Как сырую брюкву прямо в поле ели украдкой... Нас гоняли частенько к каким-то богатым немцам, по-нашему — помещикам. Хозяин, толстый, как брюхатая баба, пузо — слоями, выходил из дому, лопотал по-немецки, и все на нас: «Швайн, швайн... Рюс — рюсланд...» И хохочет. Рюсланд по-немецки — конь, а швайн — свинья. Игра слов такая... И мать его рыжая, сухоногая, дерзкая. Все выходила с кобелем, и когда охрана была далеко, выносила что-нибудь поесть. По-русски кое-как говорила, кто-то жил у нее в России, отец, что ли, шут ее знает... Раз мы попросили попить, старуха долго не могла сообразить. Потом вынесла нам на троих хлеб-пушник и еще что-то вроде вина, белое, как молоко пополам с водой, кисленькое. А на вкус напоминает медовуху, запах такой приятный.

— Иди ты! — удивился Иван. — Это, верно, в конце войны. Они стали подороже, а рабочие ихние, кто на крахмале работали, где почище, те повторяли: «Хитлер капут!..»

— А полицаи к концу войны совсем озверели, хуже эсэсовцев. Особенно бандеровцы. Даже немцы их остепеняли, мал-мал осаживали. Удивлялись их зверствам. — Осип расстегнул ворот рубахи, глянул в окно, дождь лил не переставая. — Эх, братуха, что и говорить. И что мы все про плен да про плен. Бог с ним, со всем-то. Души из нас в плену вытащили, выцедили, и теперь вот, как зайцы, всего боимся. Ты слышал, что лесничего обокрали?

— Когда? — Иван поднял густые, все еще черные брови. — Нет, не слышал.

— Заперли дом снаружи, перерезали овец. И корову свели со двора. Дня три назад, мне грибники рассказывали.

— Ну и заяц ты, Осип, правда, заяц! Лесничий-то живет на краю леса, в десяти верстах от твоей сторожки, а ты от страха уже и готов, и лапотцы откинул. Не бойсь, прорвемся, чего ты все: «жутко, страшно...» Чем так переживать, тряс-

тись, брось ты эту сторожку. Чего не хватает тебе, картошки? Твоей и Дуськиной пенсии? Сладко жить захотел?

— Иван, Иван, — вздыхал Осип. — Ведь я тут еще и бондарем подрабатываю, ты же знаешь. А лес — вот он лес. С лесничим — большие друзья. Как-то зашел он ко мне на пчельник, угостил я его, выпили. Он мне три бочки заказал. Он мне, лесничий-то, выпимши и сказал по секрету, мол, срежешь дуб. И пенек замазывай травкой, мхом, а лучше — дерном закидывай. Чтобы егерю или объездчику на глаза свежие пни не попадались...

— Ха-ха-а! Все воруют! Выходит, и ты, Оська, воруешь?!

— Что ты, — обиделся Осип. — Очумел от медовухи. Нынче вон как стригли бензопилой-то, слышал? Если так считать, то и ты, Ваня, тоже мимо рта не пронесешь, сам рассказывал про овес...

— Ну-у, понес ахинею. И меня приплел. Я мешок от комбайна привез, и не на халяву, как некоторые, а комбайнеру бутылку поставил. Мне кур кормить нечем. Тебе по секрету сказал, а ты уж с попреками лезешь. Брат называется. Чего ты меня-то приплел?

— Ну, все, чок-молчок, язык на крючок. Кто забает-заговорит, тому в лоб шелчок.

Скинув нога об ногу сапоги, Иван влез на нары. Укладывался, шурша свежим сеном в сеннике.

— Чу-ка, чу! — затряс вдруг Осип пальцем правой руки, хотя Иван и не говорил ни слова, только кряхтел да трещал суставами, боролся с непослушным одеялом.

— Чу-ка, — повторил Осип. — Никак замок амбарный шелкнул?!

— А чего там, в амбаре-то? — шептал Иван. — Чего там красть-то?

Осип подобрался к окну. За окном было темно, как в берлоге. Собака забрехала, надо было идти, проверять амбарные замки.

— В амбаре фляги с медом, всякие вошины, рамки, принадлежности по пчеловодству. Да мало ли чего, а ты уже и залег, — ворчал Осип. — Вдвоем-то сподручней. А мне хоть с собакой, а жутко. Хоть бы фонарем осветил, целы ли ульи?

— Ай встать? — Иван поднялся с нар, свесив босые ноги, почесал спину: — Ай встать?

— Да теперь уж лежи, раз лег. Один схожу. Господи, темень-то, глаз коли. А дождь все не унимается. Чу-ка, никак опять что-то стукнуло?

Спущенный кобель Барин загремел цепью, кинулся в ночь, как в яму. Осип обошел сначала амбары, пуньку, потом по-

светил фонарем на улы, — все как будто было на месте, и замки невредимо висели.

Иван лежал навзничь, лицом вверх, сложив руки на груди, как мертвый.

— Спишь, Ваня? — расправляясь с сапогами, стаскивая их, спросил Осип.

— Нет, так, дремлю, — отозвался Иван. — Я вот лежу и думаю: что за жизнь такая, всю жизнь боялся, рабское я существо. Из одного плена в другой попадаю. Даве посмотрел на тебя, когда ты выходил: боишься, ноги у тебя дрожат...

— Это не ноги, портки трясутся от ветра, это тебе показалось...

— А и затрясутся, не миновать. Пуганая ворона куста боится, пережили всякое, подсчитать: коллективизацию, раскулачивание, голодухи тридцать третьего года, войну, плен, допросы энкеведе. А и сейчас не лучше: те же портки наизнанку — закулачивание, воровство. И опять со страхом, с кровью. На десять обычных жизней хватит... Утром встану, помолюсь: слава тебе, Господи, жив. Ну, чево, тушить лампу или увернуть чуточку?

— Уверни, а то вдруг прижмет с медовухи-то. Бунтует что-то в животе, ноет... И будем друг за дружкой бегать, улы смотреть.

— Не встаю я к улям среди ночи, — говорил Осип. — Ну их к лешему. Будь что будет...

Братья задремали, а Иван сквозь сон все возился, чесался. Клопы не давали покоя. Ивану казалось, что клопы, как десантники, прыгают с потолка.

— Это ты с непривычки... Ты лежи спокойно, они так лучше не кусают, — советовал Осип, — глаза закрой и спи, не открывай. И заснешь за милую душу...

Иван не мог заснуть, клопы жгли нещадно. Осип храпел с клекотом в горле, и в этот самый полуночный час пёс возвратился, забрехал, как в бочку. Потом послышался рев мотора грузовой машины; сильные пучки света выхватили из темноты пасеку, амбары, рухлядишко, улы, свет ударил в окна.

Иван еле растолкал брата. Осип вскочил и босиком бросился к ружью. Фары погасли. Мимо окон прошли двое в накидках, потом еще один в куртке, — хрипло заорал, пёс взвизгнул и извелся на лай. Раздался выстрел, потом еще.

— Стреляй, — шепнул Иван, — стреляй, тебе говорю.

Осип выстрелил сквозь стекло дуплетом, и в ту же минуту раздался грохот в сенцах. В сторожку, выбив дверь, ворвались двое в масках, третий, щуплый стоял у дверей в сенцы, прикрывая. Самый высокий, дюжий, с силой толкая их, крикнул гнусаво:

— Лечь! Вяжи их!

Повалили на пол, пнули сапогами. Потом Ивану связали руки за спиной. Рты заткнули кляпами, залепили пластырем.

Потом вновь застучал мотор, потом ломали двери амбара, потом стало тихо. И тихо было долго... Только часы-ходики хромали — отсчитывали время, и братьям казалось, что вот-вот необычно громко крикнут по-немецки, как сорок лет назад:

— Хальт! Хальт!

... Часы торопились, как будто спешили обогнать свое время...

ГОЛУБЫХ КРОВЕЙ

Поздним осенним вечером я возвращался с охоты домой. Было холодно. Дали затянуло непроглядной водяной сеткой. Грязь ошметками отлетала с моих несокрушимых яловых сапог. Слева от меня густая стена хвойного леса с мелким подлеском; справа — пустошь, выбитая скотиной. В лесу работал ветер: сосны гудели, скрипели, качались... Все живое точно вымерло.

Сумерки сгущались, наполнялись темнотой, и все окрест становилось мрачнее и безотрадней. Крупными хлопьями повалил снег. Чувствовалось, что не сегодня завтра ударят морозы, наступит зима.

Меня колотило крупной нутряной дрожью. Окоченели пальцы рук и ног, а до разъезда нужно было тащиться часа два-три. Я решил зайти к товарищу детства, Артамону Нохонову. «Заночую, — решил я, — а утром встану с рассветом и с первой электричкой домой укачу».

Крупный деловой лес сменился непролазным мелколесьем и горелым сушняком. Пахло гарью, перебродившим гнилым листом. Показалась с детства знакомая тропинка с заросшими колеями, еле различимыми следами копыт. Когда-то здесь проходила лесная дорога.

Я свернул на коровий прогон и скоро увидел там, впереди, крыши домов и редкие, как в парной бане, радужные огоньки, — увидел и обрадовался несказанно! Казалось, что я не был здесь целую вечность, невольно прибавил шаг, точно кто-то ждал меня в деревне.

Вот уже кончился чапыжник, трухлявые пни, поросшие метлицей, показался деревянный мост через овраг. И вспомнилось вдруг, как на дне этого оврага, у родниковой звонкой речки пекли с Артамоном картошку на костре, ловили колевой кошелкой пескарей и вьюнов.

Вошел я в деревню и увидел вместо пятого дома с краю заросли густой лебеды и глухой крапивы — все, что осталось от родного дома, сгоревшего в сорок втором в разрыве артиллерийского снаряда. Помню: приехал на побывку с фронта и увидел вместо родного гнезда — прах. Мать тогда жила в примаках у соседней. Я отворил калитку соседского дома, она мыла над бадьей пожелтевшую, бывшую когда-то белой овчины кацавейку... Увидела меня, охнула, прижала руки к груди, отступила на шаг, потом кинулась ко мне: «Гена!» — «Мама!»... Все это так живо встало в памяти, что я невольно остановился. Норовил разглядеть что-то среди полыни, но было уже совсем темно, лишь виднелся мокрый снег и яма вокруг обгоревшего бревна. Я отвернулся, тяжелые чувства сдавили горло. Пошел по деревне, спотыкаясь на колеях. В густом сумраке послышался стук ведра о колодец и женские голоса с тем певучим и акающим говорком, каким до сих пор говорят по российским весям.

Подошел, спросил:

— Где теперь живет Артамон Нохонов?

Женщина в телогрейке показала на высокий дом с коньком и ярко освещенными окнами. Я двинулся вперед не разбирая дороги. До слуха долетело:

— Это чей мужик-то?

— Кто его знает! Ишь, шатает по лесу...

«В родном селе не признали», — с грустью подумалось мне. С трудом перевалил я расквашенную осенними дождями и тракторами дорогу, остановился в нерешительности перед окнами Нохоновых. Захлебываясь от злобы, хрипло забрехала собака, загремела длинной цепью и неожиданно подкатилась мне под ноги, — казалось, разорвала бы в клочки. К счастью, вышел хозяин на крыльцо, крикнул срывающимся альтом: «Отрыжь!»

— Проходи, не бойсь... Он не укусит, смиренный. Так, для острастки брешет, поганец, — Артамон говорил гостеприимно, внимательно приглядываясь и не узнавая меня.

Взойдя на крыльцо, я проговорил, волнуясь:

— Здорово, друг ситцевый!

Он смотрел на меня прищурясь, потом порывисто обнял за плечи. Руки у него были жесткие, мозолистые — прежние, а щеки небритые...

В сенях ярко светила лампочка. Артамон стащил с меня ружье, задубевший от холода и сырости балахон и, увидев привязанного к поясу зайца с запекшийся кровью на шерсти, кинул на него быстрый боковой взгляд.

— Заходи, ужинать будем, — сказал он армейской скороговоркой, поспешая в горницу.

Эта резкая перемена его настроения поразила меня как гром. «Что-то нехорошо посмотрел Артамошка, — подумалось мне, когда я стягивал нога об ногу размокшие сапоги. — То ли не рад, то ли переменялся к старости». В кухне я остановился у печи под полатями. Мокрые брюки оставляли грязные полосы.

— Здравствуйте, Геннадий Ильич! — пропела, подходя ко мне, жена Артамона, ладная, моложавая еще женщина, с высокой прической и крупной грудью. — Сразу и не узнаешь тебя. Так-то на улице встретились бы, да разошлись? Проходи, гость дорогой, садись к столу. Артамон, кинь-ка там из сундука портки сухие.

В горнице было домовито, чисто. Во всем чувствовалась прилежная женская рука. Пахло свежими сосновыми бревнами, мхом и краской. Дарья засыпала меня вопросами, вспоминала прежние годы, смеялась и ухаживала за мной как пришло бы и родной сестре.

— Соловья баснями не кормят, — подмигнул Артамон. — Беги-ка, Дарьюшка, в сельмаг за «блондиночкой». Пригубим по рюмашке, вот и будет хорошо!

— Поспеешь, дай наговориться-то всласть!

— Надо царапнуть по черепушке, дерябнуть, тогда и спрашивать, — шутил Артамон. — Что он тебе на сухую-то рас толкует?

Дарья спорить не горазда, сняла с вешалки сак и ушла.

— Бабы, они бабы и есть, — говорил со смущенной улыбкой Артамон. — Возьми хоть мою: поболтать — хлебом не корми...

Мы курили крепчайший самосад, говорили сдержанно, толково. И Артамон уже не казался мне таким позабытым, строгим, как в начале встречи. Отогрелся я, отошел душой в уютной горнице друга. Мельком взглянул на печку — заметил две детские головенки, выглядывающие из-под цветастой занавески. Артамон перехватил мой взгляд и начал рассказывать с обидой на свою дочь:

— Оба Наташкины, дочери моей... Она, бесстыдница, зад об зад со своим Ванькой и — кто дальше. Сама, халява, хвост морковкой, и в город залилась. И — диво дивное — домой не дозвешься! А позволь спросить, чего она забыла в городе-то? Да у нас в Ольховке летом рай! И лес, и речка, сады при каждом доме... Ребятишки ждут, спрашивают про мать, а что я им скажу? А?

Я из-под руки глянул на своего друга, и жалость забрала: пожелтел, высох... А он тихим, трогательным голосом продолжал:

— И Ванька, мужик Наташкин, как выпимши — ко мне прется. Придет и к ребятам со слезами. Пла-ачет, горюн, рекой разливается. Я, гыртъ, Наташку по гроб жизни не забуду и детишек себе заберу. А куда заберет-то? Ведь порток сам себе не стирает. В доме беспорядок: грязь, хлам, стыд сказать что такое! Вот какие, брат, дела-то... — беспрестанно кашляя и вздыхая, заключил Артамон. — Если так и дальше пойдет, ты, Гена, одного друга не досчитаешься.

Папироса дрожала в его руке, он не мог говорить.

— Тебя?

— Меня!

— А что такое?

— Хвораю ведь я, давно, слышь-ка, хвораю...

— Да ну тебя к богу в рай. Крепче будь!

Хлопнула дверь в сенцах, вошла Дарья и позвала Артамона в кухню. Густо запахло варевом, луком и еще чем-то сложным, острым. Тяжелая люстра, точно большая перевернутая вверх дном тарелка, ярко освещала горницу. В простенке блестя глянцем фотографии в рамках красного дерева, а в переднем углу висела на кнопках картина, напомнившая мне детство: дети стоят у костра и варят картошку в щербатом чугунике. Рядом с костром куча хвороста. Малиновое пламя озаряет лица, ситцевые рубашонки, босые ноги, утопающие в мураве. От этой лубочной картины, намалеванной когда-то Артамоном, повеяло чем-то близким и до боли родным. Напротив, у окон, грузной горкой распласталась деревянная кровать, убранная со вкусом, — так и хотелось тотчас, не ужиная, развалиться на ней. Над кроватью — ковер кирпично-красных и зеленых шерстей... И я подумал, что Артамон живет в общем-то хорошо, крепко живет. Так в чем же дело? Только ли в дочери?

Стало скучно сидеть одному в горнице. Дарья и Артамон торопились, готовили ужин. Тут я вспомнил о зайце, убитом на охоте, и решил освежевать его. Вышел в сенцы, привязал лапки к решетнику и довольно долго снимал шкурку, старательно подрезая тонкие белые спленки. Потом единым махом распустил брюшко повдоль, и лиловые кишки влажно заблестели под лампочкой. Молодой заяц оказался на редкость жирным, сочным. Шкурку я отнес в уголок, сбой сложил в ведро и вошел на кухню с тушкой. Дарья хлопотала у печи, Артамон сидел на лавке и резал на колесики соленые огурцы-корнишоны над большой разлатой тарелкой. С чувством бахвальства, присущим каждому охотнику, я подошел к Артамону, поднес зайца и сказал:

— Глянь-ка, Артамоша, славное жаркое?

Заячья тушка роняла капли крови. Одна упала Артамону на руку. Он медленно отвернулся, побледнел лицом и вдруг кинулся к лохану с помоями, зажав ладонью нос и рот.

— Убери! — его душили рвоты.

Я оторопел. В первую минуту хотел окликнуть Артамона, спросить, что случилось. Понюхал тушку. Заяц как заяц, свежий, ароматный... Дарья, бросив ухват в угол, поспешила ко мне и, вцепившись в рукав, потащила вместе с зайцем в сени. Вытирая мокрой ветошкой кровь с половиц и густо посыпая пол хлоркой, она говорила:

— Извини ты его. Болен он. С самой войны мается... Крови и на дух не переносит...

— Старые раны?

Я ничего не понимал, стоял как вкопанный.

— И раны, и эта самая... арелгия привязалась.

— Аллергия?

— Ну да. И что за зараза такая. До войны и слыхом о ней не слыхивали... Мясного — куска в рот не берет. От одного запаха ломает его, места себе не находит. Дома, считай, и не живет. Все на работе, все на пчельнике, все от мяса спасается. Осень, по селу-то скотину режут, боровков палят.

— Вот оно что! А ребятишки? Неужто и они постятся? — зачем-то спросил я, словно бы извиняясь за свою недавнюю оплошность и все еще не веря.

— Ну-ну... постятся... Зачем... Едим. Вот проводим Артамона на пасеку, соседа позову, баранчика забьем. Ребятам без мяса никак не возможно, растут. Да и сама я страсть люблю щи наваристые!

Все это время она тщательно полоскала кровавую ветошку.

— Так с войны это?

— С войны... Как пришел с госпиталя, и сам мучается, и нам с ним беда...

Дарья все говорила, говорила, вздыхала. Густой запах хлорки першил горло, до слез точил глаза. Я взялся помочь хозяйке, протер чистым рушником вымытые с мылом руки, делая это с особой тщательностью человека виноватого.

Как Дарья ни спешила, как ни старалась она, все же запах свежины успел устояться в сенцах. «Дернула меня нелегкая гостить так неудачно...» — ругал я себя в душе. Брезгливо спрятал руки за спину, точно совершил убийство. Убрав мокрые тряпки и копаясь в ведре со сбоем, Дарья разговаривала громко:

— Хошь верь, а хошь нет, а убитого зайца вижу впервые. Охотников-то, сам знаешь, у нас сроду не бывало. Ведь это баловство одно, весь день лодыря гонять по лесу. А свежинка

хороша! Теперь бы эти отходы почистить, помыть да шей из потрохов сварганить. Эх, и хлебово! Ребятишек — за уши не оттащишь.

— Ох, гибну! Ох... — слышалось из горницы.

— Ну, зайкал, — с сердцем сказала Дарья. — Потерпишь, не впервой. — С этими словами хозяйка поспешила сложить все добро во флягу из-под молока, плотно закрыла и тушку и сбой, вытерла крышку чистой тряпицей.

...А из горницы все продолжался стон. Мы еще раз вымыли руки с мылом и вошли в комнаты. На лавке перед окном, навзничь, лицом вверх лежал Артамон и самыми солеными словами ругал себя и болезнь. Щеки его сделались одутловатыми и белыми, точно плат, глаза запухли — жалко взглянуть. Он лежал и ругался в черта, в бога и в больницу, и когда его отборная брань уже мало-помалу потеряла свой смысл и цену, а слова перестали казаться обидными, вот что услышал я...

— И болезнь-то не как у людей, — стоном стонал Артамон. — Вначале признали подагру, ан нет, не подагра. Прилипчивая, как чума...

— А не лечишься!

— И-и! Не лечишься, что толку!

С печи, хоронясь за занавеской, со страхом и любопытством смотрели на деда внучата. Наконец он отдышался, тяжело встал с лавки, потянулся к столу.

— Аллергию будем лечить... — мрачно пошутил Артамон. Выпив, он повеселел, придвинулся к Дарье, все еще сидевшей с рюмкою в руках.

— Пей, Дарья Ивановна, не церемонься. Первая идет колом, вторая соколом, а третья мелкой пташечкой...

— Похоже, оклемался, — с улыбкой глядя на мужа, сказала Дарья. — Смотри, кабы хуже не было...

— Отошел! — весело крикнул Артамон. — Ты, Дарья, не бойсь, от водки кровь густеет и шея толстеет!

— Шея у тебя ровно у паровоза, — поддержала шутку Дарья. — Не подумай, что толстая, — такая грязная.

Я посмотрел на приятеля, на его шею: тонка, точно у подростка, с замысловатыми морщинами, несмотря на осеннюю пору — загорелая до черноты. Под мочками ушей трепетно и слабо бились набрякшие венки. Он ковырялся вилкой в салате из свеклы, резанной ломтиками, соломкой и шашечками, ел мало, а говорил много; так и сыпал присказками да поговорками, наконец и вовсе отложил хлеб.

— Захорошело, — сказал он радостно. Погладил себя по животу и запел частушку:

*Девушки вы, девушки,
Не будьте ревноватые,
Любите раненых ребят,
Они не виноватые.*

Но забрал высоко, разом осадил голос и закашлялся. Крепко стукнул кулаком по столешнице, с хрипом выдохнул:

— Эх, не забыть нам годы боевые!

— Забрало, однако, — жалостливо и недовольно проворчала хозяйка. — Теперь всю ночь будет зубами скрипеть, родимец. Детишкам уж спать пора.

Ребятишки запросили пить. Дарья поила их молоком из крынки. Артамон сидел облокотясь на стол, думал о чем-то своем. Когда все смолкли, он закрыл дверь горницы, толкнул створки окна — пахнуло свежестью первых заморозков. Ни звука, ни огонька, ни движения. Ночь в Ольховке черна, как пропасть.

— Что же это такое, Артамон? — спросил я. — Ты же всегда такой задорный был...

— Буян... да... — блеснул он глазами. И дальше — грустно: — Во всем виновата война, мой друг.

Артамон расстегнул ворот рубахи.

— Только она-с-с... Потом пошло-поехало. Сломался, ослаб. Теперь чем дале — хуже...

— Ранило?

— Долго рассказывать...

Я не настаивал. Некоторое время сидели молча, и было слышно, как тихонько звенит-поигрывает электрическая лампочка под потолком. Артамон заговорил внезапно и торопливо. Я с удивлением взглянул на него.

— Наступали ночью... Хлад, град видел. Три года подряд меня смерть по земле хороводила, а тут... Нервы, что ль, сдали?

Ночь, тьма, сидели в мокрой траншее. А за нами, за первой ниткой и еще дальше, за пригорком, одна за другой снуют сигнальные ракеты — тонко, как комары, пищат... Хлопают ракетницы, лает где-то мотор самолета, прожектора там и сям щупают светом: хватит ли места для бойни. Кашлянешь, и сам слышишь, что звук какой-то чужой, нездешний, как из могилы — такая темь. Вдруг кто-то в ухо как гаркнет: «Шестая, вперед!» Кинулись мы в ночь, в пустоту, в смерть. И, знаешь, захотелось вдруг стать маленьким, с кулак величиной, величиной со свое сердце... Не страх... какой там страх, там не до страха, сам помнишь, а вот как-то чертовски весело и любопытно. И еще просто... очень просто все, неуж так просто умирают?

Черт знает, с чего я тогда умирать собрался, словно чувствовал... Ну, ладно... Бежим молча. Прыг да прыг через канавы. А канавы-то чуть видно. Где один упадет — там другой прыгает. А по нам за полверсты из миномета... Как бы это тебе передать... Гребень черной земли взвился впереди, и как будто волной кинуло меня вниз лицом... и на голову — грязь. И сыпалась эта самая грязь на меня будто бы целую вечность. Хочу голову поднять, а не могу. Чудится: плыву я по ночному морю, черному-черному. А лодка подо мной плоскодонная, ветхая, с изъяном. Вот-вот, кажется, соскользну с нее, и тогда прости-прощай, швырнет, смоем и зароем в этой непроглядной бегучей мгле... Тут охнул я и повалился куда-то и вовсе вниз, как в преисподнюю. И ничего не помню.

Стал приходиться в себя — затылок болит, точно меня поленом чухнули. Рвать стало — сил нет. Так и мутит, так наизнанку и выворачивает. Блюю бог знает чем — желчью, какой-то водицей, едкой такой жижей.

Артамон налил кружку заварки и говорил, держа кружку в руке, разливая по скатерти крутой чай и не замечая этого...

— Оказалось: лежу в воронке. Попробовал сесть — качнулась земля, и так тошно показалось, что и умереть впору. До рассвета я сидел так-то, покачиваясь из стороны в сторону. В голове точно колокол пел и гудел на разные голоса. И до рассвета же не смолкала канонада, а по правую руку стояло зарево. Стихло не вдруг. И знаешь, как я почувствовал, что стихло? Руками! Земля перестала дрожать. Смахнул я грязь с головы, — шашть за шиворот — кровь. Снег вокруг талый, а на нем тоже кровь, как тертый красный кирпич, мелко-мелко просыпанный. На руках кровь, вокруг — кровь, и будто даже и само небо в крови.

Солнце пекло жестко, прямо в лицо. Снег протек через шинель, а меня трясет всего, и чудится, будто это кровь из меня хлещет — одурел, значит, совсем. Язык запух — рот не откроешь, и пить хочется так, хоть в голос реви. Нащупаю я снег обочь, кладу на губы, схвачу — и сосу. А он крупитчатый, острый, как битое стекло. Сколько так пролежал — не ведаю. Помню только: все несло ветром откуда-то не гарью, смрадом, да так остро, что на глаза слезы наворачивались. И лежал я в этом запахе, точно во мху: ни вздохнуть, ни голоса подать... Снова рвать стало. «Что такое за притча, — думаю, — ведь во рту у меня уж, почитай, сутки маковой росинки не было».

Артамон поежился о холода, притворил окно и тихим глухим голосом, боясь разбудить жену и ребятишек, продолжал:

— Но это я думал, что сутки, а оказалось — двое. Ничего не ел я и потом, в дивизионном лазарете. Глянуть на еду не

мог. А тут еще молодого солдатика доставили, пехотинца. Шустрый был такой татарчонок, без руки, только кровавая култышка. Стон, крики, жалобы! Стал примечать я, что вида крови и вовсе переносить не могу.. Увижу пятно на чьей-нибудь повязке — и аж дух займется. И вот что главное: знаю, что и окно открыто, и воздуха вокруг полно, и вот — май на дворе, самая цветень и все такое, и любовь, и жизнь — это я знаю... А чудится: пахнет той самой тошной гарью и еще чем-то ядовитым, бьющим в темя.

Раз так-то сижу я ночью, не сплю — ну никак не засыпается. Колотит меня, ровно с похмелья. Дверь открылась, гляжу — доктор. Седой такой старик, как серебряный. Вошел он в палату, спрашивает, чего, мол, сидишь. А я молчу, с открытыми глазами лежу, дом, деревню вспоминаю, и что-то зрела в душе великая обида на всех и вся... На жизнь, на себя... Кто его знает. Смотрю — сел он в ноги моих, пожурил отечески. Откуда? Как? Где семья?

Теплый такой мужик оказался этот доктор. С виду шупленький, а душа большая. «Что же, — говорю, — со мной делается, мать честная! — это я-то ему. — Что за зараза такая, чума въедливая!»

И нашел же этот самый доктор, что сказать мне. Про себя рассказал... Много... Большущий человек. Умница.

Утром передвинули мою кровать к окну. Потом и вовсе выставили по моей же просьбе, поместили в деревянном домишке — госпиталь-то в селе стоял. И ничего, успокоился я, словно у себя дома осел, в Ольховке. Ходила за мной девчушка, худенькая такая, шустрая егоза. Принесет обед, сама сядет рядом, обхватит ручонками колени острые, в рот мне глядит. Глазенки черненькие, с блеском, как терновинки. Я на нее, помню, не нарадовался. Подала она мне раз так-то холодной телятины! Как увидел я — обмер, и слова сказать не могу. Девчонка в крик — и в двери, за доктором. Тот пришел, улыбается, телятину бросил, меня растер. Гляжу в зеркало — глаза с кровью. Натер он меня спиртом, чтобы, значит, дух мясной отшибить, и говорит: «Голубых ты теперь кровей, русский солдат Артамон Нохонов. Мяса тебе и на дух нельзя. Травку кушай. Увидишь, как голова посветлеет, тело полегчает, и табак свой проклятый скоро бросишь».

Артамон улыбнулся, как мне показалось, через силу, сквозь слезу.

— Голубых я кровей теперь, Гена, на вечные времена. Голубых, порченных... А где же моя-то, красная? Что с ней случилось? И вот ведь где сволочь-маета: задумаем какую-нито

животину резать — ярку там, боровка ли — Дарья соседа зовет. Да что там! Курицам головы рубить забыл как. Вот они, брат, такие-то дела...

В горнице стояла угнетающая тишина, лишь мерно стучали ходики. Спать не хотелось вовсе. Артамон вдруг взбодрился, точно оторвал от себя что-то.

— Ну, что приуныл, друг сердешный? Вот как в гости-то ко мне ехать к такому-то. Небось думаешь: распустил нюни Артамоша, расплакался в жилетку, хлюпик... Ну, ну, это я так, к слову. Ты про себя-то, про себя мне еще. Что, богат? Женат?

— Живем-колотимся, жуем-торопимся, глотаем-давимся, никогда не поправимся!

Артамон засмеялся.

— Ну, ин будь по-твоему. Не поправимся, так не поправимся. Давай-ка почивать, гость дорогой. Завтра я тебе хозяйство покажу, пасеку. Я, брат, весь колхоз медком радую. Имей в виду, радую... Ох и медок! Весной чистый, янтарный, гречишный.

Часу в четвертом мы укладывались спать, как братья, на широкой деревянной кровати. Меня поразила белизна, старческая худоба моего друга, его точеная фигурка с лиловыми шрамами между лопаток... Я внутренне ахнул.

Артамон, точно стыдясь своей наготы, подошел к простенку, щелкнул выключателем. Заснули не враз. В ночи он все вставал, курил...

— Теперь бы жить да жить, — говорил он. — Дом, огород, садик. Деньжата у Дарьи в загашнике не переводятся. Наташка вот только... Прямо беда с ней. Да эта кровь еще моя, голубая, прокисшая, пополам с войной размешанная.

Я долго не спал. Терпеливо лежал, точно дожидался, когда выкроится из ночной тьмы синий четырехугольник окна... В дремоте Артамон и впрямь все скрипел зубами, бормотал, а утром встал чем свет, и мы, еле разломавшись, ушли с ним на пчельник, утеплять.

ТОВАРИЩИ

К Терентию Серегину пришли старики покалякать, покурить. Уселись на бревно перед окнами, завели разговор про политику. Бабка Фрося шумно растворила окно, заворчала как грозовая туча: «Явились, не запылились... Давненько я вас не видала». И громче, внушительнее добавила: «Ай все дела переделали?»

Старики — Назар и Семен, ответили вразнойбой: «Все переделали, никаких делов нету...» Назар двинул шапку на макушку, сипло засмеялся, щурко взглянул на Фросю: «Были дела в чем мать родила, а теперь кончились... Кликни Терентия, он нужен нам до зарезу...»

Бабку Фросю всегда раздражал этот Назар, сосед: маленький, вечно зачуханный, зиму и лето в грязной овчинной шапке и валенках; табаком от него разило. Раздражали перекуры, болтовня, выпивки. Затворяя с грохотом окно, бабка Фрося не упустила момента съязвить: «Сичас позову! Спешу и падаю! У вас дома делов нет, а у мово — палата. Завтра на базар едет, некогда болтать. Сроду ты, Назар, шатаешься по дворам, лясы точишь...»

Старики не пошли искать Терентия. Посидели, покурили и разошлись от греха. Дед Терентий налаживал телегу в огороде возле бани.

Стояла холодная осень, последние дни октября. Дул свежий ветер, срывая с яблонь остатки мертвой листвы. Терентий работал то молотком, то ножовкой, то стамеской. Единственную на всю деревню телегу так запустили, что пришлось потратить на ее ремонт целый день. И когда все было сделано, он проверил оглобли, полез под застреху, вытащил старозаветную банку дегтя и помазок. Деготь он берег для сапог и для своих больных ног — разводил деготь с самогоном-первачом и смазывал суставы. От него всегда сытно, остро и свежо пахло деготком. Ноги ломило перед ненастьем, суставы опухали. Но втирал он такую мазь только на ночь. Смолоду он был сутул, рано облысел, а когда ему перевалило за шестьдесят — гнуло все ниже и ниже к земле. Сам он часто говорил про себя: «Смолоду нуждишка к земле гнетет, по ночам спать не дает...»

И выпить он любил: по церковным и советским праздникам, в «кумпании» друзей, «недугов многих ради», а еще — когда «шлея под хвост попадет». Из-за боли в суставах ног носил яловые сапоги, шил их по своим колодкам, смазывал дегтем. Любил он все легкое, свободное. Рубахи носил короткие, в подоле широкие, навыпуск.

Оси смазывал с особым усердием, экономя, из специальной баночки, подставляя ее под оси и помазок. Острый запах дегтя волновал его, взмокла спина и волосы под овчинной шапкой. Он так увлекся, так старался успеть наладить телегу дотемна, что и не заметил, как дали колхозных полей закрывались сумерками, а за полями над лесом дотлевала заря. Ветер работал в ветвях яблонь, остатки листьев шуршали и падали на телегу.

Когда все было сделано и банка с дегтем и помазок спря-
таны, он сел на телегу, покачался на ней, пошатал ее — не
подведет, не рассыпется. Закурил.

Из головы не выходила одна и та же дума: «Продавать ба-
рана или себе оставить? Впереди долгая зима, хорошо бы себе
зарезать для щей... Свинина... она свинина и есть. Какие из
нее щи?»

Затушив сигарету о подошву сапога, он слез с телеги, оку-
рок положил в ржавую баночку, открыл дверь и шагнул в
предбанник. В носшибанул запах яблок, сложенных в ящи-
ки со стружкой. На полке с глубокими закрайками стояли
банки с соленьями и вареньями; он нашарил свечку, зажег ее
и поставил около окошечка. «Ай не пить?» — подумал Терен-
тий, когда доставал бутылку с остатками самогона. Достал,
уцелевшими зубами открыл бутылку и вылил все, что было, в
стакан. Антоновки, хоть и лежали целый месяц, оказались
не по зубам. И все же дед Терентий грыз яблоко ущербными
зубами, кисло шурил глаза, но так и не догрыз — выкинул
яблоко.

Ночь овладела умирающими сумерками. Терентий поту-
шил свечу, ошупью закрыл дверь на замок и огородом пошел
к избе. Окна соседних домов горели яркими огнями, стояла
черная глухая тишина. Сивуха кинулась в голову, загорелось
лицо, и думы про барана убежали из головы, ноги уже не ныли
в суставах, как будто помолодели. Шагая мимо хлева, сарая
и амбара, Терентий силился вспомнить годы без этой самой
подлой нужды — куда там! И неделю, даже дня не мог вспо-
мнить. «Нужда, нужда...» — заходя на крыльцо и вытирая ноги
тряпкой, проговорил Терентий; он во хмелю все чаще стал
бубнить себе под нос, гнусавить. Начал было вспоминать,
кто и когда прозвал его Нуждой, но так и не вспомнил, хмык-
нул, открыл дверь и вошел в избу.

В избе жарко топилась печь. Ярко горела люстра с двумя
лампочками. И было тепло. Бабка Фрося — тучная, остроно-
сая, пухлая, в грязном халате с фартуком, выглянула из-за
печки. Внук Владик сидел в переднем углу за столом, вслух
читал сказку и громко, с треском грыз яблоко, так что деда
передернуло в плечах.

— Вали, вали, грызи... — тихо проговорил дед. — А я рад
бы погрызть, да нечем...

— Ой, да ты никак выпил, отец? — подавая на стол стопку
блинов и смазывая их маслом, говорила бабка Фрося. — Ра-
зит от тебя, как от самогонного аппарата.

Владик, чавкая и шмыгая носом, навалился на еду. Запи-
вая молоком блины, болтая ногами, он не переставал читать.

— Балуй! — резко и вдруг оборвал его дед. — Пожри спокойно!

— Не ори на ребенка, — вступилась бабка за внука. — Залил глаза-то... Завтра рано вставать...

И как только бабка вступилась, Владик заплакал, разинул рот с непрожеванными блинами. «Мы-ы... — ныл Владик. — Ёы-ы...»

— Аки с цепи сорвался, — ворчала бабка на деда. — Барана ему жалко продавать, а внука не жалко... Ишь обносился, рубахи хорошей нету, а пальтишко — стыдно в школе показаться...

— У него отец-мать есть, — оборвал дед бабку. — Пуцай думают о сыне. Кто родил, тот и до ума доводи... Ну, будя реветь-то, изошел на слезы, а то на базар не возьму.

Владик вытер глаза рукавом рубахи, кинулся обнимать деда, расспрашивать про базар...

Бабка и Владик еще спали. Дед Терентий неслышно обулся, оделся, сходил на конный двор с одной-единственной кобылой на всю деревеньку; привел кобылу под уздцы, привязал к задку телеги, а в телегу положил большую охапку ароматного сена. Несло снегом — невидимой и колючей крупой. За ночь так подморозило, что земля звенела под сапогами с подковками. Когда Терентий вошел в избу, бабка уже ждала его с фонарем, а Владик с коркой хлеба в руке. Овцы как бешеные кидались по углам замерзшего, унавоженного хлева. И когда останавливались во тьме, глаза их волшебным образом отсвечивали. «Бя-ша, Бя-ша...» — показывая хлеб, манил Владик. Дед крался с обрывками веревок, падал на барана. Баран грязно-белой шерсти сигал по сторонам. Наконец-то Владик удалось схватить барана за ногу. Они кубарем повалились на солому. Баран быстро-быстро лизал рукав мальчишки. Подоспел дед, упал на него и стал быстро связывать ноги Бяше. Фонарь в руке бабки светил барану в глаза. Выкатив сумасшедшие глаза, Бяша заблеял, теряя орешки навоза.

Дед взвалил связанного молодого барашка на плечи и потащил в огород к телеге. Жалко стало Владику барана, он бежал поспевая за дедом и совал корку хлеба: «Бяша, Бяша...»

Дед Терентий положил связанного барана на сено, привязал ноги к задку, запряг кобылу и выехал с огорода на улицу. Все еще спали в это воскресное утро, и в избах не было огня. Где-то в стороне скотного двора брехала собака, разбуженная телегой.

— Ну, с Богом, — говорила бабка Фрося, подавая на стол картошку и огурцы, нарезанные колесиками.

— Живо, живо! — твердил дед Терентий. — Живо, а то приедем к шапошному разбору.. Живо!

— За внуком там гляди, не потеряй его, — наказывала бабка. — Вина — ни-ни... приедешь — налью, у меня есть... Царица небесная, матушка, спаси и сохрани... Ветер-то холодный, как зимой... Ну, дай пути-дороги... Гляди за ним...

Владик в валенках с калошами, в стареньком пальтишке с поднятым воротником, сидел в передке на сене, не переставая, дергал веревочные вожжи. Телега с грохотом выкатила за деревню. На ухабах нещадно трясло. В глубоких колеях застыла вода в лед. Лед звенел под колесами как стекло.

Когда проезжали селом, взявшиеся откуда-то из темноты собаки налетели на телегу, брехали на лошадь. Владик испугался и начал отпугивать их кнутом.

— Дай-ка кнут, я вот этого рыжего смажу, — сказал дед, выхватил и достал рыжего кобеля.

Сумерки редели, и впереди светлел горизонт. Большаком, ведущим в город, часто встречались люди, обгоняли баб с корзинками, мужиков с мешками. Светили фарами легковушки, грузовики, и все чаще встречался народ. Где-то совсем близко грохотали колеса поездов. Дорога полого поднималась, и когда заехали на вершину взгорья, показались огни, дымящие трубы, а над ними зарево.

Никогда еще Владик не заезжал в такую даль. Все было ново, интересно. Он глядел по сторонам, посвистывал, провожал долгим взглядом пестрые палатки с иностранными наклейками, а дед Терентий курил и кашлял. Справа пошел лесопарк кустами и перелесками с остатками листьев.

— Дед, а дед, — приставал Владик. — А тут волков не бывает?

— Нету, нету, какие тут волки...

— А разбойники?

— И разбойников нету. Ничего тут нету, одни кусты. Погоняй-ка, опаздываем. Одни вопросы в твоей голове. Ты вперед гляди...

У деревянного моста через реку скопились грузовики, легковушки, подводы, пешеходы. Гоготали гуси, блеяли овцы, а совсем рядом надрывно ревела корова, привязанная к задку телеги. Дед Терентий взял под уздцы кобылу, подвел к воде, развязал чресседельник и посвистал. Кобыла опустила морду к воде и начала жадно пить и фыркать.

Когда переехали мост, поднялись на гору, Владик увидел море огней. Черные клубы дыма из труб опускались на город. Запахло гарью. Гомонили люди, сигналили автомашины. Все смешалось в глазах Владика. Дед забрал вожжи и свернул на рыночную площадь.

Ободнялось. Изредка выглядывало солнце. Все гуще шел народ, и дед с трудом пробился к коновязи. Пахло сеном, навозом, угольной гарью. Стояли в ряд красивые кони, запряженные в бегунки, телеги, с большими корзинами из прутьев, а в корзинах гуси, куры, утки... Продавали овец, круторогих и страшных баранов, коз с огромными гнутыми рогами и чудными, похожими на лыжи копытами; коровы ревели на весь базар.

К телеге деда подходили мужики и бабы, шупали шерсть, забивали ладони под ребра барана и спрашивали деда: «Сколько просишь?» Дед всем отвечал, а покупатели говорили, что он «ломит цену».

Из-за того, что дед «ломил цену», простояли целый день. С базара уходили, уезжали, и у коновязи остались три подводы. Дед хмурился, закрывался от ветра воротником полушубка: «Видно, назад повезем барана».

Собрались уезжать. Подошли два мужика, один молодой, другой старый, — долго ходили вокруг телеги, называли цену... «Магарыч наш, — сказал старый мужик. — Надо вспрыснуть покупку...» И дед невесело начал развязывать Бяшу, а молодой мужик вытащил из сумки бутылку, озираясь, наливал вонючую водку, Бяшу привязали, поставили, дед Терентий разложил на тряпице все, что дала бабка Фрося. Владика захотелось есть. Он жевал хлеб с салом и с удивлением смотрел на чужих мужиков, купивших Бяшу, на их новые шапки и плохо понимал, что они говорят.

Выпив и закусив, мужики говорили и говорили. Из этого непонятого разговора Владик заключил, что покупатели пожалели деда. Глаза деда слезились, овчинная шапка съехала набок, и от него нехорошо несло водкой. Остатки хлеба Владик решил отдать Бяше. Но баран, приученный есть хлеб из рук Владика, кидался по сторонам, как будто знал, что его вот-вот уведут, и подавал голосок, как будто плакал. Владика стало жаль Бяшу, он тоже заплакал.

— Ты чего? — спросил дед. — Чего плачешь?

— Бяшу жалко... Не отдавай его...

Мужики засмеялись, а дед Терентий сказал: «У нас к весне еще будет барашек, лучше этого...» А когда мужики повели Бяшу на ошейнике за веревку, Владик провожал барана мокрыми от слез глазами.

— Ну, малый, сиди тут. За кобылой гляди, — сказал дед. — Я по палаткам пройду, гостинцев тебе куплю, товар погляжу.

Ряды совсем опустели. Кое-где еще продавали куртки, рубахи, валенки. Рядом стояла телега, в телеге гоготали гуси, высоко подняв головы с желтыми носами. Кобыла стояла, не

шевелиясь, как мертвая. Владик подложил ей сена — она как бы и не замечала. «Ешь, дуреха, — говорил Владик, — ешь, а то скоро домой поедем...»

Базар совсем опустел, начало смеркаться. А дед все еще не приходил. Владик начал бегать кругом телеги, чтобы согреть ноги. Пробежал мимо соседних палаток — пропал дед.

Через базарную площадь вели старика. Владик, близоручко шурясь (ветер нагонял слезы), не сразу узнал деда. Вели его под руки два молодых милиционера. На шее у деда моталась низка баранок; дед что-то громко заплетающимся языком говорил, а милиционеры смеялись.

— Твой дед? — спросил высокий, тот, что был с палкой.

— Мой, — ответил Владик.

— Забери его и не отпускай. Домой вези.

Милиционеры помогли уложить деда в телегу. Владик собрал остатки сена, поднял насколько мог чресседельник, кое-как завязал супонь, и только тут он смекнул: забыл дорогу. Их оказалось три. Все в разные стороны.

Дед храпел на телеге. «Нажрался, идол окаянный! — совсем как бабка ругался Владик. — Могутов от тебя нету... Куда ехать, дед?!» — трепал он деда за воротник.

Связка баранок все еще висела на груди. Дед не просыпался. Владик развернул лошадь и остановился. В высоких городских домах зажигались редкие огни. Вот-вот станет совсем темно. Владик сидел на краю телеги и плакал навзрыд. Проходила мимо бабка с большой кошелкой за плечами, остановилась.

— Что плачешь, мальчик? — спросила она.

— Дорогу забыл, — всхлипывая, отвечал Владик.

— А куда ехать?

— В Березовку.

И Владик вдруг, почувствовав участие единственной души в этом большом чужом городе, расплакался еще громче, навзрыд, всхлипывая... Бабка начала будить деда, но так и не добудилась.

— Пусть спит. Проспитесь. Поедем, нам по пути, — сказала она, поставила кошелку в телегу, села рядом с Владиком. Когда ехали городской окраиной, Владик начал вспоминать дорогу, уже не всхлипывал, а все покрикивал на лошадь и махал кнутом.

Лошадь ходко шла домой. На мосту через реку не было пробок. За железным полотном вновь появились дороги, тропинки. «Тебе ехать все прямо и прямо к большаку, — объясняла бабка. — А потом свернешь влево, там спросишь... Ну, погоняй с Богом...» — и пошла куда-то торной тропинкой.

Дед изредка просыпался, тяжело поднимал голову и мычал. Когда дорога стала спускаться, лошадь сама свернула

влево к перелеску и побежала мимо кустарников к оврагу. Владик вспомнил село, стаю злых собак, вновь начал будить деда: «Да встань ты, окаянный, босяк! Встань, а то замерзнешь, помрешь!»

Дед встал, начал кашлять и плевать. Владик поправил на нем шапку. «Дворики, Дворики, — говорил дед. — Считаю приехали... Чтой-то со мной нехорошо, дурно...»

В Двориках вновь налетела стая собак. Еще злее, чем утром, подкатывали они к телеге, пробегали ее с разгону, оглушительно лаяли. И тут дед совсем проснулся, он выхватил из рук Владика кнут и попробовал достать самого крупного. «Отрыжь!» — закричал дед. Лошадь рванула и вытащила телегу за Дворики.

Ехали молодым березовым лесом. Было совсем темно, но не так страшно. Владик узнавал этот лес и лесополосу — «посадку», он ходил сюда с бабушкой за грибами. Дед вдруг зашел: «На границе тучи ходят хмурые...» И вдруг оборвал песню, начал что-то искать в карманах. Возле скотного двора остановил лошадь, слез с телеги, снял шапку и начал высыпать в нее мелочью. На столбе светила единственная лампочка и не было ни души. В стороне брехала собака, и в сторожке был свет. Владик, прищуриваясь, смотрел на свет то одним, то другим глазом...

— Владик, ты у меня деньги не брал? — спросил вдруг дед. Он вздыхал и охал и все шарил в карманах зипуна. — Чтой-то денег не могу найти, похоже, вытащили.

Все сено перерыл, облазил все карманы — нет денег.

— Головушка моя горькая, — взмолился дед, — видать, товарищи, с кем пил, погрели руки... А до телеги как я шел?

— Тебя два милиционера привели, — ответил Владик.

— Ой, ой, неуж привели?

— Да.

— Ну, попадет мне на орехи от бабки...

Бабка Фрося встречала с фонарем. Дед молча распряг кобылу и повел на скотный двор. Вернулся с былинками сена на шапке и телогрейке. Снизка баранок лежала на столе. Владик пил чай, хрустел сушками.

— Садись, садись скорее, — говорила бабка Фрося. — И выпить дам...

Дед протрезвился. Никогда он не крестился на передний угол с иконой, а тут — стал на колени, перекрестился.

Дед выпил стакан самогонки. Молча как-то, не вздохнув. Стал ковырять в тарелке лист квашеной капусты.

— Ну, чего молчишь-то? — приставала бабка. — Выпил, а молчишь... Ай язык-то лошадь отжевала? Ай что случилось?.. Ой, чует сердце беду..

— Слава Богу, что живой приехал, — сказал Владик. — Он помирал в телеге...

— Как с фронта, — норовил шутить дед. — Вот так базар, товарищи... Все денежки похерили...

— Неуж вытащили?! — вскрикнула бабка Фрося.

— Все, — отвечал дед. — Одна медь осталась...

— И-ик, и-ик! — заикала бабка, как будто проглотила кипяток или ложку огненной похлебки. — И-ик! Царица, матушка! — закрестилась она, полезла на скамейку зажигать лампадку на ржавых цепях. — Медяки остались... — И, слезая с лавки, заплакала, заголосила: — Босяк ты, босяк! Вытащили или пропил?!

— Пропил-то я, может, тышшу, не больше...

— Ты-ышшу! — повторила бабка, почему-то начиная раскачиваться на лавке из стороны в сторону. — Тышшу, эх ты...

— Вот так черт меня попутал! Продал барана, деньги получил, магарыч вспырынули...

— Тышшу...

— Мало показалось, заело... Как бес попутал...

Бабка Фрося встала и, сразу вдруг обессилев, пересела ближе к деду. Владик почувствовал, как загорелись со страху лицо и уши. Захмелевший дед развязал язык.

— Пошел я купить гостинцев, товар поглядеть. А ларьки, палатки там какие наставили... Вина, я таких и бутылок не бредил, во сне не видал. А ларьки уже закрывались, а какие были открыты — одне тряпки бабьи.

— А-а-а, бабьи? — издевательским тоном перебила бабка. — А вино лучше...

— Да слухай, не перебивай... Повернул назад к телеге. Вижу, возле пивной и в проходе мужики — как мухи — кипят. Пить мне захотелось, аж кишки загорелись... От магарыча...

— Кишки у него, глянь-ка, загорелись, — злилась бабка.

— Дай досказать-то! — заругался дед. — Подхожу, народу — не пройти-пробиться. Все стойки облепили и на улице пьют. Из банок. Хотел было уходить, а тут два молодца: чего, мол, дед, пивка захотел? Или винца плодово-выгодного? Там и вино разливали из стеклянного конуса.

— А-а-а, из конуса, — передразнивала бабка.

Дед увлекся ладностью рассказа, говорил, размахивая руками:

— Молодая продавщица, слышу: «Товарищи, потише материтесь, то-варишши, а то милицию позову...»

Молодые мужики и говорят: давай, дед, деньги, мы пробьемся, отоваримся. Я отсчитал им двести. Глядь — несут. Трехлитровую банку, полную.

Помню, пили вкруговую, захорошело...

— Захорошело ему, глянь-ка, — опять перебила бабка, уже теряя интерес к болтовне деда. — Ну, ну, и чево?

— Ну, ну, гну! Не перебивай. Стояли пиво пили... Иди ты... — Дед помолчал. — А тут товаришши и говорят: «Может, винцы дернем? Плодово-выгодного?» Дал я им еще четыре сотни, мелкими. Вино — вонючка, а не вино. Пробились к стойке и за столом стали пить. Кружками. А закусь — рыбешка ржавая. Тут толкотня такая, аж бока заболели...

— Плакали денежки, — заключила бабка, тяжело поднимаясь с табуретки. — Сколько дали за барана? — громко спросила она.

— Шестьдесят без тысячи, — ответил дед.

— Шестьдесят! И ни копейки не привез...

Тут загремели ухваты-рогачи. Бабка выскочила из кухни с самым большим и, держа ухват наперевес как винтовку, кинулась на деда. Владик вскочил с лавки, вцепился в ручку, заорал дурным голосом:

— Он жив остался, не бей его!

Бабку Фросю остановил крик внука. Она как-то сразу обмякла, опустила ухват, ушла в кухню и запричитала:

*Всё ходил, вино пи-ил,
В вонючей пивнушке...
И заметили его
Городские обиралы.
Ой, да называют другом,
А обирают кругом...
Вокруг него обошли,
Обшарили кармашки,
Обшаркали кармашки,
Вынули бумажки,
Оставили лядашки-и...
Как доброго его собирала...*

...От этого стона-причта и Владик заплакал. Подошел к бабке и начал уговаривать: «Не плачь... Дед живой остался...»

Дед снял сапоги и, еле сдерживаясь от боли в запухших ревматических суставах, полез прямо в штанах и куртке на печку, бормоча себе под нос:

— Товаришши, товаришши... Нельзя так-то, товаришши...

Дорогие друзья!

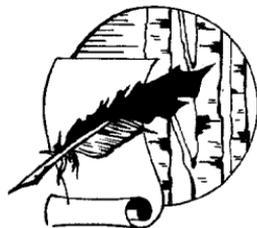
Санкт-Петербургское отделение Союза писателей России поздравляет вас с 90-летием. Журнал «Молодая гвардия» многим писателям города на Неве дал путевку в большую литературу, впервые опубликовав их произведения на своих страницах. Для многих из нас он стал родным и близким.

«Молодая гвардия» — ровесник поколения, поднявшего в мае 1945 года флаг над рейхстагом. Да и сам журнал стал своеобразным флагом для юношей и девушек, певших: «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян».

Журнал «Молодая гвардия» в самые тяжелые времена был со своим народом и вместе с народом переносит все трудности и лишения смутного времени, не заискивает перед толстосумами, а остается честным и мужественным. Совесть для вас — эталон отношения к окружающему миру.

Семь фунтов под килем!

Борис ОРЛОВ, председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, капитан 1 ранга.

Валентина БЕЛОУСОВА

ШИПОВНИК ЦВЕТЕТ

ПАСХАЛЬНОЕ

В реке бурлит шуга, растаяли снега,
Торопятся ручьи на праздник половодья.
Неброская весна — но так мне дорога.
Христос воскресе, Божии угодя!

Лиловым бубенцом сквозь палую листву
Проклюнулся бутон отважной медуницы.
Синичка на ветвях: «Живу! — кричит, — живу!»
Христос воскресе, люди, звери, птицы!

Гудит по-над землей пасхальный благовест,
Но щебета синиц и он не заглушает,
А в небе журавли, летя из дальних мест,
«Воистину воскресе!» — возглашают.

И колокольный звон, и журавлиный зов
Сливаются в одной мелодии весенней,
И солнышко плывет меж тонких облаков
В торжественном пасхальном облаченьи.

Одна среди полей — то плачу, то пою,
Скачу, как глупый пёс, почуявший свободу.
Люби меня, весна, как я тебя люблю!
Христос воскресе, русская природа!

ИРОДОВЫ ПТИЦЫ

Плачь, Айша: в твой дом пришли убийцы.
Рви рубаху, обнажая сердце.
Днем и ночью над твоей столицей

Кружат, кружат Иродовы птицы,
Ищут, ищут твоего младенца.

Ищут, ищут розовые пятки,
Пухлые ручонки в перевязках.
Ищут птицы детской крови сладкой,
Нежного младенческого мяска.

Плачь, ливийка — не сбежать, не скрыться.
Плачь, мадонна, руки простирая.
Рыщут в небе Иродовы птицы,
Разрушая школы и больницы
И твоих младенцев пожирая.

Ирод жаждет власти на планете,
Но ему всегда спокойно спится.
Ироду в Овальном кабинете
Убиенные не снятся дети...
Кружат, кружат Иродовы птицы...

УХОЖУ

Ухожу, не сердись... Ухожу, не грусти: я не стою...
Нет, ничем не обидел, а просто — весна за окном.
Тополиные веточки пахнут неспелой листвою,
Прилетели грачи... Извини, я опять не о том.

Отзвенели ручьи, над оврагом просохла дорожка.
Ухожу, с чем пришла: босиком да с пустою сумой.
Помнишь, к нам на крыльцо забежала бродячая кошка?
Ты еще пошутил, что она приходила за мной...

Нет другого, поверь. Просто страшные, липкие мысли
Оплели мою душу и гложут ее день за днем.
Ухожу, не держи... В небе черные тучи повисли,
Я должна до рассвета успеть подружиться с дождем.

За оврагом лесок — к волосам приколю первоцветы.
Глупый шмель прилетит и в полете обдаст ветерком.
Там, в озерном краю, есть страна под названием Лето...
Да, конечно, я помню: делился последним куском...

Ухожу, не кори... Ты собой еще будешь гордиться
И расскажешь друзьям, коротая в пивной вечера,

Как осенней порой приютил перелетную птицу
И всю зиму держал ее в клетке. Прости — мне пора.

* * *

Нарисуй мне листок, мой родимый,
Желто-красный листок на стекле.
Чтобы думалось целую зиму,
Будто осень еще на земле.

Нарисуй мне листок — ты умеешь,
Нарисуй — как частичку тепла.
Ты зимой мою душу согреешь,
Чтоб она до весны дожидала...

ЭТЮДЫ О ШИПОВНИКЕ

1

Назло ветрам и холодам
Цветет шиповник по садам.
А утром небо синее
Чуть золотит восход.
Трава уже вся в инее,
А он себе цветет.

Назло ветрам и холодам
Цветет шиповник по садам.
Пусть от холода светло
Замерзшие цветы,
Цветет он осени назло,
Во имя красоты.
1971

2

В траву ложились лепестки, как пятна света:
Шиповник цвел за покосившейся оградой.
Старинный дом, уснувший мир, начало лета,
В густой крапиве и вьюнках задворки сада.

И было незачем идти в глухую пору
По зарастающей тропе среди крапивы,
Но за оградой соловьи плели узоры
И перещёлка, пересвиста, перелива.

Кто напитал волшебной страстью эти звуки?
Кто научил невзрачных птиц такому пению?
Почти в бреду, закрыв глаза, раскинув руки,
Я погружалась в этот мир до растворенья.

Сухая ветка оцарапала колени,
Шиповник взял в колючий плен мои запястья,
Но ликовали соловьи в кустах сирени —
Я с пальцев слизывала кровь, смеясь от счастья.

Ночные бабочки метались, словно тени,
Луна рассеивала облачные клочья.
И у меня, конечно, не было сомнений,
Кто станет звездной королевой этой ночью.
1982

3

У стен опустевшего дома
Роскошно шиповник цветет.
Окошек пустые проёмы
Уныло глядят на восход.

Калитка повисла нелепо,
Скрипит уцелевшей петлей.
Здесь пахнет, как будто из склепа,
Сырой и тяжелой землей.

Но как же бесстрашно и нежно
Средь этой гнилой пустоты
Пришелец в зеленых одеждах
Раскрыл молодые цветы!

В фундамент вцепившись корнями,
И вширь разрастаясь, и ввысь,
Беспечно царит над камнями
Цветущая буйная жизнь.

Среди запустенья и тленья
И запаха старых могил
Осанна тебе, воплощенье
Стремительных жизненных сил!
1998

Я росла в тишине, в заповедной лесной глубине,
Где весной пели птицы, а осенью пахло грибами.
Там ветла над рекой до сих пор шелестит обо мне,
Ей тоскливо и горько, как брошенной старенькой маме.

А когда покидала свой дом, где явилась на свет,
И заброшенный сад, что прабабка когда-то сажала,
Я сказала: «Прощайте!» — сердитый шиповник в ответ
Мне в запястье вонзил ядовитое крепкое жало.

С той поры в моих жилах течет ностальгический яд.
Всё мне снится деревня, разрушенный дом и шиповник.
Где бы я ни жила, я всегда возвращаюсь назад,
В заколдованный сад, где растёт мой колючий любовник,

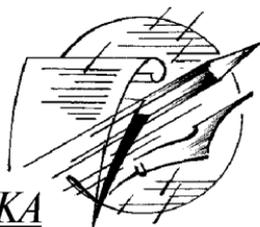
Где зимой снегири, а весенней порой соловьи.
Память детства горчит, но куда от нее мне деваться?
По асфальту скребут деревенские корни мои
И стираются в кровь. И никак не хотят приживаться.
2010

НА ПОРОГЕ НОВОЙ ВОЙНЫ

В конце прошлого года стало сенсацией заявление начальника Генштаба Вооруженных сил Николая Макарова о том, что ядерная война у границ России вполне возможна. Затем Д. Медведев на весь мир заявил о якобы «непорядочных» «партнерских» военных планах США по отношению к России. Мол, дружили, дружили «партнеры» и вдруг — на тебе...

Не успели мы переварить новость о предстоящем массовом строительстве в Москве убежищ нового типа, рассчитанных на защиту населения от оружия массового поражения, как появилось, можно сказать, официальное заявление о том, для чего это нужно и какие угрозы становятся более чем реальными. Оказывается, ядерная война на пороге, точнее — на границах нашего государства. И она может начаться в любой момент. К тому же не исключено, что Россию втянут и в совершенно чуждый нам конфликт.

Так возможна ли локальная война с использованием ядерного оружия? Увы, да. Главные источники опасности — США и Израиль. А место испепеляющего конфликта — Ближний Восток,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

точнее, Иран. Давно не секрет, что Израиль владеет собственным ядерным арсеналом, хотя это полностью противоречит всем международным договорам о нераспространении такого оружия. Израильские политики и военные высокого ранга особо этого и не скрывали, называя свои атомные бомбы «оружием судного дня». Рассказывают при этом предание о непокоренных защитниках крепости Моссад.

В древние времена якобы существовал такой еврейский город-крепость, который долго и безуспешно штурмовали враги. А когда они его взяли, то не нашли там ни одного живого человека. Есть две версии. По одной, последние защитники Моссада ушли подземным ходом, по другой — все они погибли, совершив массовое самоубийство. В любом случае, врагам досталась мертвая территория. И те, кто санкционировал, и те, кто создавал ядерное оружие в Израиле, утверждали, что оно будет применено только в том случае, когда государство станет угрожать смертельной опасностью физического уничтожения со стороны «обезумевших арабов-антисемитов». Таких, с точки зрения руководителей Израиля, может появиться огромное количество — сотни миллионов, и тогда агрессию обычными средствами вооружения не остановить. Вот тогда и наступит час «оружия судного дня», в огне которого сгорят и непокоренные защитники крепости Израиль, и весь агрессивный арабский мир.

С недавних пор главным врагом еврейского государства стал Иран. Вокруг этого врага раскручивается настоящая информационная война. Тегеран обвиняют во всех смертных грехах.

По мнению наиболее «отмороженных» израильских и американских политиков, Иран, подобно Карфагену, должен быть уничтожен. Причем — любыми средствами, включая оружие массового поражения.

Абсолютно бездоказательно утверждается, что Иран уже владеет несколькими ядерными боеголовками, которые, конечно же, несут смертельную угрозу не только «земле обетованной», но и далеким Соединенным Штатам. Заодно в смертельной опасности, исходящей от Тегерана, пытаются убедить весь мир...

Спешно форсируется создание политического климата, который мог бы легализовать военную агрессию против Сирии. Дамаск на стороне Тегерана, поэтому он должен пасть первым, и здесь можно обойтись обычным вооружением. А поскольку практически все оружие Сирии советско-российского производства, то военный разгром армии этого государства покажет Ирану, что и его не спасет та военная техника, которую успели купить в России.

Есть и другой, чисто военный аспект нарастающей угрозы применения тактического ядерного оружия. На излете советско-американского противостояния за океаном разработали целый ряд высокоточных образцов ядерного вооружения небольшой мощности. Оно предназначалось для гарантированного уничтожения особо укрепленных и стратегически важных объектов на территории Советского Союза. Однако проверить эффективность новых боеголовок не удалось, так как все испытания ядерного оружия были запрещены. В лабораторных же условиях, с использованием сверхскоростных ЭВМ, результаты моделирования взрыва получались противоречивыми. Пентагону нужна «новая Хиросима».

Когда американские войска долго и безуспешно брали укрепленный район талибов Тора-Бора в Афганистане, настойчиво продвигалась идея использовать для разрушения последнего убежища Усамы бен Ладена тактическое ядерное оружие. По ряду причин не сложилось. И сейчас США просят горять желанием помочь «беззащитному» Израилу выстоять в битве с Ираном. А для этого, конечно же, потребуется использовать тактическое ядерное оружие.

Вашингтону вообще нужен военный конфликт почти глобального характера, хотя бы для того, чтобы выйти из финансового кризиса — и это уже ни для кого не секрет. Так что предупреждение Н. Макарова не лишено веских оснований. И это действительно страшно, так как последствия будут почти непредсказуемы. А могла ли Россия притушить агрессивные устремления против Ирана? Вполне. Для этого надо было выполнить уже подписанный и частично оплаченный контракт на поставку в эту страну зенитно-ракетных комплексов С-300. Ракеты данных комплексов способны уничтожать все типы воздушных целей, включая крылатые ракеты и большую часть оперативно-тактических ракет. Наличие такого «зонтика», конечно же, остудило бы агрессивный пыл желающих испытать новые ядерные боеголовки на чужой территории. Однако, хотя контракт стоимостью более миллиарда долларов был подписан и частично оплачен, Москва в одностороннем порядке его заблокировала.

С-300 Иран не получил. Говорят, это было сделано под нажимом Вашингтона. Ну что ж, оборонительные ракеты Тегерану не продали, будем строить убежища на случай атомной войны.

Настораживает заявление Н. Макарова о том, что для борьбы с ядерными амбициями Тегерана и даже Пхеньяна Вашингтону может потребоваться помощь Москвы. И в Генштабе будто бы, если понимать его начальника буквально, раз-

витие событий по такому сценарию рассматривают. Это что? Мы тоже будем кидаться своими атомными зарядами на своих границах? Ради того, чтобы в Соединенных Штатах сумасшедшие политики и военные спали спокойно? При этом, огоршив всех нас апокалипсической новостью о грядущей ядерной катастрофе, начальник Генштаба обрушился с резкой критикой на вооружения собственных войск. По его логике, современного оружия у нас нет. Он считает, что вооружение Российской армии — это каменный век. По своим ТТХ оно будто бы уступает не только американскому, но и израильскому. Получается, реальная боеспособность даже реформированных и полностью переформатированных Вооруженных сил почти нулевая.

Резкой критике руководитель Генштаба подверг главную ударную силу Сухопутных войск — танки, что становится дурной традицией топ-менеджеров Минобороны. Совсем недавно первый замминистра обороны, генерал В. Поповкин публично разнес в пух и прах легкую бронетехнику, а основной танк Т-90 уподобил модернизированному Т-34. Это говорило о глубине технических познаний генерала, отвечающего за техническое оснащение Российской армии... Затем Поповкина бросили рулить космической индустрией. Результат его непродолжительного топ-управления — потеря одного за другим вскоре после старта нескольких космических аппаратов общей стоимостью более десяти миллиардов рублей.

Н. Макаров — из Сухопутных войск. С бронетехникой он, наверное, знаком больше, чем В. Поповкин, поэтому сравнил Т-90 не с Т-34 или с «Леопардом», а с израильской «Меркавой». Он даже показал таблицы, которые должны были свидетельствовать о полном боевом превосходстве «Меркавы» над Т-90. Затем начальник Генштаба смешал с грязью отечественные ракетные системы залпового огня — РСЗО, которые, по его мнению, во всем хуже американских. После такого публичного выступления господину Макарову надо было бы так же публично снять свои генеральские погоны. По многим причинам.

Прежде всего, потому, что начальник Генштаба фактически расписался в неспособности оснащать армию современным оружием. И такой человек управляет войсками? Не министр обороны, а именно Генштаб управляет войсками и вооружает их, если кто этого не знает. «Отсталый Т-90» пользуется, точнее, пользовался — стабильным спросом на мировом рынке вооружения. А «распрекрасную» «Меркаву» купить никто не хочет. Израильский танк действительно хо-

рош и, наверное, по многим параметрам превосходит российский. Однако генерал Н.Макаров, похоже, не знает то, что известно даже гражданским людям, интересующимся бронетехникой. «Меркава» — танк одного региона. Он создавался исключительно для действий в природно-климатических условиях Израиля. А в России физически невозможно проектировать региональный танк. Нет у нас бронетехники, рассчитанной для войны исключительно в пределах Московской области. Она должна одинаково хорошо работать и за Полярным кругом, и в сухом континентальном климате, и во влажных субтропиках.

Кроме того, коль Минобороны боится ядерной войны, руководству Генштаба надо знать, что Т-90 имеет одну из лучших в мире систем защиты от радиоактивного излучения и заражения местности.

В нем есть специальный подбор, предохраняющий экипаж от всепроникающего нейтронного излучения. В «Меркаве» это не предусмотрено — не для войн глобального характера она создавалась. После заявления начальника Генштаба Вооруженных сил России о том, что Т-90 — плохой старый танк, уступающий даже израильскому аналогу, вряд ли кто захочет покупать его на мировом рынке. Возможно, господин Макаров поставил крест на экспорте всей российской бронетехники. Недоброжелатели интересуются, сколько может стоить такая пиар-услуга?..

И еще о танках. К сведению НГШ: лучшим танком конца XX века был газотурбинный Т-80У. На рубеже 80—90-х годов в Ленинграде спроектировали и построили базу танка будущего с передним расположением двигателя, как у любимой Н.Макаровым «Меркавы», с размещением экипажа в корпусе и выносом боекомплекта за пределы обитаемого корпуса. Этот уникальный проект так и остался нереализованным, деньги потратили на «перспективный» объект-195, который в итоге оказался никому не нужным. А теперь их пустили на «еще более перспективную» базу «Армата». Имея синицу в руках, военные постоянно гоняются за какими-то журавлями. Отдав все предпочтения развитию Т-90, Генштаб прозрел, увидев сейчас в танке одни недостатки. И направление газотурбинных танков закрыто, а Т-80 выводятся из боевого состава, отправляются в утиль. В чем же будет заключаться главная ударная сила Сухопутных войск?

Сравнение отечественных РСЗО и американских — с реверансом перед заокеанскими образцами — это полный военно-технический нонсенс, который можно простить сержанту-недоучке, но никак не генералу армии. Общепризнан-

но, что системы «Град», «Смерч» и «Ураган» — лучшие в мире по сумме своих характеристик. Во всем мире это знают, в родном Генштабе — нет.

Естественно, образец, каким бы хорошим он ни был, должен развиваться. И создатели РСЗО давно предлагают гораздо более совершенные ракеты, в том числе — с системами самонаведения. Но вот заказчик — Министерство обороны — к этим предложениям никакого интереса не проявляет. А раз нет заказов — нет и развития. Кто виноват? Н.Макаров упрекнул оборонку в том, что она не может начать выпуск высокоточных артиллерийских боеприпасов. Пусть начальник Генштаба откроет хотя бы несекретный каталог «Рособоронэкспорта». В нем — перечень высокоточных самонаводящихся снарядов и мин. В арсеналы Вооруженных сил еще в конце 1980-х стали поступать высокоточные 152-мм снаряды «Краснополь» для самоходных артустановок «Мста». Десятки тысяч дорогих и когда-то лучших в мире снарядов пролежали до сегодняшнего дня в арсеналах невостребованными. Теперь они подлежат списанию и уничтожению.

Оборонно-промышленный комплекс давно устал ждать от Минобороны вменяемых ТТЗ на разработку перспективной военной техники.

Авиастроители не скрывают, что четкого техзадания на разработку истребителя пятого поколения не поступило до сих пор. Т-50 уже летает, а Минобороны еще не определилось, какой же перспективный авиационный комплекс фронтовой авиации нужен. Вполне вероятно, что в итоге тот же Генштаб заявит: вы нам сделали не то, что требуется. А что требуется? Минобороны заказало легкий броневик с оговоренной защитой. Появился «Тигр». И тут военные закричали: плохая машина, у нее класс защиты ниже, чем у итальянской «Ивеко», будем покупать импортное. Так вам, господа, сделали то, что вы сами заказывали. Или вы не знаете, что действительно необходимо? Похоже, что после всех сокращений и оптимизаций в военном ведомстве, в том числе в Генштабе, просто не осталось технически грамотных специалистов, способных разработать и внятно сформулировать ТТЗ на перспективную военную технику. И поэтому, чтобы ни делала наша оборонная промышленность — все будет плохо. Одна из причин такого положения — расплывчатость военной доктрины и полная неопределенность относительно реальных угроз для России. К военной технике зачастую предъявляются требования, более подходящие для полицейских сил. А заявление Н.Макарова о том, что Генштаб уже решает вопрос увеличения численности снайперов в россий-

ских войсках, поскольку такие подразделения актуальны при столкновениях в городах, вообще за пределами нормального военного сознания...

Итак, Генштаб предупреждает о возможной войне с использованием ядерного оружия. Но воевать, с точки зрения высшего генералитета, нам просто нечем. Так что — придется сдать российские города агрессору, после чего развернуть в них партизанскую войну с активным использованием снайперов?

Но это — лишь один из вопросов. Есть и другие, не менее важные.

К чему, собственно, готовиться Вооруженным силам России и всем нам — от мала до велика? К «ядерной зиме» или к террористическим атакам? Если угроза атомной войны становится реальностью, почему не форсируется создание хотя бы крылатых высокоточных ракет нового поколения?

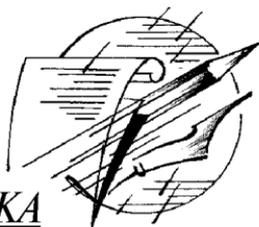
Почему для оперативно-тактических ракет «Искандер» не разрабатывается ядерная боеголовка? А если главная угроза террористы, то зачем нам вообще нужны армия, авиация и военный флот? Давайте все резервы бросим на укрепление полиции и Внутренних войск, а сами запишемся в народные дружины, возьмем в руки дробовики с дубинами и будем своими силами охранять от злодеев-террористов свои дома и свои поселения.

Если уж мы сами не понимаем сути происходящего, то, судя по первой реакции, на Западе лучшие военные аналитики рвут на себе волосы — в бессильной попытке осмыслить, что еще затевают «эти коварные русские».

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ В РОССИИ

Поклонники парламентского строя в связи с прошедшей предвыборной думской кампанией приуныли. Есть от чего: партии, допускаемые в Думу, отражают довольно узкий спектр политических предпочтений общества. Кругом медвежество и подмедвежество.

Прежде чем посыпать голову пеплом по поводу безвременной кончины российского парламентаризма, попытаемся ответить на вопрос: а когда же разделенность общества на партии приносила России пользу? Может быть, в период княжеских междоусобиц, когда чуть не в каждой области имелись партии: великокняжеская и еще одна или несколько партий, поддерживавших других князей? Наши древние летописцы высказали свое мнение по поводу такой многопартийности, от которой кровь лилась реками, — что она неслала Руси гибель, и ни один из авторитетных историков их мнение не оспорил. В приграничных землях — Новгородской, Псковской или Галицкой, помимо русских партий, присутствовали также иностранные: немецкая, шведская, польская, венгерская. Какое «благо» Русской земле было

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

от их наличия, хорошо известно. Как относились к ним богоспросвещенные правители, тоже известно: зачинщики иностранной ориентации, как правило, подвергались казни.

Детские годы будущего Царя Иоанна Грозного ознаменованы борьбой боярских партий. Смутное время поставило межпартийное противостояние на небывалую еще «высоту». Детские годы Царя Петра и время после его кончины также ознаменованы все той же борьбой. Пусть и ограниченный, однако введенный уже на законных основаниях в 1905 г., парламентаризм вновь наполнил Россию смутой, чтобы в феврале 1917 г. ввергнуть ее в пропасть разложения и анархии.

Еще в 1891 г. Лев Александрович Тихомиров, наблюдавший прелести парламентаризма во время своего жительства в Париже, охарактеризовал его так:

«Этот строй, во-первых, создает чрезвычайно плохое и, что еще важнее, не авторитетное правящее сословие. Патрициев, дворян, служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиканов — просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился. Это презрение отчасти происходит от невысокого умственного и нравственного уровня политиканов. Действительно, политическая деятельность либерально-демократического строя не требует людей умных, честных, независимых; напротив, эти качества скорее подрывают карьеру политикана. Для него нужна практическая ловкость дельца, беззастенчивость, безразборчивость в средствах, эластичность убеждений. Лучшая часть населения, люди, достаточно способные для других прибыльных занятий и в то же время дорожащие своими убеждениями, при таких условиях относятся к политической деятельности с некоторой гадливостью. Огромное большинство политиканствующего слоя ни в умственном, ни в нравственном отношении, выражаясь деликатно, никак не принадлежат к цветущей нации. Поэтому в населении нет и тени уважения к правящему им слою. «Это все каналы» — обычная, чаще всего слышимая фраза в публичке по адресу каждой новой fournee представителей народного самоуправления. Сверх того, люди различных партий в своей взаимной борьбе сами компрометируют перед народом свой и без того не блестящий персонал не только разоблачениями, но и прямо клеветой, выдумками». «...Второе обстоятельство. Этот класс, не пользуясь ни малейшим уважением, принужден, однако, управлять страной с таким произволом, которого обыкновенно не позволит себе самый даже популярный или грозный монарх. Произвол является оттого, что демократический парламентаризм стремится (по крайней мере, на словах) представлять ту волю народа, которой у него нет (голоса избирателей и воля народа — понятия не тождественные. — Св-к Сергей). Ту

же волю народа, которая действительно существует, то есть волю традиционную, парламентаризм вовсе не имеет в виду представлять и не может. Традиционную волю народа всегда более или менее хорошо чувствуют те классы и учреждения, которые наследственно сжились с народом. При этом условия иногда, особенно в неограниченной монархии, ощущение этой воли народа доходит до необычайной тонкости. Но это возможно лишь тогда, когда нет борьбы за власть, когда положение управляющего прочно, позволяя человеку постоянно думать о народе, а не о себе. Положение нового правящего строя совершенно обратное, он живет не народной, а кружковой жизнью, его традиции — свои собственные, а не национальные, и он вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему и слиться с ним духовно. Нет класса, живущего более вне народа, чем нынешние политиканы. Собственно же правительство, ими создаваемое, по самому принципу отрезано от народа».

Все это мы видим теперь воочию. С каждым новым созывом качество народного представительства падает. Второй раз в Госдуме будет исполнять свои трели квартет с экзотическим названием «ЕРКПРФЛДПРСР». Эффективность работы квартета, как ни странно, оценивается... количеством разработанных законопроектов и принятых законов. Когда я впервые услышал такие оценки, то подумал, что это очень своеобразный и очень тонкий парламентский юмор. Но услышав их и второй, и третий раз (а надо сказать, люди, эти оценки озвучивавшие, имели самые серьезные и исполненные глубокого личного достоинства физиономии) я был поражен столь сильно, что не мог свои эмоции высказать прозой — на ум приходили только строфы известной басни И.А. Крылова «Квартет»: «И ноты есть у нас, и инструменты есть... У нас запляшут лес и горы...» и т.д. «Господи, — взмолился я тогда, — где же тот соловей, что скажет медведю, ослу, козлу и мартышке: «...вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь»?

В действительности таких соловьев немало, но их не хотят слушать. Известный обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев говорил в 1896 г.:

«Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам роковой дар — всероссийский парламент! Да не будет». «Горький исторический опыт показывает, что демократы, как скоро получают власть в свои руки, превращаются в тех же бюрократов, на коих прежде столь сильно негодовали; становятся тоже властными распорядителями народной жизни, отрешенными от жизни народной, от духа его и истории, произвольными властителями жизни народной, не только не луч-

ше, но иногда еще и хуже прежних чиновников». «При демократическом образе правления правителями становятся ловкие подбиратели голосов, со своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов». «Естественным последствием всего этого является полнейший упадок законодательных собраний или демократических парламентов. По демократической теории, избранный представитель народа призван подавать свой голос не за то, что он признает полезным для народа или разумным и справедливым, но за то, что признают лучшим и нужным люди той партии, которая выбрала его и прислала, хотя бы это не согласовалось с личным его мнением. Таким образом, выбор представителей превращается в игру партий, столь же страстную, как всякое игорное состязание, игру, управляемую интригою, лживыми приманками и подкупом. Так и законодательство попадает в руки людей непросвещенных, нерассудительных, нередко и корыстных или равнодушных ко всему, что не соединено с интересом партии. Мало-помалу от участия в этой игре устраниются все люди прямой мысли, честного духа и высшей культуры, особливо когда каждый из них имеет на руках дело своего специального признания. Парламент превращается в машину, испускающую из себя массу законов непродуманных, неразработанных, не соглашенных между собою и совсем ненужных, не ограждающих свободу, но стесняющих ее в интересе одной партии или одной компании». «На фронтоне этого здания красуется надпись: «Все для общественного блага». Но это не что иное, как самая лживая формула; парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему «я». По смыслу парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности избиратели — в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя. Перед выборами кандидат в своей программе и в речах своих ссылается постоянно на вышепомянутую фикцию: он твердит все о благе общественном, он не что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы ради интереса общественного. И все это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей. Избиратели являются для него стадом для сбора голов, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе. Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы

для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти. Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на нее действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы — в угоду одним, в угрозу другим; длинная, нескончаемая цепь однородных маневров, образующая механику парламентаризма. И такая-то комедия выборов продолжается до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание... Жалкое человечество!»

Если мы наконец дождемся угасания и отмирания российского парламентаризма, то я на поминках в его честь обязательно подниму бокал за «медведей», за его могильщиков. Если «классический» парламентаризм есть фикция, то наши выборы, являющие фикцию фикции, просто обязаны дать положительный результат — разумеется, не в лице «выбранных» представителей, а в коренном переломе общественного сознания, которое почувствует отвращение как к выборам, так и к прочим побрякушкам либерализма. И тогда начнется демедведизация, а может быть, даже и размедвеживание России. И лучше, если этот процесс будет инициирован сверху. Нынешняя попытка привлечь к избираемым представителям формально беспартийных (идея Общероссийского народного фронта), возможно, не просто предвыборный трюк, но и проявление стремления к размедвеживанию власти.

Как хотелось бы дожить до упразднения всех партий! Медвежество сейчас представляет власть, а подмедвежество, так называемые оппозиционные партии, создает фон. Будет гораздо лучше для самой же власти, если она сбросит с себя медвежьей шкуры и откроет настоящее лицо. Хватит гоняться за иностранной модой. Когда-то были в моде накрахмаленные парики, а потом люди их сняли — и никто от этого не умер. Так же можно поступить и с парламентаризмом.

Пусть еще один русский пророк представит нашему думскому квартету его портрет. И.А. Ильин писал в 1951 году:

«Каждая партия приглашает избирателя «сделать свою ставку на нее» (как на скачках!) и принять участие именно в ее заговоре. Но лучшие люди государства — умнейшие и честнейшие — отнюдь не сочувствуют таким заговорам и не желают в них участвовать. Зато худшие... Пролазы, карьеристы или прямые мошенники... готовы сделать свою «ставку» по прямому расчету. Таким образом, идея лучшего гражданина заменяется в демократиях идеей партийно-приписанного, партийно-угодившего и партийно-преуспевающего ловчицы; а это решительно не одно и то же... можно быть уверенным, что если в России после большевиков восторжествует крайне-правый (или какой-нибудь иной, межсеумочный) тоталитаризм, то в ряды этой

партии хлынет всевозможная революционная и пореволюционная чернь, всякие плуты, перебежчики, карьеристы и чужие агенты... Как всегда, они будут обнаруживать особенное новопартийное пристрастие, оказывать своим клеветам, — «нашим!» — всяческую поддержку в служебных хозяйственных и житейских делах; и качество нового «отбора» окажется на самом последнем уровне. Партийность как бы прямо создана для того, чтобы отбирать худших, которые образуют какое-то молчаливое «общество взаимопомощи», прикрывают взаимные растраты, худые дела и даже преступления и создают в государстве комплот безответственности и безсовестности». «Этот отбор партийных людей, согласных повторять без конца все глупости партийной догмы и все инсинуации партийного производства, само собой разумеется, отталкивает людей высшего духовного качества: люди первого сорта вообще очень редко вступают в партии. Партийность прямо гонит лучших людей из политики: такие люди не умеют и не хотят думать чужими мыслями; их повышенное чувство ответственности внушает им прямое отвращение к партийной болтовне и особенно к партийным инсинуациям. И таким образом выходит, что партийное строение государства прямо поощряет пошлость и безответственность политической мысли. И понятно, что чем глубже, дифференцированное и ответственнее человек, тем труднее ему «выдумать» политическую программу, тем более, что партийная программа есть догма, а политика есть жизнь и творчество».

Поэтому Ильин был убежден, что на переходном этапе развития, ведущем к исконно-русскому монархическому строю, должна быть установлена **национальная диктатура**. Сейчас наше общество, насытившись прелестями либерализма, кажется, созревает для национальной диктатуры. Нужно упразднить как партии, так и самый парламент, что позволит начать работу по восстановлению реального суверенитета РФ. Россия очень быстро может превратиться в новый центр политического влияния в мире и привлечь к себе симпатии большинства населения Земного шара. Нужно уметь пользоваться просчетами своих стратегических противников.

ИСПОВЕДЬ ДЛЯ ВНУКА

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Сегодня тебя нету со мною, хлопчик мой. И я тоскую. Мне невыносимо одиноко. Я переполнен воспоминаниями. Мне хочется поделиться ими. Потому я мысленно разговариваю с тобою, прижимаю тебя к своему боку, как это делал всегда, наклоняюсь, целую в самую макушку, улавливая непередаваемо родной запах твоих щекожных волос.

У меня не было сына, у меня две дочки. Я люблю их, буду любить до скончания дней, это естественно: отец-родитель. Но мысль о сыне не оставляла меня никогда. Кому передам имя? Кто понесет дальше фамилию?

У меня не было сына. Казалось, весьма несправедливо судьба поступает со мною. Она была милостива ко мне, храня в войну на море и на суше. Она позволяла вражескому рваному железу только ранить меня, но не поразила насмерть. Она спасла меня от голода в ленинградской осаде, дала возможность познать уладу мирного бытия, наградила любовью, семьей, но не дала сына. Я сокрушался, делясь с друзьями — бывшими фронтовиками — своим невезением. Меня успокаивает

ПРОЗА

вали. То ли в шутку, то ли всерьез утверждая, что у настоящих мужчин всегда рождаются дочери. Именно дочери! Но это слабое утешение. И когда я уже оставил свои высокие надежды, обреченно согласившись то ли с Судьбой, то ли с волею Божьей, моя младшая подарила мне тебя, внука. Дала мое имя, мою фамилию.

Я родился заново!

И вот вновь теряю... Нет-нет! Ничего такого не случилось. И даст бог, не случится, не стану накликаю беду-несчастье. Всего-навсего ты уехал. Далекое уехал, ой как далеко! Улетел за моря-океаны. Унесся на край света, на самый край!.. Перед моими глазами вечно будет стоять машина — белый вездеход, который увез тебя с мамой в ночь. Потому он, вездеход-разлучитель, видится мне черным, дьявольски темным разлучником.

Я вынес к подъезду чемодан. Вернулся за сумками. Мама твоя у зеркала, что висит в прихожей, наспех красила губы. Бабушка общеловывала тебя, что называется, с ног до головы. Юлик — водителя, которого ты усмешливо называешь «другом семьи», суетился, заметно паниковал: «Улетит, как пить дать, улетит!..» О самолете так. Тут же несколько успокоенно повторил заигранную байку о старом мудром еврее, который утверждает: «Лучше на час раньше, чем на минуту позже». Поезда и самолеты замешкавшихся не ждут.

Раскидистые тополя шумели невидимой, не успевшей облететь шершавой листвой. Сухая снежная крупа ранней зимы колола лицо. Я еще не простился с тобой по-настоящему, как дверца машины захлопнулась с хрустом. Пыхнув клубом горькой отработки, вездеход рванул с места, обдав меня слякотью из-под колес.

— Прощай, хлопчик мой!

Старый моряк-фронтовик, прошедший все мыслимые и немислимые испытания, я перекрестил тебя, подавшись вслед, вытер рукавом кожаной куртки слезную дорожку на щеке. Задубелый атеист, стану молить Господа, чтобы уберег тебя за океаном. Особенно над океаном! Потому что сам когда-то тонул и ведаю, что это такое. Дальше будет Куба, посадка. Парная теплынь охватит тебя. Верю, над Кубой и на Кубе с тобой ничего не случится. Куба заправит твой летак и подкинет снова в небо, следя за его сохранностью до самой Мексики. А в Мексике, в Мехико — твой крестный, к которому вы с мамой летите. Он утверждает, что любит вас не меньше моего.

То и дело дурная мысль сверлит голову: самолеты падают, поезда сходят с рельсов, корабли тонут...

Но не надо, не надо об этом. Не то свалюсь раньше времени. А мне бы хотелось дожидаться тебя, хлопчик мой, хлопчисько любый — мое прошедшее, мое настоящее, мое будущее. Если что — не дай бог! — черная дыра.

Молю крестного: прими хлопчика с небес, поставь на твердую почву. Ты сманил его вместе с матерью, ты осиротил меня, лишил внука, лишил дочери...

Крестный, не добившись от дочери согласия на брак, не закрепив, как хотелось, свое положение «друга семьи» венчанием, зашел с другого боку: предложил стать крестным отцом внука. А там время, дескать, покажет, судьба рассудит. Случай наградила его состоянием. Чтобы уберечь, закрепить, а то и приумножить оное, пришлось махнуть на другую сторону света, где ночь не вовремя, лето не вовремя, где, по моему понятию, люди ходят вниз головой, а зимы и вовсе не существует.

Ты крещен в храме Казанской иконы Божией Матери, что на Красной площади. Теперь ты защищен ее святым Покровом. Пойми, я не против. Я даже рад крещению. Но меня на него даже не позвали... Впрочем, долой старческое брюзжание! «Начинается Земля, как известно, от Кремля». Для тебя — буквально так. Планида твоя, может быть, действительно открывается с крещения, и отсчет протяженности путей твоих, протяженности дорог временных берет начало здесь. Когда я был в твоих годах, батько мой — твой прадедушка — частенько напевал, беря меня на колени:

*Маленький хлопчик,
Влиз на стовбчик,
Удудочку грае,
Христа забавлае.*

Я тоже крещеный. Правда, святая купель моя находилась не у знаменитых стен великого города, а в далекой глухой слободе на Катеринославщине. Но где бы кто ни крестился — вера у нас единая, православная. Надежная скрепа.

Я так торопливо разговариваю с тобою, так спешу, перескакиваю с одного на другое. Прости, славный мой хлопчик, мне о многом надо тебе поведать. Успею ли? Я даже не знаю, в какой точке земного притяжения ты сейчас пребываешь. То ли над Карпатами, то ли над Альпами, то ли над Кордильерами. Возможно, мой горячий мозг зря закинул тебя так далеко? А ты всего-навсего находишься где-то в подмосковных Химках, что на пути к международному аэропорту? Все может быть. Ведь я потерял счет времени, нахожусь в нереальном мире. Для меня даже Шереметьевский аэродром кажется краем света.

Больно заходить в твою опустевшую комнату. Еще больнее глядеть на осиротевшую кровать. На ней сгрудились: лопухий заяц, косматый медвежонок, белочка, бычок, хомячок, какая-то зеленая, непривычная, с высокими желтыми ушами зверюшка. Бабушка называет ее драконом. Но я не уверен. В книжном шкафу собрание фантастики и приключений — целая библиотека, которую с трудом удалось выписать еще при советской власти. Сокровище!.. На книжной полке — проигрыватель серебристого цвета. На шкафу, сверху — парусные романтических времен корабли: корветы, фрегаты, бриги. И более современные: крейсера, линкоры — без парусов, зато с высокими трубами. Твоя работа. Мастерил, клеил, красил. Достойный труд, похвальный. Я не раз отмечал. Видать, потому в мой день рождения ты преподнес близкий моему сердцу подарок: трехтрубный крейсер «Аврора». Ты поднимался на его палубу, когда ездил с мамой в Питер. Так много о нем рассказывал. Я жадно слушал тебя. А в ушах стоял гул непрерывной канонады, виделся заснеженный город, оледенелая Нева, всполохи буквально озверевших орудий главного калибра крейсера «Киров» — корабля, олицетворявшего мое время. Если говорить о сегодняшних символах — это большие противолодочные корабли, а то еще авианесущие крейсера, вроде «Киева» и «Минска». Где они сейчас, не знаю, не видать их в наших водах. Не иначе, проданы. У нас все сегодня продается, даже люди. Но это так, к слову. Самый могучий сегодня флагман — атомный авианесущий крейсер «Петр Великий». Красавец! На таком бы послужить, походить по морям, по волнам.

Бабушка твоя все больше лежит. Сготовит обед-ужин, постучит на швейной машинке или погладит белье — и лежит. У нее нога... Тебе известно: я покалечил, сделал ее несчастной. До скончания века не будет мне прощения. Горько об этом вспоминать. Да я вслух и не вспоминаю, но про себя твержу ежечасно: нет мне оправдания. Потому стараюсь ей во всем помогать. Убираю в доме, хожу на рынок, ношусь по магазинам. Ищу, где что подешевле. Ты уже в курсе: денег у нас — кот наплакал, две пенсии, ее и моя. По достоинству они ниже так называемой корзины. Понятнее будет сказать: ниже уровня бедности. Воевали, строили, создавали могучее государство — оказались за чертой.

Бабушка только что попросила зажечь лампадку, которая висит над твоей кроваткой. Я удивился:

— Что с тобой?

— Как-то мглисто на душе.

Зажег. Перекрестилась, отвесила поклон иконке, где Мария с Младенцем. Странно наблюдать. Мы ведь с ней люди иного воспитания. Хотя и крещеные, но неверующие... Погоди-погоди, кто сказал — неверующие? Ох, еще как верующие! Это многие современные, сникерсно-попсовые без веры... До бог с ними.

Где ты? Почему так долго никаких вестей? Я не знаю, что и думать. Все из рук валится. За что ни возьмусь — не могу довести до ума. А тут еще катастрофа. Над тем же океаном. «Боинг» египетской авиакомпании. Целая флотилия вспомогательных судов США обследует квадрат, поднимает на борт все, что осталось. Не приведи господь! Бабушка недовольна:

— Зачем себя изводишь?

— Разве нельзя дать телеграмму? Одно бы слово: прилетели! Неужели у крестного не найдется несколько долларов?

— Бери сумку, топай на Черемушкинский рынок. Соседка бает: тульские машины привезли картошку. Дешевую.

Бегу дворами. Ты ведь знаешь, на трамвай не сажусь. Ножками, ножками — так здоровее. Преодолеваю серьезную преграду — Ленинский проспект. Машины, машины — их же теперь чертова погибель — не переждать. Дальше — низина, где кооперативы высотки возводят. А вот и рынок. Сколько ни ругаю себя, не торопись, мол, обойди все ряды, загляни во все фургоны, приценись, поторгуйся. Дак нет, с ходу хватаю, что попадая, после жалею, переживаю. Деньги угробил, а ничего путного не приобрел. Ну не дурак ли, скажет бабушка, прости господи. Да и картошку взял — что это? — одна мелочь, горох. Никак специально выбирал? Начнешь огрызаться: ходила бы сама! Ходила бы, повторит обреченно, ходила бы, если бы... Умолкаю прибито, упрекаю сам себя: зачем затронул больное. Прости, прости, старая подружка. Извини шалопая. В раздражении ляпнул. А если хочешь знать, открою все то, что думаю о тебе после полувека супружеской жизни. Может, иные видят в тебе только черты увядания и впрямь считают старухой, а я так не считаю. Мне все видятся в твоём лице, в стане твоём, до сих пор не утратившем стройности, черты той девочки, девушки, лады, которая была так легка в походке, так резва — ласточкой порхала. Потому и называл тебя ласточкой. Слышу тогдашний молодой стук каблучков твоих по асфальту — и сам молодею...

Это я о твоей бабушке, хлопчик мой любимый. Бабушка для меня — существо особенное. Пятьдесят лет, как мы женаты.

Что скажешь, много это или мало? Мне сдается, мало. Время пролетело — не успел оглянуться.

Познакомились вскоре после войны. На новогоднем капустнике в моем институте. Обычно мы приглашали на свои представления студентов из разных вузов. Она была в финансово-экономическом. Пришла с подругой. Я случайно зацепил их взглядом — и уже не мог оторваться. После вечера пошел следом за ними. Что называется, начал преследовать. Нехорошее это дело. Умом понимал, а ноги сами несли. Несли до тех пор, пока подружка ее не остановила и не пригрозила:

— Товарищ моряк, если не отстанете, позовем милицию!

Она вдруг выдала себя, я так подумал, что выдала, вроде бы поощрила меня:

— Ой, зачем же? — возразила. — Не надо милиционера!

Я подошел вплотную.

— Решил проводить. Мало ли что?..

Они заговорили вместе, словно в чем оправдываясь:

— Ну, зачем? Что вы? Нам недалеко... Вот и наш троллейбус!

Но на троллейбус не сели. Я заметил, как она попридержала за рукав пальто подружку, которая было потянулась сесть.

Ночь стояла лютая. Девчонки прятали подбородки в меховые воротники. А я, моряк, что называется, вся корма в ракушках, решил показать себя — расстегнул верхний крючок и две латунные пуговицы с выдавленными на них якорями, раздвинул отвороты шинели на груди, чтоб тельняшка рябила: знай, мол, наших!

— Простудитесь!.. — Теперь уже забеспокоилась ее спутница. — У вас же одежда на рыбьем меху!

А она молчала. Только какую-то озабоченность заметил в глазах. Присмотрелся — бог ты мой! — темные, в пол-лица. Ощутил испуг: куда же мне — сиволапому, белобрысому — утону!..

С девушкой, сопровождавшей ее, простились у соседнего корпуса. У последнего подъезда спросил:

— Увидимся?..

— Если не передумаете.

Номера квартиры не назвала. Да я и не решился бы стучаться. Несколько дней подряд дежурил на дальней скамейке скверика, наблюдая за проходящими — а вдруг! Решив, что дело безнадежное, оставил прогулки. Месяц или больше не ходил. И — есть же Бог на свете! — вдруг увидел ее на остановке, на той самой, где задержались после новогоднего капустника. А на дворе уже капель!.. Капель, хлопчик мой. Какое это прекрасное время — капель!

С ужасом думаю: а что, если бы не встретил? Неужели до конца дней оставался бы одиноким? Уверен, ни с какой другой жить не смог бы. Она моя. Она единственная. Другой такой найти невозможно. Прическа, поворот головы, чутко приподнятые плечи, продолговатое смуглое лицо — Бог создавал для меня. По моему вкусу, по моему страстному желанию.

Сам не знаю, зачем об этом говорю. Хотя как не сказать? Ты же, еще будучи в первом классе, поведал мне под строжайшим секретом, что женишься. Выбрал суженую — писаная красавица и умница, конечно. У нее модная прическа под мальчика, минни-юбочка розового цвета — «от Диора», темно-коричневые башмачки с золотыми пряжками на низком каблучке — «от Ле Монти». Подробно описал, со знанием дела. Еще бы! В телепередачах тебе пуше всего нравились рекламы. Заучивал наизусть. Если иногда, бывало, выключим звук, ты озвучиваешь картинки по памяти.

Как-то во втором, может, в конце первого школьного года неожиданно заявил, что разочарован. Разлюбил окончательно, и жениться не собираешься. Спрашиваю: почему? Много о себе понимает, отвечаешь. Носит дорогие часики на шею на золотой цепочке, вместо медальона, и джинсовые брюки в обтяжку.

В последние два года о взаимоотношениях с прекрасным полом ничего от тебя не слышу. Взрослеть стал. Застеснялся. Начал понимать, что дело это потаенное.

Думай о другом. Помнишь, я рассказывал о поездке в родные края? Многие старики не могут ездить далеко. Накладно получается. Одна дорога съедает враз пенсию. Но у меня льгота — инвалид войны. Плацкарта туда-сюда бесплатная. Правда, это привилегия еще с прошлых времен, с советских. По сю пору осталась. Новые «демократические» власти, похоже, данную льготу скоро отрубят. Не зря же в ходу поговорка: что бы ни случилось — все к худшему! Так вот, поехал я, что называется, с друзьями повидаться и себя показать. Только все получилось не по задумке: повидаться оказалось не с кем.

Первым делом отправился к Ивану Федосеевичу. Бравый такой майор в прошлом. Летчик, герой войны. Когда-то в первый класс с ним бегали. Ежегодно встречались до девяносто первого, рокового. А когда Советскую страну разрубили на куски, когда Украина и Россия стали самостийными, незалежными (бог знает, от кого. От самих себя, наверное), когда установили границы, подняли до небес цены, поездки пришлось притормозить. И вот через несколько лет

выбрался. Стучусь в его городскую квартиру. Долго, безрезультатно. Открывается дверь напротив, сообщают, что похоронен еще в марте. Ну что ж, съездил на гробки, положил гвоздику. На рынке поменял рубли на гривны (шило на мыло!), заглянул в «забегаловку». У высокого расшатанного столика, где «причащаются» стоя, выпил горилки, помянул самого близкого кореша — «Хотел я выпить за здоровье, а должен пить за упокой».

Куда теперь? Перебрал всех друзей по памяти — некуда. Все уже там... И Микола Петрович (он поспешил первым «отдать швартовы»), и Петро Йосыпович, Пэтя (он моложе всех нас), и Захарько, Федя Мигас, Иван Гарбуз — бывший председатель сельсовета, Николай Трифонович Вдовиченко — его батько был у Махно начальником артиллерии, сам он работал главврачом горбольницы в Бердянске, к нему ездила лечиться вся наша слобода, никому не отказывал, хотя в слободе есть своя аптека — золотой души человек. Иван Акимович — летчик... Да разве всех перечислишь? Осиротела моя родина, почужела. Одним словом — заграница. Или еще говорят «зарубежье», хотя и добавляют смягчительно: «ближнее», но близости не чувствую. Отдалено. Отрешено. Отрублено...

Одинокому одна дорога — в церковь. Не считая, взял складку тонких восковых свечей на все оставшиеся гривны. Зажег каждую от горящих, поставленных другими. Разнес по алтарю. Может, не всем усопшим хватило моих свечек? Простите. В одночасье всех не вспомнить, не перечислить. Сколько бы ни поставил — все будет мало. Многих потерял в военное лихолетье, многих после. Удивляться можно только тому, что сам до сих пор землю топчешь. А ведь не раз стоял у обрыва, не единожды прощался... Подумалось: раньше навещал дружеские дворы, теперь — могилы.

Вот две заветные: здесь покоятся отец и мать — татко и мамка. Цементные надгробья, портреты на керамике. В Москве заказывал. Могилки покосились. Особенно мамкина, она старше таткиной на целых одиннадцать лет. Куковал старик в одиночестве, как ему показалось, целый век. Выравниваю плиты, подбиваю найденными поблизости камнями, притоптываю землей. Добро, в кармане оказался перочинный нож, выкорчевал им траву на могилках и вокруг. Носовым платком протер дорогие лица на керамических портретах, двинулся на Мариупольское шоссе. Мне же надо попасть в город. Там перебыю часика два-три на вокзале. Ночью двину в обратную дорогу. Как все оказалось несложно и непродолжительно. Всех обошел. Со всеми повидался. Обо

всем переговорил. Свечки поставил — на душе прояснилось. Теперь бы засветло успеть в город. До шоссе, где то и дело мелькают машины, не близкий путь, но что же делать — надо топтать. Раньше легковушки и рейсовые автобусы пересекали слободу по центру. Теперь объезжают вон аж по-за Гусаркой, что на отрубе. Крюк — будь здоров. А все дело в том, что деревенский мост через речку разрушен. Старый мост, еще царских времен. Думали, износу не будет, а вот, поди ж ты, рухнул. Люди шутят: кончилась советская власть — и мост развалился. Сперва его приватизировали какие-то проворные «новые украинцы» из Запорожья, сняли железную арматуру, оградительные трубы, сдали в утиль. Обещали, не мешкая, положить бетонные перекрытия, укрепить опорные быки, расширить проезжую часть. Обещанного, как известно, три года ждут. Прошло уже дважды по три, а воз и ныне там. Правда, для пешеходов соорудили кладку: кинули по бетонному кубу на обоих берегах, между ними натянули тросы, подвесили плахи. Качели, да и только!

Преодолевая речку по шаткой кладочке, вспомнил, как во время летних ливней, когда вода поднималась суть ли не до настила моста, прыгал с друзьями в мутную круговерть. Не заметил, как добрался до большака, где бензоколонка и зупынка. Выставил правую руку с оттопыренным вниз большим пальцем: зупыны, мол, будь ласка, подвези до города. Отдам, что пожелаешь, только зупыны! Надо уточнить: когда уже сидишь в салоне, мягко млеешь на заднем сиденье, душа становится жестче и расчетливей, начинаешь прикидывать, а во что обойдется эта затея? В кармане ни одной гривны. Рубли, ясно дело, еще остались, да возьмут ли brave казаки-самостийники рублями? Чужаком чувствую себя в родном Отечестве, совсем чужим. Ладно, решаю, выкрутимся: будем ехать мимо городского базара, поменяю гроши, расплачусь.

— Батько, звидкиля вы? — по-украински подал голос сидящий рядом с водителем.

Прокашливаюсь, сипло отвечаю, вроде в чем-то оправдываюсь:

— Я, ребята, москаль... — Признаюсь, ожидая худшего. А ну как останоят машину да вытолкнут меня на волю? Утверждают же в Украине, что все беды от москалей. Вроде бы даже лозунг выдвинули: «Геть русаков из наших украинских тюрем!»

Слышу, парни (и водитель, и тот, что со мною рядом на заднем сиденье) в один голос недовольно замечают, переходя на русский:

— Зачем вы так: москаль, москаль?.. Мы и Киев уважаем, и Москву не забываем.

— Дак я же полагаю...

— Что все мы тут самостийники упертые. Не так ли, батя?

— Примерно так...

— А нам сегодняшней раздрай — вот где сидит! Такая была Краина!..

Милые мои сыночки, шепчу покаянно, как я счастливо ошибся.

Сосед по сиденью, приглядевшись к моим наградным планкам, удивляясь их обилию, протянул восхищенно, переходя в разговоре на чисто русский манер, зовя меня не на «вы», как обычно принято в Украине, а на сближающее возрaсты «ты».

— Дед, да ты никак Берлин брал?

— Брал, — утверждаю, не моргнув глазом. — Конечно, брал, сынок! Каждый солдат и каждый матрос, в каких бы водах он ни плавал, какие бы поля ни утюжил брюхом, какие бы села ни оставлял, какие бы города ни отвоевывал заново, брал Берлин. Брал!

— Ну, дед, тебе цены нету! Да, были люди в ваше время, — начал перефразировать известные строки, — не то, что нынешнее племя, богатыри, не мы! — воскликнул с горьковатой улыбкой.

Я, нащупав его локоть, пожимая, стал успокаивать:

— У вас, хлопцы, все впереди. Надо верить: возьмете и вы свой Берлин!

Когда в конце пути я заговорил об оплате проезда, ребята недовольно сникли. Водитель озвучил их настроение:

— Обижаете...

Простите, дети мои, у меня действительно получается в этот раз все невпопад. Старею...

ВОЙНА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

События последних месяцев со всей очевидностью заставляют всех думающих людей если и не решить, то по крайней мере поставить, сформулировать ряд вопросов, от которых зависит дальнейшая судьба цивилизации.

Главный вопрос — почему «сильным мира сего», угнетающим, грабящим и убивающим простых людей, все так легко удается? Почему те, кто защищает справедливость, постоянно отступают?

Скорее всего надо сначала дать строгий ответ на вопрос: кто такие «сильные мира сего» и — еще главнее — что такое «справедливость»? Этому и посвящена работа.

То, что произошло в Ливии, — яркий показатель. Ничем не спровоцированная агрессия «ядра» мировой системы капитализма против одной из последних независимых стран — это фактически объявление войны человечеству. Наднациональные управляющие структуры, базирующиеся в США, используя «подставных» агрессоров в лице Франции, Великобритании и примкнувшего к ним

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Катара, под предлогом поддержки «повстанцев», роль которых играли их же агенты в Ливии, развязали циничную войну. Цель войны — включение Ливии в единую мировую систему управления, где, в том числе по внутренним вопросам, решения принимаются вне этой страны, причем по единому, но официально не декларируемому образцу. При этом степень самостоятельности новых «властей», в отличие, например, от Китая и даже России, здесь будет минимальной — фактически речь идет о совместном колониальном владении конгломерата стран Запада во главе с США через «подставных» лиц («номиналов») в лице так называемого «переходного национального совета».

«Цивилизованным сообществом» в качестве образца, на который можно ссылаться при своих действиях по укреплению власти над миром, сформирована система требований к соблюдению так называемых «прав человека», которой, как уже считается, все страны обязаны подчиняться. Это то, что послужило основанием для предъявления претензий бывшему, зверски убитому лидеру Ливийской Джамахирии Муаммару Каддафи и пока еще сохраняющему свой пост президенту Сирии Башару Асаду. И неважно, что в формировании этой системы требований страны (объекты давления) не принимали участия, равно как и не участвовали в решениях по введению ее в действие.

Заодно, как мы все видим, развязана организационно-экономическая война против Белоруссии, но пока это не является направлением главного удара. Сейчас готовится агрессия против Сирии и Ирана. При этом одна из двух будущих жертв (Сирия) тихо сидела в углу, пока уничтожали Ливию, и благодаря ее многомесячному героическому сопротивлению пользовалась отсрочкой, другая (Иран) — даже приветствовала свержение Каддафи. Минску же в дни падения Триполи дали возможность заключить выгодные сделки с Катаром.

Очевидно, что целью мировых управляющих центров является фактически подчинение всех стран единой воле, может быть, пока с разной степенью автономии. Можно предположить, что основными требованиями здесь являются следующие. Первое — безусловное, пусть и не публично заявленное, признание легитимности этого единого управляющего центра и его права на «последнее слово» в спорных вопросах. Второе — подчинение внутренней жизни в стране... неким единым канонам, стандартам. Третье — согласование с мировым управляющим центром всех кандидатур на замещение ключевых должностей. Четвертое — при сохранении

права принимать самостоятельно отдельные решения национального и регионального уровня компетентности — готовность безусловно выполнять особо важные категорические требования единого центра. Пятое — безусловное пресечение опасной для мирового центра деятельности тех или иных конкретных лиц, то есть фактически отказ в убежище для всех врагов «нового мирового порядка».

Когда Кремль снимал с должности посла России в Ливии Владимира Чамова, заявившего, что Москва должна была не допустить агрессии, то власти объяснили это решение тем, что дипломат, дескать, неадекватно понимал интересы страны и сводил их к интересам отдельных корпораций (например, РЖД, «нефтянке»). Многие тогда задались вопросом: а в чем же заключаются истинные интересы России? А вот в этом и заключаются: ради того, чтобы быть интегрированными в единую управляющую систему, можно и поступиться отдельными прибылями отдельных компаний, даже если они и ведут себя чисто по-империалистически. Подчиняться единой мировой системе управления — высшая и абсолютная ценность, если кому-то что-то до сих пор непонятно, как тому же Чамову. И если принято категорическое решение (решение «красного уровня»), то «национальные директораты» обязаны, даже если это и принесет местным компаниям конкретные убытки, взять под козырек.

Ливия при Каддафи, хотя и вынужденно демонстрировала дружелюбие, взаимовыгодно торговала с Западом своими углеводородами, но на интеграцию в единую систему управления не шла. Итог — ее уничтожение.

Ранее СССР также отказывался «интегрироваться», более того, из-за своих устремлений построить альтернативную мировую общественную систему представлял собой проблему номер один для «хозяев мира». Хотя отдельные субъекты в высших эшелонах власти и служили интересам Запада, но как система Советский Союз был абсолютно неприемлем. Итог — агенты единого мирового центра в Кремле легко и непринужденно уничтожили СССР в период с 1985 по 1991 год.

«Системно» независимыми государствами после падения Ливии на сегодняшний день остаются Куба, Белоруссия, КНДР, Сирия, Иран, Зимбабве. Континентальные латиноамериканские государства, где у власти находятся левые политики, все же пока нельзя стопроцентно отнести к этой категории, потому что текущее состояние независимости от мирового центра обусловлено лишь персоной главы государства. Прежний аппарат управления этих стран не сломан, не заменен, так что при пере выборах руководства есть опасность

повторного их включения в мировую иерархию. Китай все же в ходе сближения с США в 1970-х годах, олицетворением которого был, в частности, визит президента Ричарда Никсона в 1972 году, в общем, признал высший суверенитет над собой «пяти требований», хотя и выторговал себе значительную «автономию».

Явный отказ подчиниться хотя бы одному из вышеизложенных требований фактически означает вызов системе и ведет к риску уничтожения либо системы либо устранению неугодного главы государства. Мировой центр не может существовать иначе, нежели подчиняя себе другие страны, беря все новые и новые территории под контроль, в том числе, при необходимости, и под военный. Характер действий этого центра дает основания полагать, что существует некий план, где и фундаментальные действия, и даже базовые даты, по-видимому, определены заранее. Конспирология конспирологией, но в отсутствие сравнимого по силе, обладающего системной волей противостоящего центра можно позволить себе роскошь на любые даты заранее, за много лет, назначать абсолютно любые события. Нет ни СССР, ни тренда мировой революции, которая отправила бы преступных «хозяев мира» на свалку истории. А ведь был шанс в прошлом веке.

Не исключено, что пламя нынешней дестабилизации разжигается для того, чтобы в условиях нарастающего хаоса навязать миру «новый порядок», который будет претворяться в жизнь наднациональными органами, действующими уже открыто и официально.

Складывается впечатление, что, вынужденно допустив в 1917 г. развитие части мировой цивилизации по «неклассическому», «радикально-прогрессистскому» пути и спустя несколько десятилетий все же одержав победу, консолидированный мировой капитал последовательно производит зачистку «последствий» того, что было сделано благодаря этому «отступлению» во всем мире. В том числе и в странах, всегда бывших под властью капитала, но где правящие круги были вынуждены под влиянием весомых аргументов в виде существования социализма пойти на уступки трудящимся. Идет «нормализация», «выравнивание» цивилизационного пространства в направлении того состояния, как если бы Октября 1917 года не было вообще — а значит, не было ни восточноевропейских «народных демократий», ни Китайской Народной Республики, ни КНДР, ни Кубинской революции, ни Ливийской Джамахирии.

При этом нам говорят: «Победила демократия». В таком случае что же она собой представляет? Или, может быть, она не что иное, как война против человечества? Тогда какую демократию нам предлагают в России?..

От редакции

После данной статьи необходимо, на наш взгляд, сделать некоторые уточнения, а, вернее говоря, прояснения поднятой темы, давно назревшей и в прямом смысле стучащейся в наши двери.

Уже понятно всем грамотным и думающим людям, что земной мир фактически захватила жестокая, бесчеловечная масонско-фашистская мафия, скрывающая свою звериную личину под масками «демократов», «либералов», «прогрессистов» и т.п. Эта банда подчинила себе практически все международные организации и с помощью подкупа, санкций, бесцеремонного диктата и военной силы подавляет любое ей сопротивление, стремление к независимости каких-либо «стран-изгоев», дискредитируя и шельмуя через СМИ любое проявление подлинного свободомыслия.

Эта глобальная сионо-фашистская мафия, во главе которой стоят США, Англия и Израиль, возомнила себя хозяйкой Земли. Она и впрямь в реальности ведет себя как хозяйка на Земле, т.к. противостоять ей мог только СССР, которого больше не существует (агенты этой мафии внутри СССР его уничтожили).

Большинство народов нашего мира сознает, какая преступная мафия захватила планету, но пока не может ничего сделать для освобождения Земли от этой зарвавшейся банды, в руках которой — военная машина НАТО, ООН, печатный долларовый станок и тотальная власть электронных СМИ. Наш мир находится под беспощадной диктатурой этой масонско-фашистской мафии. Во всех европейских странах принят закон, нещадно карающий за малейшие попытки разоблачения ее природы и действий, и тысячи людей, сказавших правду, сидят в тюрьмах или уничтожены физически. Но человечество всё более и более прозревает истину. Цель этой мафии, захватившей Землю, — развязать Третью мировую войну.

Более подробное развитие данной темы — в следующем материале.

Анатолий САМАРИН
Юрий ЛИСОВСКИЙ
Людмила ФИОНОВА

ТЕХНОЛОГИИ БОРЬБЫ

Кто формирует власть?

Даже политически наивные люди понимают: власть формируется не на выборах и «свободное волеизъявление народа» — лишь спектакль, назначение которого — легитимизировать власть, которая якобы будет действовать от имени народа. В действительности же «демократические власти» России последние двадцать лет формируются теневыми структурами, выражающими интересы международной финансовой мафии. Безусловно, этот фактор влиял на государственную политику России и во времена СССР, и в предшествующие периоды, однако сегодня он стал решающим.

В мире завершается формирование нового механизма управления обществом через создание надгосударственной элиты, которая играет роль глобального регулятора, неподконтрольного обществу. Узурпировавшие властные функции глобальные группировки формируют национальные управляющие элиты помимо воли общества за счёт административного, финансового и силового ресурсов с использованием технологий управления сознанием,

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

«имитационной демократии», «теневых процедур», о которых общество почти ничего не знает.

Рождение таких глобальных надгосударственных элит, опирающихся только на деньги, не имеющих привязки к интеллекту, морали, не связанных с какой-либо страной, неподконтрольных обществу, несёт особую опасность для народов. Эти группировки, как никто другой, коммерциализируют все источники власти в обществе, порождая системную коррупцию. Они разрушают все другие элиты, основанные на реальном производстве, науке, культуре, религии, в результате чего последние перестают выполнять регулирующую роль в обществе. В России этот процесс идёт в исключительно примитивной и криминальной форме.

Властные органы формируются ныне закрытыми структурами (по типу масонских), которые тщательно отбирают претендентов, устраивают им смотрины (это слово открыто фигурирует в прессе) в личных встречах с политической «элитой» Запада (встречи Горбачёва с Дж. Бушем, М. Тэтчер и др.), на Давосском форуме и других закрытых мероприятиях глобальных элит, в процессе пребывания за рубежом (например, Александр Яковлев в США) и т.п.

«Всенародно избранные» — а на деле, тщательно отобранные глобальной элитой — так называемые национальные лидеры не подотчетны никому, кроме этих глобальных элит. Формально они подчиняются национальной конституции, но на практике ограничены в принятии решений транснациональными компаниями и наднациональными организациями (М. Гликин, Н. Костенко. «Двойной преемник», газета «Ведомости» №87, 2011 г.).

Внешнее управление, не соответствующее национальным интересам, облегчается растущей интеллектуальной и морально-нравственной деградацией общества, которую целенаправленно стимулирует управляющая элита (глобальная и назначенная ею национальная).

К чему стремятся глобалисты, отлично проанализировал Игорь Герасимов, суммируя свои выводы следующим образом: *«Очевидно, что целью мировых управляющих центров является фактически подчинение всех стран единой воле, может быть, пока с разной степенью автономии. Можно предположить, что основными требованиями здесь являются следующие. Первое — безусловное, пусть и не публично заявленное, признание легитимности этого единого управляющего центра и его права на «последнее слово» в спорных вопросах. Второе — подчинение внутренней жизни в стране... неким единым канонам, стандартам. Третье — согласование с мировым уп-*

равляющим центром всех кандидатур на замещение ключевых должностей. Четвертое — при сохранении права принимать самостоятельно отдельные решения национального и регионального уровня компетентности — готовность безусловно выполнять особо важные категорические требования единого центра. Пятое — безусловное пресечение опасной для мирового центра деятельности тех или иных конкретных лиц, то есть фактически отказ в убежище для всех врагов «нового мирового порядка».

На практике всё это означает господство глобального империализма, установление режима всемирной ультраправой тирании, по сравнению с которой гитлеризм и вся практика фашизма 1920-х — 1940-х годов выглядят приготовительным классом. Ядром нового, чудовищного тоталитаризма выступает мировая финансовая система.

Смена «элит» — условие спасения страны

Сегодняшний российский и мировой политический истеблишмент — продукт негативной селекции, которая вызывает из небытия ранее никому не видимые фигуры и поднимает их на самый верх политической жизни за неведомые обществу заслуги. «Два неизвестно откуда взявшихся персонажа делят страну» — так можно кратко передать суть многочисленных публикаций о правящем тандеме России. Президент Франции Н.Саркози увлекается фотомоделями, бывший премьер-министр Италии С.Берлускони — омоложенный подтяжками и крашеными волосами любитель малолеток. Б. Ельцин был вечно пьян. Недостатки правящих персон — не мелкие грешки, а принципиальные свойства, которые и позволили этим персонажам занять высшие государственные посты. Этот театр марионеток призван решать только одну задачу — обеспечить доминирование глобальных элит во всех сферах жизни национальных государств, в том числе и в России.

Профессиональный уровень нынешних управляющих элит России близок к нулю, да он и не требуется, что демонстрируют назначения профанов типа Кириенко, Чубайса, Фурсенко на руководство наукоёмкими отраслями и министерствами. Профессионала не превратишь в марионетку.

Основное занятие нынешнего правящего класса — служить Хозяину, мировой финансовой мафии. Доказательств этому положению много. Это, например, стремление бывшего главы Минфина А.Кудрина хранить золотовалютные резервы России в ценных бумагах США, причём в бумагах падающих компаний. В ряду подобных деяний и вложение компанией «Северсталь» в 2008 году 2,2 миллиарда долларов в

американскую промышленность, в банкротившийся «ржавый пояс» — штат Мичиган, откуда давно разбежался весь крупный американский бизнес, где из-за безработицы заброшены целые районы. Принявший за продавца купленное владение «Северстали» А. Мордашов получил в девять раз меньше вложенного. Но одна из купленных им американских компаний получила кредит министерства энергетики США на 730 миллионов долларов для модернизации сталелитейного завода в штате Мичиган.

Главное качество нынешнего политического класса России — его подконтрольность глобальной элите, стопроцентная управляемость, что невозможно при развитом интеллекте и высоких морально-нравственных качествах. Понятие «нравственность» незнакомо действующему политическому классу. Понятие «совесть» — тем более. Понятие «патриотизм» они и вовсе считают «прибежищем для негодяев».

Действующие ныне политические элиты в принципе неподотчетны обществу. Они назначаются и действуют в обстановке строгой секретности, насущно для них необходимой, поскольку политика Хозяина и нанятых им «госдеятелей» в корне антинародна.

Отношение нынешнего политического бомонда к подопечному народу ясно выражают циничные откровения Н. Асмолова (И. Серебряков, «Проект «Утилизация России». — «Вечерняя Рязань», 30 июня 2011 года).

«Так и надо — убаюкать славянина патриотическими речами... завести его в клетку, успокоить и тихонько довести до невольничьего рынка. Пусть варвар учится мировой экономике на примере личной ликвидности». «Социально-инновационные распоряжения и даются для того, чтобы их громко озвучить и забыть». «Пропаганде подвержены примитивные люди. Если статистически примитивных людей среди русских больше — они и вымрут. ...Плакать никто не будет — пусть и сократится этот злобный, примитивный народ, легче дышать будет».

Нынешний политический класс России — по сути, криминальное сообщество. «На крючке» — это основа построения политической системы власти в России начала XXI века. Подвешенный на крючке компромата деятель ни на шаг не отступит от служения хозяину, иначе немедленно будет низвергнут вниз. Не профессиональные качества, а лишь личная преданность определяет положение чиновника в современной России. Какое бы дело ни было провалено, за личную верность всё будет прощено. Выстроенная сверху, эта система полностью опутала общество. В ней нет места совести, чести, достоинству, принципам, идеалам».

Такая власть наихудших может действовать только при «переполюсовке» понятий добро—зло, т.е. в перевернутом мире, сформированном методами информационной войны. Усилиями действующих элит мировая политика сегодня превращена в сумасшедший дом, Россия напоминает психлечебницу, где больные, перебив врачей и санитаров, захватили власть. Что они станут делать после того, как уничтожат всё, что есть на кухне, на Земле? Съедят друг друга? Подожгут дом? Они уже жгут. Летом 2011 годы площадь лесных пожаров в России превысила пожары 2010 года почти в 2,5 раза — только этот факт должен был бы стать основанием для отстранения нынешних политических элит.

Политический класс России отлично вписался в мировой политический бомонд, переняв его цели и методы. И это не удивительно, ведь «русские элиты» нанимал и подбирал Запад. Страны же, сумевшие привести к власти психически здоровых людей, сформировавших правительства национальных интересов — Белоруссия, Иран, Венесуэла, Куба — объявлены мировыми СМИ осью зла.

По сути, сегодня у власти профессиональные предатели, пятая колонна СССР: предатели СССР из высшей партноменклатуры, из горкомов и райкомов партии, комсомола, корпус прозападных советников, согласно вековым традициям финансовой мафии «обволакивавших» власть, диссиденты, а также примитивные фарцовщики, быстро превратившиеся в олигархов, приблизившихся к власти.

«Если предатели занимают высокие государственные посты, то это настоящая катастрофа. Попробуйте пропустить перед мысленным взором череду постперестроечных государственных лиц первого эшелона власти. Всё это будут сплошные предатели» (А.В. Иванов. «Предательство»).

Только всеобщая деградация человечества и его моральное разложение, всеобщая потеря иммунитета позволили прийти к власти таким политическим элитам.

Спасение России невозможно без замены власти наихудших властью наилучших, западных марионеток — патриотами, профанов — профессионалами, психически больных — нормальными людьми. На сцену должен выйти новый политический класс.

Уцелевшие — новый политический класс

Информационная война, как всякая война, кого-то убивает, кого-то превращает в инвалида, но кого-то закаляет, делает героем. Муки Отечества всегда порождали на Руси

плеяду героев. Методы зомбирования не оказывают почти никакого влияния на критически мыслящих людей, привыкших к самостоятельному анализу происходящего. Новый политический класс составили генетически самые лучшие экземпляры человеческого рода — умные и мужественные, ибо мужество есть следствие ума. Умный человек никогда не пойдёт на мелкие компромиссы с плохой властью из трусости или ради сиюминутного успеха, понимая, что в будущем заплатит за эти крохи дорогую цену.

Мировой финансовой мафии не удалось создать методы обработки сознания, действующие со стопроцентным результатом. Всегда находится тот, кто не поддался, уцелел, сохранил способность мыслить, разглядел скрытого агрессора. Вот эти уцелевшие, понявшие необходимость борьбы с мафией и сформировали новый политический класс. Его составили те, кто не согласился «выживать», добывая мелкую денежку челноками, торговцами, прислужой. Те, кто сохранил достоинство, не стал рабом денег, жертвой всеобщей истеричной алчности. Те, кто не внял призывам «Обогащайтесь!», «Наслаждайтесь!», а стал думать, учиться, читать.

В обществе уже более 20 лет идёт резкое расслоение, не только имущественное, но и интеллектуальное, — на бездумную биомассу, которая без сопротивления пала жертвой либеральной пропаганды, и мыслящую элиту исключительно высокого уровня. Пожалуй, никогда в новейшей истории за последние 100—150 лет политизированная часть общества не имела столь мощного интеллектуального потенциала, и в этом смысле Россия переживает не худшие, а лучшие времена.

Мировая финансовая олигархия, преувеличив своё могущество, допустила ошибку. Раскручивая информационные технологии для наживы и для нужд информационной войны, она недооценила степени неподконтрольности этих технологий, допустила разгерметизацию знаний, прежде доступных лишь для членов теневых структур. Нуждаясь функционально в использовании труда специалистов, она породила высококвалифицированный слой с альтернативным мышлением.

Одержав грандиозную победу — развалив СССР, мафия денег потеряла осторожность, позволила себе характерное для примитивных людей бахвальство. Под флагом «быдло всё сожрёт» мафия выпустила своих людей, прежде пребывавших в тени, в большой бизнес, в публичную политику. Мелькание характерных лиц и фамилий складывалось в столь очевидную картину, что люди, прежде весьма далёкие от политики, стали всерьёз интересоваться конспирологией.

И, наконец, ошалев от безнаказанности, мафия перешла некий допустимый предел жестокости, алчности и бесстыдства, доведя ситуацию в России и в мире до невыносимого состояния, что активно пополняет ряды реальной оппозиции.

С падением Советского Союза оппозиционные политические элиты на первых порах возглавили люди из власти, члены КПСС, несогласные с политикой новых партийных лидеров типа Ельцина. Ядром оппозиции стали известные писатели, публицисты, издатели, выявившие облик и скрываемые устремления глобалистов, а также организаторы различных молодёжных движений и групп различного толка. Сегодня оппозицию формируют люди самых разных социальных слоёв. Чины и звания здесь не важны. Они — скорее отрицательная аттестация, ибо сегодня мир перевернутых ценностей обвешивает чинами, званиями и наградами наилучших.

В оппозиции выделились яркие ораторы, талантливые идеологи, организаторы, ставшие центрами партий, движений, групп. Процесс захватил и регионы, хотя Москва и, в меньшей степени, Петербург действовали гораздо мощнее. Эта оппозиция, возникшая в 90-е годы, создала широкое, разветвлённое Русское движение, состоящее из отдельных партий и групп. Как правило, их возглавили яркие харизматические личности, интеллектуалы. Оппозиция дала целую плеяду таких личностей. Власть приняла свои меры. Целая череда арестов, запрещения книг, газет, закрытие издательств, серия странных смертей. Кого-то репрессии отвратили от занятий политической деятельностью. Кого-то, напротив, активизировали. По мере того, как росла изощённость и жестокость технологий, используемых мафиозными кликами в войне против народа, рос и уровень оппозиции.

Совершенно очевидно, что в последнее время в ее рядах наметились изменения. Большинству тех, кто вступил в борьбу в девяностых, перевалило за 60 лет, а то и за 70. Кто-то устал, кто-то разочаровался, не видя плодов своих усилий, кто-то отстал от ситуации, уцепившись за идеи и методы, родившиеся 20 лет назад. В русском движении идёт смена поколений — уточнение, а иногда и полная смена идеологии и методологии работы.

Русское движение — смена поколений

Быстро растёт квалификация молодых активистов оппозиции. Сегодня — это уже не только массовка, кричащая на митингах, а грамотные организаторы и квалифицированные

пользователи интернета. Они владеют современными технологиями, работают в социальных сетях, собираясь на акции с помощью флэш-моб-методов, SMS-сообщений и т.п.

Психологически они осознают себя детьми уничтожаемого народа, и это питает их волю к сопротивлению, идейно они созрели для защиты национальных интересов. Недостаток, пожалуй, лишь нового социального проекта, но и он понемногу вызревает. Этому способствует острота растущего кризиса.

Они в основном поняли, что происходит. Большею частью их интересует сегодня не кристаллизация или уточнение идеологии, а технология. Ответ на вопрос: «Что делать?» И как?

Кроме крупных широко известных молодёжных организаций в разных городах и даже небольших посёлках стихийно организуются нигде не зарегистрированные, никем не учтённые группы ребят, противодействующих мафиозным образованиям.

Эти небольшие группы шаг за шагом формируют разветвлённую сетевую структуру — более современную, нежели традиционная партийная система, более отвечающую реалиям информационного общества, более устойчивую и надёжную, ибо провал одного из узлов сети быстро компенсируется соседями — партнёрами, более мобильную, ибо она не отягощена бюрократическими формальностями и идеологическими догматами традиционных партий.

Подавляющее число молодых людей не принимает существующую политическую систему. Только 10% молодых ходит на выборы. В «Наши» или на Селигер отправляются, чтобы «погулять на халяву». Идут худшие, готовые делать то, за что платят. Лучшие, те, кто понял суть режима и восстал против него, не вступают в существующие партии, избегая сотрудничества не только с властью, но и с парламентской оппозицией. Партия «Справедливая Россия» и КПРФ высокомерно не замечают их. А зря.

Власть не задаёт себе вопроса «Почему они возникли?» (ибо тогда ей пришлось бы описывать происходящее разорение), она хочет просто их подавить или уничтожить. И обращается к ним только затем, чтобы избить на митинге, арестовать, обозвать в эфире бандитами, экстремистами, фашистами. Из всех властных структур с ними общаются только спецслужбы и милиция. Из всех официальных площадок им доступны только залы судов. Их не допускают к политической жизни. Для них закрыты парламент, теле- и радиоэфир, большие газеты.

Но у них остаются маленькие газеты, листовки, интернет. К широкой публике они выходят митингами, Русским мар-

шем, надписями на стенах домов, на ограждениях железнодорожных путей. Там властвуют они, начисто забывая власть. Пред нами — родившаяся контрэлита, которая, по всем канонам социологии, неизбежно вытеснит деградировавший нынешний правящий слой с его жалкой коллективной мечтой: «урвать и удрать».

Бунт детей

Молодёжь, выброшенная из политической жизни, из жизни вообще, ищет свои технологии протеста. Одна из них — надписи на стенах городов. Надписи показывают: их авторы — квалифицированные люди. Они хорошо разобрались в ситуации, поняли положение в стране и взяли решение проблемы на себя. Эти неизвестные молодые люди сегодня везде — провинция оклеена листовками, стены домов исписаны. Идёт единение разных групп — кто-то изготавливает трафареты, кто-то делает надписи. Одни из самых популярных — на национальную тему: «России — русская власть!», «Русский, помоги русскому!» Призывы против «демократического фашизма» часто дополняются национальной идентификацией последнего. Распространены надписи, призывающие к здоровому образу жизни: «Не бухай! Ты русский, а не свинья!» Или перечёркнутые шприц, бутылка и сигарета с надписью: «Скажи «нет» заразе!»

Исписаны, прежде всего, провинция и пригороды больших городов. В столице, если надписи и появляются, их быстро закрашивают коммунальные службы по указанию сверху, надо полагать. В провинции они сохраняются годами — наверное, в провинциальной нищете не найти денег на краску. Активизация политической жизни в провинции обусловлена резким экономическим неравенством центра и регионов, умиранием провинции и, в особенности, — окраин.

Приведём несколько цитат из статьи В.Словецкого «Россия — сотни «Лондонов» от Владивостока до Калининграда»: *«Российская молодёжь, выброшенная на обочину жизни, готова вспыхнуть в любой момент. Молодежь моногородов, где закрылись предприятия, и рабочих кварталов больших городов может взбунтоваться в любой момент. Об этом кричат социологи и эксперты. Но их не слышат. Вместо того, чтобы всерьёз заняться изучением проблемы в масштабах страны, кремлёвские идеологи устраивают в столице многотысячные молодежные шоу, организывают различные «селигеры», тратят миллионы на тупую социальную рекламу и обещают обозлённым молодым людям светлое завтра».*

«Наступило такое общественное расслоение, что дальше некуда. Стали явно видны отличия богатой и бедной молодёжи. Одни могут поступить в платные вузы, а у других нет денег даже на полноценное питание, одни ездят за границу, а у других нет средств для того, чтобы выбраться из своей деревни в райцентр. Молодёжь, живущая в бедных городах и бедных районах разных городов, озлоблена. Она уже готова устроить бунты. А власть, вместо того, чтобы принять срочные меры, рассылает в вузы приказы о выявлении неформалов и субкультурщиков. Но ведь это абсурд, сейчас не 60-е годы!..»

«В Москве на реализацию проекта социальной рекламы против расизма и ксенофобии под лозунгом «Не болей расизмом!» власти города намерены выделить 110 миллионов рублей... Они всерьёз полагают, что это сработает. Но этого не случится! Деньги будут израсходованы впустую, а настроение людей в лучшую сторону не изменится. Скорее наоборот. В стране сегодня растут серьёзнейшие классовые различия, которые влекут на мировоззрение и настроение огромного количества молодых людей, проживающих на депрессивных территориях. А на эту социальную взрывчатку накладывается материальное и культурно-психологическое давление этнической миграции, которое выступает детонатором бурных эксцессов».

На стенах идёт настоящая война граффити. Против русских сражаются так называемые «антифа» — молодёжная либеральная организация, которая называет фашизмом любое проявление русского, национального, патриотического. Себя они именуют антифашистами, пользуясь фирменным приёмом переброски понятий. «Антифа» не скрывают ненависти к народу, среди которого живут. «Смерть русским!» — можно прочесть в городе Рыбинске. Тщась доказать недоказуемое, «антифа» доходят до идиотизма: «Есть единственная раса — человеческая!» — пишут они на стене дома в Пскове.

Власть и даже оппозиционные политики не желают замечать исписанные стены. Они отмахиваются: «На заборах пишут хулиганы!» Но называть тех, кто расписывает стены, просто хулиганами — легкомысленно. Это — политически активные люди, у которых отняли другую форму выражения своей позиции. Это дети, получившие только то образование, которое им позволили получить демократы, т.е. — никакое. И однажды демократам, загубившим жизни этих ребят, придётся столкнуться с этой голодной и злой толпой.

С лета 2010 года одной из самых популярных тем настенных надписей стала тема приморских партизан, удаляемая из Интернета, прошедшая по телевидению очень скудно и

исключительно в криминальной хронике с клеймами «бандиты», «убийцы» и т.д. «Честь и слава приморским партизанам!» — это красуется в самых разных городах. В Пскове над перечёркнутым названием «улица Красных партизан» написано: «Улица приморских партизан». В июне 2010 после ареста партизан во Владивостоке стены города покрылись надписями: «Слава партизанам!»

Весной 2010 года в Интернете появилось обращение группы 6 юношей в возрасте от 18 до 24 лет из Приморского края, которые скрывались в лесах и потому получили название «приморские партизаны». Это был бунт мальчишек, отчаявшихся от адской беспросветной жизни русской провинции, погибающей в нищете, безработице, наркомании, алкоголизме. В своём обращении они говорили: «Народ беззащитный и безропотный, но есть и те, кто не боится».

Эти «партизаны» жгли отделения милиции, нападали на милиционеров. В их задержании участвовало более 1000 работников МВД. Двое из них при аресте покончили жизнь самоубийством (согласно официальной версии), остальные были арестованы. Возраст погибших был 22 и 24 года. СМИ заклеили ребят ярлыками экстремистов, бандитов, ищущих корысти. Заявление о «ментовском беспределе, толкнувшем мальчишек на вооружённую борьбу», милицейские чины Приморья объявили «не соответствующим действительности».

Группа стала заметным явлением политической жизни. О ней даже написана статья в Википедии. Население Приморского края в большинстве морально поддержало партизан и осудило сотрудников милиции. **Даже опрос на либеральной радиостанции «Эхо Москвы», имеющей соответствующую аудиторию, в июне 2010 года показал, что около 60—75 % готовы были помочь приморским партизанам. Это голосование на радио — больше, чем поражение, это предвестие краха режима.**

У приморских партизан появились последователи — 12 июня 2010 года в Пермской и Новгородской областях произошли нападения на посты ДПС, были ранены сотрудники милиции.

Наиболее серьёзными их последователями стали «партизаны» орловские, которых СМИ называли «группировкой националистов». Характерно, что группа действовала в Академии Федеральной службы охраны — престижном вузе, готовящем охрану для первых лиц государства. Группу возглавил 32-летний майор, преподававший физкультуру, всего по делу проходило 12 человек, в том числе — четверо молодых

офицеров. Костяк группировки составляли курсанты и преподаватель Академии, были и безработные в возрасте от 18 до 23 лет. Поджоги опорных пунктов милиции, подрывы райпрокуратуры и дагестанского кафе были их акциями устрашения.

Вместо комментария по поводу всех этих «партизан» приведу высказывание американского офицера Томаса У. Читтама о подобных проявлениях протеста («Крах США. Вторая гражданская война»): «Государство не допускает вооружённые силы противника на свою территорию, поэтому следите за мятежниками, осаждающими полицейские участки и военные объекты. СМИ назовут эти попытки осады стремлением наказать полицию или захватить оружие, но это лишь полуправда. Больше правды в том, что — сознательно или подсознательно — эти мятежники создают новое государство и что они считают полицию оккупационной армией чужой страны».

Если русские юноши считают российскую полицию оккупационной армией чужой страны, — это опасный сигнал для власти. Однако нынешняя власть не воспринимает никаких сигналов. Она полностью уверена, что грубой силой сможет подавить любой протест, что любой её произвол останется безнаказанным.

Очевидно, что негативное отношение к милиции-полиции как к слугам режима в обществе нарастает. Тем более, что в связи с чисткой ее рядов под видом аттестации из органов часто удаляют квалифицированных русских сотрудников, наполняя их нацменьшинствами.

Прочитруем ещё раз откровения Н.Асмолова (И.Серебряков. «Проект «Утилизация России»): *«Хотите преданных служащих, которые не раскиснут, не опустят автомат, глядя на бабушек и детишек с хоругвями, — приближайте людей без комплексов «любви к своему народу». Сейчас в полицию будет приоритетным отбор молодых людей из национальных меньшинств — они будут просто из удовольствия работать, взятки — это так, побочный бонус».*

Идёт серьёзная работа по переориентированию молодёжных групп на войну с мигрантами. Вот как пишет аналитик о новых русских молодёжных объединениях:

«Некоторые СМИ выставляют радикалов недалёкими придурками, но пользы обществу такая страусиная позиция не принесёт. С интеллектом у них как раз все в порядке, а для группы из нескольких десятков человек, чтобы «навести шоруха» достаточно и одного умного. Кроме того, жизнь стимулирует националистов активнее осваивать технологию децент-

рализованной сетевой борьбы. Если тенденция сохранится, то на определённом этапе развитие радикального националистического движения неизбежно выйдет из-под контроля. Не зря же наукой давно доказана гораздо большая эффективность таких децентрализованных структур, чем вертикально-интегрированных» (НСО «Север»).

Новая сила

Молодёжные организации Москвы 4 ноября 2005 года, объединившись, впервые провели совместное шествие под названием «Русский марш». «Собралось не менее тысячи человек. В основном, это были молодые люди призывного возраста — от двадцати до тридцати: все трезвые, собранные, решительно настроенные. Были и люди постарше, с сединой в волосах. Можно было заметить и ребят в высоких шнурованных ботинках, с лицами, замотанными шарфами. Но и они вели себя как подбаёт: спокойно и без демонстративной агрессии» (Н.Холмогорова, «Пробуждение: Русский марш»).

Число участников этой акции и их единение с каждым годом нарастало. Русский марш 2010 года в Москве впервые был проведён уже в условиях полного единства всех значимых национально-патриотических групп, что означает зрелость движения, когда общие интересы становятся выше амбиций отдельных групп и личностей. Период разброда и шатания закончился. *«По зрелищности и энергетическому заряду Русский марш-2010 может с лёгкостью поспорить с Олимпиадой или военными парадами... Русский марш вызвал интерес во всём мире, в основном по той причине, что белые националисты в Европе и Америке сегодня смотрят на Россию, как на возможного лидера белого мира, по крайней мере, взрывной рост националистических настроений в российском обществе, рост популярности организаций русских националистов, их количественное и качественное усиление очевидны даже при взгляде из-за рубежа»* (С.Загатин. «Воля к единству. Русский марш-2010». «Завтра» №45, 2010 г.).

Прогресс этого движения подтверждается небывалым количеством участников мероприятия в 2010 году — от 12 до 15 тысяч человек, и расширением географии — марш прошёл в 38 городах в России, в 7 — на Украине, в одном — в Молдове. Видеоролики со съёмкой Русского марша в интернете только за первую неделю посмотрели несколько сотен тысяч человек.

Русский марш 2010 года на всей территории страны уже имел единый манифест, в котором намерения участников

носили ультимативный характер: «Свободная Россия — Русская власть!» Манифест содержал требования вернуть свободу слова, собраний и союзов, отменить ст.282 УК РФ, освободить политзаключенных, отказаться от замещающей миграции, прекратить платить дань республикам Северного Кавказа, приступить к развитию русских регионов. Манифест содержал и угрозы в случае невыполнения требований: недоверие правительству и президенту Российской Федерации, досрочный роспуск Государственной думы, создание правительства народного доверия.

Основную массу участников всех Русских маршей составляли молодые мужчины, девушки и пожилые люди — в явном меньшинстве. Лидеры Русского марша — это зачастую грамотные, хорошо подготовленные политики, организовавшие чёткие группы участников. Они не экстремисты: дисциплина, строгий порядок — особенность Русских маршей. Они предпочитают следовать закону, если сама власть не преступает его. Они не хулиганы — среди участников не бывает пьяных и дебоширов. За многотысячной колонной остаётся чистый асфальт, свободный от окурков, бутылок, пивных банок.

Русский марш 2011 года проводился с числом участников официально признанным — 7 тыс., реальным — более 15 тысяч. Он продемонстрировал технологический прогресс в Русском движении, в Москве и других городах марш проходил под лозунгами здорового образа жизни. Ребята в колоннах делали зарядку — за это пока не сажают даже в России. А между тем отказ молодых от навязанного им торговой и финансовой мафией самоубийства через алкоголь, наркотики, табак, разврат — мощнейший удар по позициям манипуляторов.

Русский марш свидетельствует: националисты, несмотря на все репрессии, выросли в самостоятельную мощную политическую силу, вполне готовую взять на себя ответственность за изменение ситуации в стране.

Большим событием в политической жизни России стала многотысячная акция молодёжи 11 декабря 2010 года на Манежной площади, протестовавшей против жестокого убийства москвича Е.Свиридова выходцами с Кавказа и бездействия правоохранительных органов по отношению к убийцам. Акция была беспрецедентно массовой (более 5 тысяч), жёсткой, хорошо организованной, что страшно напугало власть. Около 150 сотрудников ОМОНа с оружием были брошены на Манежную площадь, плотно оцепленную милицией. Были арестованы более сотни участников.

Протест против миграционной политики государства зрел давно. Целенаправленное наполнение Москвы и крупных городов России мигрантами — это «разрыхление социума», намеренная переадресовка русского протеста на приезжих, что выводит из-под удара власть. Это известные технологии, которые отчётливо просматриваются в действиях высшей бюрократии. Такого организованного и мощного протеста власть, потратившая миллиарды на оболванивание молодёжи, не ожидала.

«Собравшиеся 7 декабря на Ленинградке, а затем на Манежной площади — не «толпа фанатов», а тысячи молодых русских парней и девушек, которые не могли остаться равнодушными к дикости, творящейся в России из-за попустительства властей мигрантам. И не «русские фашисты», «не обученные толерантности», а лучшие, неравнодушные представители молодежи вышли на улицу из самых благородных побуждений. Они не поддались растлению со стороны русскоязычных СМИ и сберегли в себе человеческое. А это непустое само по себе, но мужественное проявление духа. И наши парни и девушки скандировали не «Спартак чемпион!», а громогласно провозглашали лозунги: «Один за всех — все за одного!», «Русские, вперед!» (В. Селиванов).

Акцию подхватили другие города. Власть отреагировала как всегда — репрессиями. *«Официальная реакция на массовые протестные акции молодежи в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Ростове-на-Дону говорит о полном непонимании руководством РФ сути происходящих социальных процессов» (М. Федоренко. «Россия, версия 2.0. Перезагрузка системы»).*

«Их нужно сажать, а не воспитывать», — приказал президент Д. Медведев. Согласно его выступлению для наведения порядка достаточно организовать массовое задержание участников, а также выявить по материалам видеосъемки зачинщиков и привлечь их к уголовной ответственности. Зачинщика выявили. Им оказался 14-летний учащийся.

«На Манежную площадь в Москве вышли дети. В Ростове, Саратове, Санкт-Петербурге и ещё десятках русских городов на улицы тоже вышли дети. Новое поколение, которое не хочет больше жить в том отвороте, который предлагают им их отцы» («Дети Манежной площади. Поколение возмездия»).

Ещё цитаты из этой статьи:

«Эти дети выросли в обстановке, где царит «постоянное, методичное, непрерывное ощущение национального унижения, незримо пронизавшее всё вокруг. Им постоянно внушали, что их нация — дерьмо, что их великая история — дерьмо, и что

сами они — та же субстанция. Для этого делалось всё. Это стало государственной политикой... Только дети не захотели этого терпеть. Их просто тошнит от такого жизненного видеоряда».

«Наш нынешний режим 11 декабря услышал от детей, что Путин и Медведев — не русские, а русские — это те, кто вышел на Манежную площадь... Паралич мозга у нашей власти прогрессирует».

«Власть вдруг поняла, чем для неё кончится вся её нынешняя лафа. Это поколение возмездия. Коллективное «дитя-погибель». Режим осознал это и испугался. Очень правильно испугался — эти дети не станут договариваться».

А вот как отреагировал на Манежку знаменитый борец русского сопротивления — полковник В.Квачков: «Мы, отцы и деды, проигравшие борьбу за свою Родину, стоим перед выбором: или мы помогаем нашим детям в борьбе за своё освобождение, за честь, независимость и свободу, или мы будем смотреть по телевизору, как наши мальчишки и девчонки бьются насмерть за свои права и за нашу Россию». Так идёт объединение разных поколений русской оппозиции.

Вскоре после «Манежки» в Москве прошёл разрешённый властями митинг «Москва для всех», под водительством Шендеровича. Митингующие обозначили себя как «сход либеральной интеллигенции против фашизма и ксенофобии». Один из демократических участников попросил у Путина «ствол», чтоб перестрелять «проклятых врагов демократии»: либералы никогда не скрывали ненависти к русскому народу. В кого же он собрался стрелять? В 15—20-летних детей. В этом намерении власти не усмотрели ни малейшего экстремизма.

«Манежка» показала:

1. Лучшая часть молодёжи имеет гражданскую позицию и готова её отстаивать;

2. Попытка противопоставить ей бессмысленные толпы «Наших» провалилась;

3. Молодёжное русское движение отличается отчётливым пониманием ситуации, высокой организованностью, жёсткостью лозунгов и методов.

Толпа на улице

Очень распространены суждения, что *народ всегда прав* и что даже *всё решит народ*. Есть оппозиционные политики — и их немало, которые разделяют такие лозунги и полагают, что ситуации в России изменит стихийное движение восставшего народа, и потому их усилия направлены на то, чтобы

«поднять народ», вывести народ на улицы, и — чем больше народа, тем лучше. Таково убеждение многих видных оппозиционеров. Однако толпа на улице сама по себе ничего не может решить.

Народ никогда не был вершителем истории, хотя и являлся активным ее участником. Стихийные народные выступления не имеют определяющего влияния на ход событий — историки найдут немало подтверждений этому тезису. Стихийные народные бунты, несомненно, имели место в прошлом, но заканчивались, как правило, неудачей. А вот успешные революции, которые подаются как победоносное восстание масс, на поверку весьма часто, хотя и не всегда, оказываются тщательно спланированными спецоперациями. Это бывало и в относительно далеком прошлом. Рукотворный, искусственный характер целой серии нынешних «революций» не менее очевиден. Достаточно вспомнить североафриканские «народные восстания против тиранов» в 2011 г., которые при внимательном анализе оказываются тщательно подготовленными международным финансовым капиталом акциями империализма. С 2005 года на территории Северной Африки работали «неправительственные организации», финансируемые США, которые обучали и подкармливали будущих «революционеров». Множество источников свидетельствуют о создании и финансировании организаций, обучающих будущих организаторов «цветных революций», в том числе — и в России.

«Народные массы» как главный двигатель истории, ведущая роль «мирового пролетариата», пресловутая «мировая общественность» — это информационные химеры, формирующие искусственное общественное сознание, удобное финансовой мафии.

Толпу на улицу обычно выводит какая-то политическая сила — оппозиция, власть или те внешние силы, которые хотят заменить национальную власть более удобными марионетками. Последний сценарий был разыгран в СССР в августе 1991-го, затем — во время оранжевой революции в Украине, при свержении С. Милошевича в Сербии, во время нынешней «Африканской весны».

Создание хаоса и управление хаосом — важнейшая технология захвата власти мировым правительством. Глобальные структуры в совершенстве отработали механизмы использования объективно идущих социальных процессов — народных бунтов, революций, глобализации. Международная мафия умеет виртуозно эти процессы оседлать и направить в нужную для себя сторону.

Против России работают десятки институтов и разнообразных фондов на Западе, разрабатывающих приёмы информационной войны, технологии смещения власти через революции, народные волнения и др. Такие организации, как Тэвистокский институт человеческих отношений в Великобритании, Институт им. Альберта Эйнштейна в США, руководимый известным Джином Шарпом, автором книги «Как разрушить государство руками самого народа», и многие другие оказывают мощное влияние на политические события в мире.

В этих организациях трудятся тысячи квалифицированных психологов, социологов, историков и прочих специалистов. Они создают высокопрофессиональные программы разрушения стран, которые падают одна за другой — СССР, Югославия, Афганистан, Ирак, Египет, Ливия, что доказывает хорошую эффективность работы этих организаций. Их финансирование составляет миллиарды долларов.

Думать, что команде профессионалов сможет противостоять стихийно высыпавшая на улицы толпа политически не всегда грамотных людей, руководствующихся только эмоциями, по меньшей мере наивно. Что будет делать толпа, кроме как кричать: «Долой!» Какой рациональный позитивный проект дальнейшего развития страны сможет она предложить и осуществить?

Сегодня мы видим беснующиеся толпы североафриканских «повстанцев», которые свергают «тиранов», рвут их портреты. Не все из них куплены, кто-то просто не понимает, что его используют, что его руками родная страна ввергается в кровавый хаос, несущий сверхприбыли международной финансовой мафии.

В России многие из так называемых «защитников Белого дома» в августе 1991 года тоже не понимали, что убивают собственную страну, что они — марионетки её врагов, управляющих процессом.

Стоит ли полагать, что новые толпы будут умнее? Люди, владеющие специальными знаниями манипулирования сознанием, подкреплённые мощным материальным ресурсом и СМИ, могут легко управлять толпой.

Политик, уповающий на толпу, которая сама всё разрулит, перекладывает свои задачи на чужие плечи, ждёт от непрофессионалов решения вопросов, которые не в силах решить он, профессионал. Полагаться на стихию толпы — значит признать собственное поражение, сложить руки и ждать «стихий».

Власть боится больше всего этого — толп на улицах, и готовится именно к этому — к подавлению толп, отсюда и рез-

кое повышение зарплат полиции и армии, оснащение полиции спецсредствами, создание дополнительных военизированных группировок вроде МЧС и т.д. Дать возможность власти использовать весь этот арсенал — значит проиграть, умножая число жертв среди русского народа, и без того вымирающего.

Если оппозиция хочет использовать толпу на улице как детонатор, взрывающий ситуацию, она должна быть очень осторожна, ибо толпа может превратить Россию в ещё один регион столь желанного для Запада управляемого хаоса, который покончит с остатками русской государственности.

Тот, кто контролирует хаос, создаваемый толпой, становится хозяином положения. Поэтому прежде вышедшей на улицы толпы должны идти технологии управления хаосом. Толпа станет полезной для Родины, если волна народного протеста понесёт к власти новые органы власти — прежде всего правительство народных интересов, вооружённое ясным пониманием конструкции нового государственного устройства России. Сформулировать такое понимание, создать такое правительство заблаговременно — задача оппозиции как нового политического класса.

Новое поколение экспертов и технологов

В последние годы идёт смена поколений и в экспертном сообществе Русского движения. В данном случае речь идёт не только и не столько о приходе более молодых, а о развитии идеологии Русского движения в направлении выработки технологии политической борьбы. Первая волна идеологов Русского движения 70—80-х годов дала блестящее развитие русской идеи, исследовала её современное воплощение. Работы русских публицистов того периода помогли преодолеть негативные последствия денационализации русских в советский период, составили мощную оппозицию валу русофобской пропаганды, запущенной «демократическими» элитами России в 90-е годы. Эти работы стали основой для возрождения национальной самоидентификации русских, создали идеологическую базу Русского движения.

Однако с середины двухтысячных уже достаточно развитое Русское движение, сформировавшееся благодаря этой базе, ощутило острую потребность в структурировании, в организующих технологиях, стало пытаться получить ответ на вопросы «что делать? и как?». Поиск ответа на эти вопросы взяли на себя несколько групп, составивших, по сути, Аналитическую службу Русского движения. Академия Гео-

политики под руководством генерала Л.Ивашова, Общественные комитеты учёных, Центр ситуационного анализа Военно-Державного союза, отдельные, в том числе военные эксперты высокого класса. Многие звенья экспертного сообщества активно взаимодействуют между собой, действуя как сетевая структура, успешно вырабатывая общие подходы к решению проблем, общие цели, общие технологические установки.

Небольшая группа специалистов и учёных, работающих добровольно и безвозмездно, оказалась в состоянии ликвидировать провал в развитии жизненно важного для страны направления — общественных наук, компенсировав недееспособность официальных научных институтов, прислуживающих режиму, презревших этику научного сообщества.

Были взяты в разработку самые насущные, жизненно важные для страны направления, прежде всего: устройство будущего государства в России. Сформулированы идеи «социогуманизма» (И.Гундаров), ноосферного пути развития (П.Кузнецов), экосоциализма (Л.Фионова, И.Ермакова, Ю.Лисовский, А.Самарин, Ф.Феньев). Ценные работы по проектированию социально-экономического развития ведутся Ю.Крупновым.

Другим важным направлением исследования стали технологии вывода России из сценария разрушения государства (например, С.Кургинян: «После капитализма»).

Сегодня главной задачей Русского движения является соединение экспертного сообщества с молодёжным крылом, что избавит последнее от излишнего риска, от репрессий, направит по наиболее плодотворному пути. Такое соединение уже идёт, задача — сделать его более активным, более технологичным.

Остановить разрушение России сможет новое национально мыслящее объединение, которое будет действовать не ради личной выгоды и выгоды некоего Хозяина, а ради сохранения страны, её народа и всей планеты. Основу этого нового объединения составят члены русских движений и организаций, не зарегистрированных Минюстом, не присоединившихся к кремлёвскому «фронту». Именно они оказывают всё более заметное влияние на политическую жизнь страны, оттесняя на задний план официозные организации, приближенные к власти.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Ни экономические трудности и просчеты, ни усиливающаяся гонка вооружений не смогли бы сломать советскую систему, если бы не умелое ведение «главным противником» психологической войны.

Впервые определение «психологическая война» было дано в служебных документах ЦРУ в 1949 г. В разработанном в том же 1949 г. по указанию Белого дома Комитетом начальников штабов плане под кодовым названием «Дропшот» впервые акцент был сделан не только на прямую агрессию против государства-противника (которая, кстати, предполагала уничтожение ядерными и обычными бомбами 85% территории Советского Союза), а на **поиск союзников по ту сторону фронта**.

Психологическая война в этом документе рассматривалась как «чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа, которое подорвет его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...» Кстати, об особой роли предательства в истории

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

России писал еще Карл Клаузевиц, выдающийся военный теоретик XIX века: *«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров»*.

7 апреля 1950 г. президенту Г.Трумэну была представлена директива Совета национальной безопасности США — СНБ-68, ставшая основой американской внешней политики на многие годы вперед и действующая в своих принципиальных положениях по сей день: «Запад не должен довольствоваться защитой своих основных ценностей и стремиться воплотить их в жизнь только на своей территории. Запад должен поставить своей целью оказание влияния на естественные процессы изменений, происходящие в «третьем» и коммунистическом мире... в направлении не благоприятном для их ценностей...»

Конкретная работа по формированию «пятой колонны» началась с хрущевской «оттепели». Так была сформирована бригада влиятельных лиц в высшем эшелоне правящей элиты на всех ключевых участках. Без этой группировки, которая контролировала СМИ и влияла на сознание активной части населения, «успех» перестройки Горбачева был бы невозможен. Заключительный этап информационно-психологической войны против СССР начался с приходом в Белый дом 40-го президента США — Рональда Рейгана (1981 г.) и с избранием Генеральным секретарем ЦК КПССС Михаила Горбачева (1985 г.).

Психологическая война на уничтожение Советского государства велась против всех его систем — от армии и хозяйства, образования и здравоохранения — вплоть до детских садов. Поддержка «снизу» эта кампания не получила, но этого для верхушки номенклатуры и не требовалось. Главное было достигнуто — общество испытало культурный шок, сознание было приведено в состояние хаоса, став неспособным к идейному сопротивлению. Особое место в психологической войне занимали созданные западными державами и их сателлитами (Саудовская Аравия, Пакистан) сепаратистские структуры.

Рейгановская стратегия психологической войны была тщательно спланирована и имела самый широкий спектр воздействия, начиная от радиовещания и заканчивая откровенными военными провокациями. Например, как вспоминает генерал Джек Чейн, командовавший военными силами стратегического назначения, «порой мы посылали бомбардировщики на Северный полюс, чтобы советс-

кие радары смогли их засечь. А порой запускали бомбардировщики над их приграничными территориями в Азии и Европе». В критические периоды эти операции включали по нескольку таких маневров еженедельно. Они проводились с разными интервалами, чтоб эффект был еще более пугающим.

Масштабные психологические операции США против СССР начались в середине февраля 1981 г. и продолжались с перерывами до 1983 года. Они включали в себя серию скрытных проникновений из Атлантического в Северный Ледовитый океан через проливы между островами Гренландии, Исландии и Великобритании. Проникновения в территориальные воды Норвежского и Баренцева морей, а также эпизодическая демонстрация силы в Балтийском и Черном морях должны были показать, как легко корабли НАТО могут приблизиться к ключевым советским военно-морским базам.

В рамках психологической войны США против СССР были разработаны и реализованы десятки проектов. Среди прочих — «Кеймлот» и «Эджайл», которые опосредованно повлияли на состояние всей советской системы.

Самое прямое влияние на советское общество оказали так называемые «Гарвардские» и «Хьюстонский» проекты. *Первый из проектов Гарвардского университета* был разработан еще в начале 1950-х годов Центром русских исследований. Инициатором проектной разработки являлся Джон Патон Дэвис, член группы политического планирования Госдепартамента США, а финансирование проекта осуществлялось по линии ВВС США. Характер предпринятого исследования заключался в сборе через интервьюирование «перемещенных лиц» и систематизации информации о реальном социально-политическом положении СССР. Цель предпринятого анализа заключалась в вынесении репрезентативной оценки психологической уязвимости гражданского населения СССР в случае массированных бомбардировок, аналогичных по масштабам тем, которые практиковались западными союзниками в 1945 г. в Германии.

О существовании *второго Гарвардского проекта* информация в СССР была получена в начале 1980-х годов. Программа включала в себя три последовательно реализуемых этапа. На первом должна была решаться задача создания почвы для перехода от социализма к капитализму. Возглавить процесс реформирования предписывалось некоему лидеру. Предположительно им мог стать Генеральной секретарь Коммунистической партии. Идеологическим ориентиром этого периода должна была стать апробированная во время

«пражской весны» 1968 года концепция «социализма с человеческим лицом». Задачи второго этапа носили уже ликвидационный по отношению к системе мирового социализма характер. К ликвидации предназначались Организация Варшавского договора, КПСС и в итоге — СССР.

Наконец, третий этап характеризовался как «завершающий» в логике всего Гарвардского проекта. На данной стадии должен был быть осуществлён демонтаж последних атрибутов прежней социалистической системы, таких, как бесплатное обучение и медицинское обслуживание. Государственная и общественная собственность должна перейти всецело в частные руки. Развитие инфраструктуры морских портов и различного рода дорожных коммуникаций означало бы окончательную переориентацию России на рельсы сырьевого экспортера. Предотвращение восстановления «имперских амбиций» виделось в ликвидации российской армии в том ее виде, как она сформировалась в советские времена. В заключение ликвидации подлежала и сама Россия как единая держава.

Широкую известность приобрела еще одна проектная разработка — *Хьюстонский проект*. По существу в нем идет детализированное раскрытие завершающего этапа Гарвардского проекта. Ставятся задачи внедрения дезинтеграционных механизмов не в отношении СССР, распад которого состоялся, а уже территории Российской Федерации. Этот проект ориентировал западные страны к отказу от взгляда на будущую Россию как на единое государство.

Уместно процитировать слова госсекретаря США Колина Пауэлла: «Россия должна забыть о том, что у нее есть какие-то интересы в республиках бывшего СССР, ибо восстановление СССР не входит в стратегические цели правительства и государства США». Еще более определенно о геополитической стратегии США высказался в своем выступлении 25 октября 1996 г. Билл Клинтон: *«Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием. Мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать. За четыре года мы и наши союзники получили раз-*

личного стратегического сырья на много миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д. В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящей операции. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке». Как говорится, без комментариев.

Среди наиболее распространенных приемов психологической войны специалисты выделяют три основных.

Прежде всего, психологическое давление. Это многократное повторение одного и того же ложного тезиса, ссылки на авторитеты в сочетании с различными спекуляциями (начиная от искажения цитат и кончая ссылками на несуществующие источники); манипуляция («игра») цифрами и фактами для создания видимости объективности и точности; тенденциозный подбор иллюстративного материала с упором на эффект «драматизирующего воздействия»; устрашающие «наглядные иллюстрации» пропагандистских взглядов и позиций и другие аналогичные приемы, рассчитанные на создание эмоционального дискомфорта и нейтрализацию способности человека рационально оценивать предоставляемую информацию. Именно по таким принципам осуществляется подача мировыми СМИ информации о Ливии, Иране, Сирии. Вспомним и собственный опыт — освещение на Западе пятидневной войны в Южной Осетии в августе 2008 года.

Во-вторых, незаметное проникновение в сознание. Это реклама своего образа жизни, распространение «желательных» ценностей и стандартов массовой культуры через музыку, развлекательные телепрограммы, кинофильмы, через моду и т.д.

Наконец, третий прием — это *скрытое нарушение и искажение законов логики*. Сюда относятся подмена тезиса, ложная аналогия, вывод без достаточного основания, подмена причины следствием, тавтология и т.д. Психологическая война такого рода наиболее эффективна по отношению к малообразованным слоям общества, не всегда способным внимать рациональным аргументам и склонным слишком многое принимать на веру.

Следующий после падения СССР и развала социалистического содружества виток психологической войны мы наблюдали в ходе т.н. «цветных революций» — от Белграда до Бишкека. С начала 2011 г. мы стали свидетелями открытой фазы очередного этапа психологической войны под названием «арабские революции». Иными словами, продолжает работать «принцип домино».

Ситуация в странах Северной Африки и Ближнего Востока развивается по обкатанным уже не раз сценариям: подготовка и финансирование оппозиционеров, введение санкций, обработка общественного мнения посредством мировых СМИ через подачу однозначной информации о тиранах и зверствах их режимов, провокации, распространение слухов и т.п. Однако есть и нововведения, прежде всего, это современные технологии и изменения в аудитории воздействия.

Сегодня уже общеизвестно, что деятельность оппозиционного «Движения 6 апреля» в Египте поддерживалась международными организационно-информационными ресурсами. Прежде всего, это сеть Global Voices, финансируемая Фондом Форда, Фондом Макартуров, «Открытым обществом», а также производителями и дистрибьюторами IT. Именно через Global Voices, регулярно проводившей международные конференции и рабочие встречи, распределялись средства на профильные общественные структуры — «Врачи за перемены», «Журналисты за перемены», «Рабочие за перемены» и др. По отдельным каналам поддерживались объединения юристов, женские организации, а также структуры национальных меньшинств. Целевую поддержку получали также редакции изданий прежде всего политических сайтов, таких, как «Аль-Масри аль-Юм», а на международном уровне — «Аль-Джазира». Поддерживались и отдельные интеллектуалы, преимущественно из сферы СМИ — мастера фельетонного и карикатурного жанра.

Как следует из материалов WikiLeaks, посол США в Египте Маргарет Скоби в своих донесениях еще в декабре 2008 г. упоминала о движении «6 апреля», которому предстояло быть одним из основных организаторов акций протеста, а один из египетских оппозиционеров — топ-менеджер Google Ваил Гоним — был отправлен на организованный Госдепом США семинар молодых активистов по фальшивому паспорту. По данным М.Скоби, на тот момент группа «6 апреля» в социальной сети Facebook уже насчитывала 70 000 человек, преимущественно из образованной молодежи. Особый акцент был сделан на работе с коптским меньшинством. Как и в Судане, христианское меньшинство в Египте с начала 1980-х патронировалось специально созданными для этого организациями — Интернационалом христианской солидарности (CSI) и фондом Pax Christi.

На Арабском Востоке максимально использовались **социальные сети**. Прежде всего, это Facebook и Twitter, блогеры которых были призваны экзальтировать аудиторию и координировать выступления. Например, волнения в Йемене и

Иордании начались одновременно. 15 января в один день (!) начались волнения в Бахрейне и Ливии, чего невозможно было бы добиться при отсутствии сетевых структур. Поэтому вполне справедливо считать эти события «твиттер-революциями».

После событий 9/11 (2001 г.) Вашингтон мобилизовал огромные финансовые ресурсы и создал порядка 350 (!) новых программ в области образования, культуры и информации для «продвижения демократии» и создания в арабских странах прослойки граждан, ориентированных на США. Все программы объединены в масштабный проект Госдепартамента США под названием «Инициатива поддержки партнерства на Ближнем Востоке». В 2002 г. была четко обозначена цель данного проекта — осуществить демократические преобразования в таких странах, как Алжир, Бахрейн, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Марокко, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Тунис, ОАЭ, Палестинские территории, Иран, Ирак и Ливия...

В реализации этих проектов апробировано принципиальное новшество. Впервые за шестьдесят лет существования «публичной дипломатии» США изменили целевую аудиторию программ обучения. Теперь вместо действующей элиты, военных и диссидентствующей интеллигенции правительство США стало обучать молодежь до 25 лет и женщин. Кроме этого, Госдеп модифицировал тактику продвижения своего влияния в этом регионе. Вместо поддержки политических режимов и армии, Вашингтон стал создавать альтернативные партии, некоммерческие организации, реформировать системы образования.

В результате за десять лет осуществления «публичной дипломатии» произошло, во-первых, значительное увеличение числа арабского населения, прошедшего политическое обучение как в США, так у себя на родине. Если в конце 2000 г. тысячи граждан вовлекались в программы обменов или обучения, то уже в 2004—2009 г. — сотни тысяч. Например, только из Египта в 1998 г. США пригласили на обучение по программам в области развития демократии около 3300 человек, в 2007 г. — это уже было 47 300 человек, а в 2008 г. — 148 700 (!) человек.

Во-вторых, США удалось «обработать» молодежь, представляющую не самые обеспеченные слои общества и лишенную возможности получить образование. Эти группы молодежи — т.н. *underserved youth*, или молодежь группы риска — имели высокие шансы стать членами террористических группировок. Отучившись в специальных школах по обучению основам демократии и гражданского общества, изучив политические технологии и основы протестного дви-

жения, они стали ударным отрядом «демократических преобразований» и лишь ждали часа «Х».

В-третьих, это создание целой серии информационных программ. Начиная с 2002—2004 гг. правительство США создало порядка десяти новых радиостанций и телеканалов. Наиболее известные среди них — каналы «Сава», «Фарда», «Свободный Ирак», «Голос Америки на курдском языке», «Сеть персидских новостей» и др. Большинство из них, как видно из названий, были созданы в странах Ближнего Востока. Самый масштабный — это телеканал «Аль-Хурра», который охватывает все страны Северной Африки и Ближнего Востока.

Особое внимание было обращено на подготовку блогер-активистов. Например, только на базе юридической школы Колумбийского университета перед организаторами будущих акций проводили «презентации» ключевые сотрудники из команды Обамы, обеспечивавшие его избрание. Еще одной структурой, отвечавшей за подготовку оппозиционеров, стал Alliance for Youth Movements, также финансируемый Госдепом США. Кроме того, в разработке сценариев революций и подготовке оппозиционного ядра принимали непосредственное участие: New America Foundation — соучредитель Global Voices и партнер Google — Центр СМИ и публичной политики Школы государственного управления им. Кеннеди при Гарварде, Беркмановский центр «Интернет и общество» при Гарвардской Школе права, NEXACenter, Оксфордский институт Интернета, Школы права Колумбийского и Йельского университетов и др. И это — лишь небольшая часть информации о ведении психологической войны в арабских странах.

Так что говорить о спонтанности «народных» революций в арабском мире может только или несведущий человек, или человек, сознательно скрывающий информацию.

Есть ли выход из кровавых тисков «управляемого хаоса», включающего в свою орбиту всё новые пространства на планете, есть ли предел работы «принципа домино»? Выход есть, но он невозможен без двух принципиально важных вещей: беспощадного знания о самих себе, об истории предательств «своих», оказавшихся чужими; без тесного единства народов и стран, готовых отстаивать свои национальные интересы, своё не искажённое прошлое, своё самостоятельно определяемое будущее...

(Фонд стратегической культуры)

БОЕВОЙ КОРАБЛЬ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Молодая гвардия» — русский национально-патриотический, просветительский журнал, отстаивающий и защищающий на жестоких фронтах идеологических сражений самые насущные гуманистические интересы и чаяния соотечественников. Но этого сказать — мало.

Сегодня в условиях разнузданно-циничной, беспощадной агрессии русофобии и либерально-оголтелого космополитизма этот центральный печатный орган — один из немногих, кто, как памятный героический крейсер «Варяг», бьётся без усталости в окружении противника, мужественно и умело контратакует, наносит противнику очень чувствительные удары, мобилизует разрозненные патриотические силы России в единую могучую и неодолимую духовную силу.

Бережно хранящая бессмертные гуманистические традиции русской классической журналистики и вместе с тем публицистически кинжально-разящая, со своей национально-эстетической просветительской философией «Молодая гвардия» — это щит и меч попоранного нынче русского национального самосознания.

Однако в результате усердной подрывной антипатриотической работы доморощенных либералов, облепленный со всех сторон клеветническими пропагандистскими ярлыками, возбуждающими к нему лютую ненависть обывательской публики, журнал, естественно, не смог достигнуть массово востребованного максимума. Надо честно, откровенно признать: далеко не всё, что мы, читатели и почитатели этого издания, могли бы для него сделать, мы делаем.

Рискну утверждать: пока «Молодая гвардия» не станет настольным наставником жизни для каждого гражданина России, — здоровых перемен в нашем Отечестве не жди, ибо нынче, как никогда, крайне необходимо движение гражданских умонастроений в сторону общественно-государственных, а не индивидуалистических интересов. Все радикальные социально-экономические и морально-нравствен-

ные перемены поначалу, как известно, рождаются и формируются в головах, прежде чем стать светлой и обнадёживающей явью в реальном бытии.

Друзья! Неужто утратилось наше патриотическое братство и угас непобедимый русский дух?! Где наше неколебимое родство душ, способное сделать «Молодую гвардию» флагманом борьбы за Русскую идею? Давайте ответим самим себе: что сделал каждый из нас, чтобы журнал стал самым востребованным целителем душ, самым насущным и необходимым в нашей общественной и духовной жизни, в педагогической и воспитательной работе в студенческой и молодёжной среде, на арене политической жизни?..

Уверен, все здравомыслящие русские люди обязаны просто и осознанно, без бравады и громких деклараций помочь нашему печатному патриотическому рупору не только добрым словом, но и делом, помочь ему выжить, чтобы вместе сражаться, чтобы чувствовал журнал за собой надёжный тыл, ибо без массовой поддержки общества и каждого из нас современная русская патриотическая печать обречена на умирание.

Столь же энергично, активно мы, русские люди, призваны встать стеной на защиту нашего патриотического органа печати от постоянных происков всей этой своры «либеральной» гнили, строчащей доносы и множащей наветы на «Молодую гвардию» и другие русские журналы и газеты.

Ведомый уверенной капитанской рукой главного редактора, боевой корабль «Молодая гвардия» устоял в пучине мракобесия пресловутой «перестройки» и «демократических реформ», стал передовой линией для лучших творцов пера самых разных национальностей. Журнал сплачивает живые патриотические силы, открывает читателям глаза на сущность подлинно реалистического искусства, на его принципиальное отличие от космополитического, лишённого национального стержня псевдоискусства, неустанно развенчивает ложные либеральные химеры, сеющие ложь и смуту в головах людей. На зримых жизненных примерах журнал показывает правду современной российской жизни и призывает к борьбе за справедливость на нашей земле, за восстановление высокого достоинства русского человека.

Слава боевому журналу «Молодая гвардия»!

Владимир ЮДИН, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Петровской академии наук и искусств, член Союза писателей России, лауреат литературной премии им. В.С. Пикуля

ГОЛОДОМОР ПО-АМЕРИКАНСКИ

«Golodomor ad usum externum»

В американской истории есть преступление против своего народа — это великий американский Голодомор 1932—1933 годов, в результате которого США недосчитались многих миллионов своих граждан.

Однако США постоянно пытаются навязать нам строгие «уроки голодомора» под девизом «Golodomor ad usum externum» («Голодомор для наружного применения» (лат.):

«Комиссия, созданная конгрессом США в 1988 году, пришла к выводу, что в период голодомора четверть украинского населения — миллионы украинцев были намеренно уничтожены советским правительством путем геноцида, а не просто погибли вследствие неурожая»;

«20 октября 2003 года Палатой представителей Конгресса США принята резолюция по голодомору 1932—33 годов на Украине, в котором признала его актом террора и массового убийства, направленного против украинского народа»;

«В ноябре 2005 года Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию, которая разрешает украинским властям от-

ДОСЬЕ "МГ"

крыть в Вашингтоне памятник жертвам Голодомора 1932—1933 годов и признала его»;

«Конгресс США в этом году (2008-м. — Б.Б.) может рассмотреть новую резолюцию по Голодомору на Украине 1932—1933 годов».

Такие новости немедленно заполняют ленты информационных агентств, обильно цитируются прессой, подхватываются телевидением и правозащитными организациями, путём информационной инъекции насильственно вводятся в сознание миллионов людей во всём мире.

Но за кадром новостей всегда остаётся вопрос: с чем связана такая настойчивая, почти назойливая внимательность конгресса США к событиям 75-летней давности в отдалённой от них точке планеты. Почему вполне осведомлённые американцы не протестовали тогда, в 1932—1933 годах, и спохватились только спустя пятьдесят пять лет? Только ли текущие интересы политической борьбы с СССР, влияние России на постсоветском пространстве, стремление навсегда отколоть от единой русской нации малороссов — вновь и вновь искушают американцев повторять штампы геббельсовской фашистской пропаганды образца 30-х годов о том, что *«миллионы украинцев были намеренно уничтожены советским правительством».*

Версия об особо обострённом чувстве сострадания и справедливости, присущем американским конгрессменам, отпадает сразу — достаточно поискать одну (одну, а не три) резолюции конгресса, где геноцид в отношении коренного населения США был бы честно назван геноцидом или хотя бы «массовым истреблением» — и это несмотря на то, что большая часть населяющих территорию США народов была уничтожена полностью или их общая численность последовательно и целенаправленно сокращена приблизительно в сто раз.

Об этом, как и о геноциде коренного населения, вы не найдёте осуждающих резолюций конгресса, гневных выступлений американских политиков, «памятных знаков», сооружённых в годовщину массового уничтожения людей, и других знаков памяти. Память об этом надёжно замурована в подделанных отчётах статистики, в вычищенных от свидетельств преступлений архивах, списана на «невидимую руку рынка», залакирована панегириками о гениальности президента Рузвельта, о необходимости организованных им для нации «общественных работ» — по сути, мало отличавшихся от ГУЛАГа и эпопеи строительства Беломорканала. Разумеется, по американской версии истории, только «в Советском

Союзе миллионы мужчин, женщин и детей стали жертвами жестоких действий и политики преступного тоталитарного режима», к американской истории такие определения неприменимы.

Попробуем развеять этот миф, опираясь только на американские источники.

Подделанная статистика

Попытка ознакомиться с официальной демографической статистикой США ошеломляет с самого начала: данные статистики за 1932 год уничтожены или очень хорошо спрятаны. Их просто нет. Без объяснений причин. Да, они появляются позже, в статистике более поздней, в виде ретроспективных таблиц. Изучение этих таблиц также приводит внимательного исследователя в некоторое изумление.

Во-первых, если верить американской статистике, за десятилетие с 1931 по 1940 год по динамике прироста населения США потеряли ни много ни мало 8 миллионов 553 тысячи человек, причем показатели прироста населения меняются сразу, одномоментно в два (!) раза точно на рубеже 1930—1931 годов, падают и замирают на этом уровне ровно на десять лет. И так же неожиданно, спустя десятилетие, они возвращаются к прежним значениям. Никаких объяснений этому в обширном, в сотни страниц тексте американского доклада не содержится, хотя он наполнен пояснениями по другим вопросам, не стоящим по сравнению с вышеназванным даже упоминания. Вопрос просто обойдён фигурой умолчания. Мол, нет такого вопроса.

Любой ответственный демограф скажет вам, что одномоментное двойное изменение показателей динамики прироста или убыли населения в стомиллионной огромной стране возможно только в результате массовой гибели людей.

Может, люди уехали, эмигрировали, бежали от страшных условий Великой Депрессии? Возьмём точные, подробные данные по иммиграции в/из США и движению населения, легко проверяемые через кросс-сравнение с данными других государств и поэтому вполне заслуживающие доверия. Увы. Иммиграционная статистика никак не подтверждает эту версию. Действительно, в самый разгар депрессии, наверное, впервые в новейшей истории США, страну покинуло больше людей, чем въехало в неё. Всего за 30-е годы страну покинуло на 93 309 человек больше, чем прибыло в неё, а десятилетием ранее в страну дополнительно прибыло 2 960 782 человек.

Всего, согласно расчётам, в 1940 году население США, при сохранении прежних демографических тенденций, должно было составить, как минимум, 141,856 миллиона человек. Фактическое же население страны в 1940 году составило всего 131,409 миллиона, из которых только 3,054 миллиона объяснимы за счёт изменения в динамике миграции.

Итак, 7 миллионов 394 тысячи человек по состоянию на 1940 год просто отсутствуют. Никаких официальных объяснений по этому поводу нет. Думаю, этих объяснений и не будет. Но если таковые и появятся: эпизод с уничтожением статистических данных за 1932 год и явные признаки подделки данных позднейших отчётов заведомо лишают правительство США давать какие-то заслуживающие доверия комментарии в этом вопросе.

Впрочем, американцы далеко не одиноки в своём стремлении системно уничтожать компромат и скрывать потери населения от голода. Это вполне наследственная черта англосаксонской политики, и родом она из Британской империи. Так, в 1943 г. британские власти допустили чудовищный голод в Бенгалии, в результате которого погибло свыше 3,5 млн. человек, а до этого вполне успешно морили голодом Ирландию.

Организация массового голода в Индии была ответом британской администрации за восстание 1942 г. и поддержку населением «Индийской национальной армии». Но вы не найдёте таких данных в британских источниках тех лет. Только обретение Индией независимости позволило позже собрать и обнародовать эти материалы. В противном случае чудовищный британский голодомор 1943 года никогда бы не стал нам известен, все было бы надёжно затёрто и спрятано, как это и случилось с материалами по жертвам Великой Депрессии. Собственно, такие скелеты в шкафу есть у любой колониальной державы.

Когда Соединённые Штаты развалятся — и только тогда, — мы с вами узнаем много интересного о преступлениях властей США против собственного народа, геноциде коренного населения континента и об этом трагическом времени. И, возможно, тогда будущего осведомленного читателя весьма удивит противопоставление «мудрого» Рузвельта «злодею» Сталину.

Но мы сегодня живём в мире, где «чудовищному» Сталину, якобы заморившему целые народы, противостоит бело-пушистый «ангел добра» под видом «Made in USA», и этот «ангел» надрывно вопит о миллионах намеренно умученных голодом в СССР. Но как они, там, в американском конгрессе,

считают число жертв наших голодоморов? Их «исследователи» зачастую жалуются на недостаток статистики, её неполноту, на то, что цифру погибших приходится выводить сугубо расчётным путём, примерно по той же методике, как мы делали выше. На основании этих расчётов «числа жертв голодомора» конгресс США и их сателлиты регулярно принимают всё новые и новые резолюции, обвиняя СССР и Россию в многомиллионных жертвах.

Вышеприведённые выжимки из расчётов — лишь проверка на точное применение этих принципов к самим Соединённым Штатам. И эту проверку цитадель демократии и прав человека с треском проваливает.

Итак, господа пиндосы: где **7 миллионов 394 тысячи человек, исчезнувших из статотчётов 30-х годов?** Вот часть скриншота статистического сайта правительства США: «**Статистический отчёт за этот год не составлялся**» — гласит подпись. Хороший способ спрятать концы в воду — просто не составлять отчёт.

Бэкграунд американского Голодомора

Начало тридцатых — настоящая гуманитарная катастрофа в истории США. В 1932 году число безработных достигло отметки 12,5 млн. человек. Это при всём населении Штатов — включая детей и стариков — в 125 миллионов. Пик пришёлся на начало 1933 года, когда безработных в Америке было уже до 17 миллионов — с членами семей это примерно полностью безработная Франция или Британия!

Маленький штрих к портрету эпохи: когда в начале 30-х советская фирма «Амторг» объявила о наборе специалистов для работы в СССР за небольшую советскую зарплату, на эти вакансии было подано свыше 100 тысяч (!) заявок от американцев. Такое впечатление, что заявку отправил каждый второй, кто вообще прочитал газетное объявление «Амторга».

В период наибольшего обострения экономического кризиса каждый третий работающий был лишен занятости. Настоящим бедствием стала частичная безработица. По данным АФТ (Американской Федерации Труда), в 1932 г. полностью занятыми остались всего 10% рабочих. Только в августе 1935 г., спустя пять лет после начала кризиса, когда основная часть тех, кто «не вписался в рынок», уже погибли, был принят закон, предусматривавший страхование по старости и безработице. Впрочем, страхование не коснулось ни фермеров, ни ряда других категорий занятых.

Напомним, что как таковой национальной системы социального страхования в стране в разгар кризиса просто не существовало — то есть люди были предоставлены сами себе. Небольшая помощь безработным начала оказываться только с середины 1933 года. У администрации долгое время не было даже федеральной программы борьбы с безработицей, а проблема безработных была переложена на власти штатов и городские муниципалитеты. Однако практически все города уже превратились в банкротов.

Массовое бродяжничество, нищета, детская беспризорность стали приметой времени. Появились заброшенные города, города-призраки, всё население которых ушло в поисках еды и работы. Около 2,5 миллиона человек в городах лишились жилья совсем и стали бездомными.

В Америке начался голод. Даже в наиболее благополучном и самом богатом городе страны, Нью-Йорке, люди начали массово умирать от голода, что вынудило городские власти начать раздачу бесплатного супа на улицах. Вот подлинные воспоминания ребенка об этих годах: *«Мы заменяли нашу привычную любимую пищу на более доступную... Вместо капусты мы использовали листья кустарников, ели лягушек... в течение месяца умерли моя мама и старшая сестра...»* Однако не у всех штатов хватало средств даже на бесплатный суп.

Удивительно видеть фотографии этих длинных очередей к военно-полевым кухням: приличные лица, хорошая, ещё не обносившаяся одежда, типичный средний класс. Люди словно вчера потеряли работу — и оказались за чертой жизни. Я не знаю, с чем сравнить это. Похожие по духу фотографии есть, пожалуй, только из освобождённого Красной Армией Берлина, где «русские оккупанты» кормят оставшееся в городе мирное население. Но там другие глаза. Там в глазах надежда, что самое страшное уже позади.

Механизм обмана

В общем объёме демографических потерь особое место занимает детская смертность. В силу отсутствия паспортной системы и регистрации по месту жительства скрыть факт детской смертности было проще — путём неучёта. В США даже и сейчас не всё хорошо с показателями детской смертности (хуже, чем на Кубе, например), а в «процветающем» 1960 г., в течение первого года жизни умирало 26 из 1000 рождённых детей. При этом уровень смертности детей, рождённых не белыми, достигал 60 — это в более чем благополучный период. Что интересно, официальная американская статика

(задним числом, напомним) показывает не рост, а снижение (!) смертности населения в 1932—1933 годах — это на фоне более пяти миллионов беженцев, 2,5 миллиона потерявших жильё и 17 миллионов полностью потерявших работу и средства к существованию, что определённо и доказательно свидетельствует о поддельном характере американской государственной статистики за этот период. Американские фальсификаторы отчётности так перестарались, что в пиковые кризисные 1932—1933 годы вывели уровень смертности ниже, чем в благополучном 1928-м.

Ещё показательней данные смертности по штатам: так, в Федеральном округе Колумбия за тот же 1932 год умерло 15,1 человек на тысячу населения, причём смертность выросла. Это столица, учёт налажен, и данные похожи на правду. А вот в Северной Дакоте смертность в кризисном 1932-м — якобы 7,5 человек на 1000 населения, вдвое меньше, чем в столице страны! И меньше, чем в той же Дакоте в наиболее благополучном, процветающем 1925-м!

Чемпионом по обману стала, судя по всему, Южная Калифорния: за три года, с 1929-го по 1932-й, нарисованная в отчётах смертность там снизилась с 14,1 до 11,1 человек на 1000 населения. Положение с детской смертностью в стране, если верить отчёту, в разгар кризиса также существенно улучшается по сравнению с годами процветания. Показатели детской смертности по отчётам за 1932 и 1933 год — вообще самые лучшие за всю историю статистических наблюдений в США с 1880-го по 1934 год! Кто-то ещё верит этим цифрам?

Сколько погибло детей?

Более поздняя американская статистика содержит данные по возрастному распределению доживших детей, по состоянию на 1940 год. И если в 1940 году численность родившихся в 20-х годах составляет 24 миллиона 80 тысяч, то при сохранении этого демографического тренда в 30-х должно было родиться не менее 26 миллионов 800 тысяч детей. Но в поколении рождённых в 30-е бросается в глаза недостача в 5 миллионов 573 тысячи! Ни много ни мало. Может быть, сократилась рождаемость? Но даже в 40-е, во время Второй мировой, невзирая на все потери и миллионы призванных на военную службу мужчин, — рождаемость восстановилась, почти до прежних значений. Огромные демографические потери 30-х невозможно объяснить никаким «сокращением рождаемости». Это следствие огромного количества добавочных смертей, след, прочерченный миллионами потерянных детских

жизней, черная метка великого американского Голодомора.

Исходя из этих цифр мы может также оценить общие потери от голода и взрослого населения Соединённых Штатов, как разницы между недостатчей в поколении рождённых в 30-е и общей недостатчей населения. Уж взрослое-то население, наверное, никак не могло «просто не родиться»? Мы определённо можем говорить о, как минимум, двух миллионах погибших лиц старше 10 лет и примерно 50% из пяти с половиной миллионов детских демографических потерь, которые разделены между смертностью и некоторым естественным снижением рождаемости. Таким образом уверенно можно сказать о примерно пяти миллионах прямых жертв голодомора 1932—1933 годов в Соединённых Штатах Америки.

Особо высокая — запредельная — смертность коснулась тогда нацменьшинств США. Нацменьшинства никогда не были в США предметом особой заботы, но то, что случилось в годы Великой Депрессии, напрямую граничит с геноцидом. Если после первого геноцида коренных народов, продлившегося почти до начала XX века, в течении 20-х годов численность нацменьшинств и коренных народов за десятилетие увеличилась на 40%, то с 1930 по 1940 г. их численность не только не выросла, а напротив, существенно сократилась. Это означает только одно: в начале 30-х диаспоры нацменьшинств одномоментно потеряли до нескольких десятков процентов исходного населения. Если и это не геноцид, то что же?

Предвижу вопрос о пропорции разделения доказанной убыли населения между смертностью и снижением рождаемости. Поскольку данные самих США недостоверны, приходится обращаться к методу аналогии (международных сопоставлений). В аналогичных Великой Депрессии условиях в других странах (в том числе в России 90-х) убыль населения примерно пополам распределяется между снижением рождаемости и ростом смертности. Именно эта пропорция — пополам — и принята как базовая, к которой затем можно делать обоснованные уточнения. Но в любом случае и при любых уточнениях мы приходим к цифре в несколько миллионов погибших.

Почти все в России, благодаря заботам Сванидзе, знают о двух миллионах переселённых коммунистами кулаках («спецпереселенцев»), обеспеченных, заметим, в местах переселения либо землёй, либо работой. Но мало кто знает при этом о пяти миллионах американских фермеров (около миллиона семей) ровно в это же время согнанных банками с земель за долги, но не обеспеченных правительством США ни землёй, ни работой, ни социальной помощью, ни пенсией по старости — ничем.

Это раскрестьянивание по-американски может быть безоговорочно поставлено в один ряд с раскулачиваем, проведённым в СССР ровно в те же годы, в схожих масштабах и для решения тех же экономических вызовов — необходимости роста товарности сельского хозяйства в предвоенный период, его укрупнения и механизации.

Каждый шестой американский фермер попал под каток Голодомора. Люди шли в никуда, лишённые земли, денег, своего родного дома, имущества — в охваченную массовой безработицей, голодом и повальным бандитизмом неизвестность.

Канализатором этой массы ненужного населения стали т.н. «общественные работы», организованные Рузвельтом. В общей сложности в 1933—1939 гг. на общественных работах под эгидой Администрации общественных работ (PWA) и Администрации гражданских работ (CWA) на строительстве каналов, дорог, мостов и т.д. зачастую в необжитых и болотистых малярийных районах одновременно участвовало до трех с половиной миллионов человек. Всего же через американский ГУЛАГ «общественных работ» прошло 8,5 млн. человек — это не считая собственно заключённых. Условия и смертность на этих работах ещё ждут своего внимательного исследователя.

Восхищаться мудростью товарища Рузвельта, организовавшего «общественные работы», — это примерно то же самое, как восхищаться мудростью товарища Сталина, организовавшего строительства канала им. Москвы и других великих строек коммунизма. Впрочем, на это глубокое системное сходство двух политиков обращали внимание ещё республиканцы в сороковых годах, критикуя Рузвельта за «коммунизм».

Почти демоническую схожесть Администрации общественных работ с ГУЛАГом придаёт ещё и вот что. Администрацию общественных работ возглавлял своеобразный «американский Берия» — министр внутренних дел Г.Икес*, который начиная с 1932 года заключил в лагеря для безработной молодёжи около двух миллионов человек (!), причем из 30 долларов номинальной заработной платы обязательные вычеты составляли 25. Оставалось пять долларов за месяц каторжного труда в малярийном болоте. Достойная плата свободным гражданам свободной страны.

* Это тот самый Гарольд Леклер Икес, организатор ГУЛАГа по-американски, министр внутренних дел в администрациях президентов Ф.Д. Рузвельта и Г. Трумэна, директор Администрации общественных работ в 1933—1939 годы. Именно он позже доблестно и молниеносно, во взаимодействии с армией, в 1941—1942 годах интернировал этнических японцев США в концентрационные лагеря. Первый этап операции занял всего 72 часа.

На фоне массового голода и гибели «излишнего» населения правительство США замечено также в том, что в эти годы, в угоду определённым кругам, а именно аграрному бизнес-лобби, оно в значительных количествах и системно уничтожает запасы продовольствия в стране. Разумеется, вполне «рыночными методами». Уничтожает разнообразно и с размахом: зерно и просто сжигали, и топили в океане. Так, например, было уничтожено 6,5 млн. голов свиней и запахано 10 млн. га земель с урожаем.

Цель не скрывалась. Она состояла в росте цены на продовольствие в стране в два раза с лишним в интересах агрокапитала. Разумеется, это полностью совпадало с интересами крупных капиталистов от сельского хозяйства и биржевой торговли, но не очень нравилось голодным. «Голодные марши» при Гувере, как и расправы над марширующими, стали обыденностью даже в американских столицах. Но и при Новом Курсе Рузвельта для капиталистов были запланированы прибыли, а для голодных — ГУЛАГ «общественных работ». Каждому свое.

Впрочем, голод и гибель от голода собственного населения никогда особо не волновали правительство США — в отличие от жертв других «голодоморов», которые можно было разыграть в политических целях.

«У меня нет опасений за будущее нашей страны. Оно светится надеждой», — сказал президент Гувер в самый канун Великой Депрессии. А у нас нет опасений за прошлое Соединённых штатов — по их версии истории, оно, как жена Цезаря, всегда вне подозрений.

Важно отметить, что до 1988 года, когда была создана комиссия конгресса США по расследованию «голодомора на Украине», Соединённые Штаты не педалировали эту тему, как, впрочем, и другие темы из «золотого фонда» Геббельса, такие, как Катынь, или «изнасилованная Германия». Штаты отчётливо понимали, что у них — свой уморенный голодом скелет в шкафу, и ответный идеологический удар Советского Союза будет быстрым, точным и проигрышным для Америки. Размер демографической ямы в СССР и в США в начале 30-х годов совершенно сопоставим, и взаимная фигура умолчания вокруг этой скользкой темы была частью негласного кодекса «холодной войны». Только в 1988 году Вашингтон, получив группу высокопоставленных агентов влияния в Кремле во главе с Михаилом Горбачёвым, имея в качестве идеологического визави не «железного человека» Суслова, а

либерала Яковлева и заведомо зная, что ответного удара со стороны Советов не последует, начал постепенно раскручивать тему голодомора на Украине. Момент был выбран как нельзя удачнее.

Мы не можем ждать от Штатов саморазоблачений на тему американского голодомора, публикации архивных документов и признаний, по типу тех, что были инициированы — а возможно и сфальсифицированы — командой Горбачёва в конце 80-х под лозунгом «восстановления исторической правды». Никакого восстановления исторической правды до крушения западной Империи Зла не состоится. Замалчивание правды о великом американском Голодоморе — консенсусное решение всей американской политической элиты — и республиканской, и демократической. В огромных жертвах 30-х годов равно повинны и республиканская администрация Гувера, и демократическая администрация Рузвельта. И у тех, и у других на совести миллионы жертв их живодёрской политики. Именно поэтому политическая система Соединённых Штатов достаточно консолидирована в вопросе полного отрицания факта Голодомора в США и его многомиллионных жертв. С пеной у рта будет отрицать это и пятая колонна российских правозащитников, из тех, что стоят на балансе Государственного департамента США и имеют инвентарный номер. Но историческая правда неизбежно будет раскрыта. Соединённым Штатам давно пора заглянуть себе под хвост.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

БАЗАРА НЕТ, СЫНОК...

Лето. Выходные. Липецкий парк культуры и отдыха... Отдыха для плебса, как выражаются некоторые организаторы досуга рядовых горожан. Простонародья, так сказать. Оно и впрямь: не в парковом же тире «реальным пацанам» постреливать. И не на вытоптанных же газонах «накрывать поляны» любителям заграничных уикендов. И не в шахматы же играть завсегдадаям казино и боулинговых клубов...

Тянутся в парки люди попроще, работяги да служивые, пенсионеры да подростки, пока еще за гуляние по аллеям и пошлые эстрадные песенки денег не берут. Почти всё уже платное — пруды, леса, пляжи. А в парке гуляй себе, и никто пока за это платы не требует. Правда, никуда не спрятаться от «песни весёлой» — она несется с концертной площадки, из громкоговорителей, вырывается из кафе, выбивается из гитар, извлекается из гармоний и баянов. Даже в самом дальнем уголке парка по выходным от шума не спрячешься.

Однако у многих выбора нет, и идут они в парк семьями, с малыми детишками и большими. И наблюдает ребятня, как на сцене полуголые девицы над-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

рываются: «Я люблю тебя, я люблю тебя, увези меня с собой, АЛИБАБА!» «Алибабам» что, они могут и увезти, их тоже немало на аллеях парка. Усмехаются, обнажая белые зубы на темных, словно задубевших лицах. Ой, напроситесь, девушки, на свою и наши головы...

От шума ли, от чего другого люди в парке редко разговаривают, не беседуют по душам. Вот пожилые женщины о чем-то рассказывают друг дружке, склонив головы: иначе не слышно. А в основном все гуляют молча — и словно какие-то обиженные. Жены с мужьями, родители и бабушки с детьми и внуками — все врозь, как чужие. Кто-то крикнул, кто-то буркнул — и всё, понеслись дальше — полубегом, на роликах, велосипедах, досках, с колясками и без...

— Ты понимаешь, ну не могу я без ста рублей в кармане из дому выходить! — отчаянно зовет проходящий мимо мужичок к жене. Она молчит: видно, в уме подсчитывает, во сколько эти «не могу» выливаются в месяц...

— Да ты если не знаешь ничего, то и не лезь не в своё дело! — грубо взрывается другой, на лавочке, тоже недовольный своей подругой жизни. И та «разговор» не поддерживает. А девицы на сцене продолжают заполнять воздушное пространство своими нехитрыми «ляляля, три рубля...»

Ребятишки в колясках умудряются спать. С умилением всегда гляжу на молодых пап, гордо катящих впереди себя четырехколесные экипажи с малолетними чадами внутри. Такие случаи редки: в основном мамы и бабушки выгуливают малышей. А однажды на выходе из парка, где музыка уже глуше, встречаю сразу двоих: стоят, друг другу в коляски заглядывают. Пока не разбудили одного малыша...

Как закатился он в рёве! Да плачет и плачет, аж выгибается. Бедный папаша стоял-стоял, не зная, что делать и как успокоить ребёнка, что ему, собственно, говорить. И вдруг взял погремушку в руку, лихорадочно затряс ею над головой малыша и закричал:

— Базара нет, сынок, базара нет!..

И это ещё цветочки. Видно, ягодки непонимания, разобщенности, бессловия и безмыслия еще впереди.

ВОЛЬНЫЙ ПРОЕЗД

Осенью 1941 года «зарыли в шар земной» Марину Цветаеву. Погода, судя по всему, была отвратительной. А Марина плохо переносила дожди, мрак, холод, оживала в тепле и свете. Последнего в осенней Елабуге явно не хватало. Как и человечности — истинной, а не мнимой. Впрочем, Цветаева

удивительно плохо разбиралась в людях. Сначала кидалась к ним с распростертыми объятиями и распахнутой душой, а потом разбивалась и уходила в себя. Вот такая сочетаемость несочетанного: рационального, умного, холодного — и безрассудно-доверчивого, безмерно-открытого.

После того, как ее отвергли, отсекали от чистопольской писательской колонии, а потом почти согласились принять в посудомойки несуществующей писательской столовой (то-то бы таскала и мыла миски асеевым, зелинским, чуковским), она умудряется доверить сына после своей смерти тому же Асееву. А тот собрал его вещички и отправил на попечение государства.

Был еще один радетель у Цветаевой — Пастернак. Якобы он принимал большое участие в судьбе Цветаевой. О ее гибели он отозвался так: *«Марина Цветаева всю жизнь заслонялась от повседневности работой, и когда ей показалось, что это непозволительная роскошь и ради сына она должна временно пожертвовать увлекательною странностью и взглянуть кругом трезво, она увидела хаос, не пропущенный сквозь творчество, неподвижный, непривычный, косный, и в испуге отшатнулась, и, не зная, куда деться от ужаса, впопыхах спряталась в смерть, сунула голову в петлю, как под подушку»*.

Ну и молодчина этот Пастернак! И участие принимал, и столько потом написал образного и красивого! Бедная Цветаева. Лучше бы он приютил ее с сыном на своей даче. Она так не хотела уезжать. Или еды бы ящик на пароход принес. А то, узнав, что они уплывают без съестных припасов, купил ей пакет пирожков (!). И всю-то жизнь потом виноватился.

«Ради сына она должна временно пожертвовать увлекательною странностью...» Это поэзия-то для Цветаевой — увлекательная странность?! И мало чем она жертвовала — и не временно — ради сына?! И что — временно? Она уже несколько лет ничего не писала, могла НЕ-писать. И это было совсем не временно. Война и потеря близких, вернее, их отсутствие рядом, захлестнули ее с головой, ей нечем было дышать — не то что писать. Все вокруг — чужие. Даже из петли ее вынул случайный прохожий.

Хоронили — камень не поставили. Как бродяжку, нищенку какую-то. Она и чувствовала себя такой. Всю жизнь побиралась: то пособие выпрашивала, то вечер организовывала, билетики выписывая за гроши, чтоб только заработать. То книжки самодельные от руки писала — тоже продавала. То шапочки вязала или носки штопала — прямо как мы сейчас.

В 18-м году, чтобы добыть голодающим дочкам крупы, она села на поезд и рванула в неизвестную Усмань — ныне Ли-

пецкой области, а тогда Тамбовской губернии — с отрезом розового ситца, тремя кусками мыла и несколькими коробками спичек на обмен.

Находилась вволю — «тридцать вёрст пешком по стриженному полю»: дело было в сентябре. За пару недель, которые она жила в одной избе с «бойцами» реквизиционного продотряда во главе с «Иосей» Капланом и иже с ним, а днями бродила по деревням, она раздала крестьянам все спички, а мыло и полотно поменяла-таки на пшено, три куклы для Али (!) и... нашейный янтарь. От этой ее добычи разбойники-левиты и капланы ухохатывались. А ей приходилось еще им полы и посуду (опять посуду!) мыть, расплачиваясь за постой.

Вернувшись в Москву, она, как и мечтала, «выдышалась стихом», а еще написала изумительный очерк «Вольный проезд». Какие колоритные образы! Какой выпуклый язык! Какие яростные споры, начиная с Бога и кончая, как всегда, «жидами»... Вся она там, в этом очерке — категоричная и безрассудная. В самой середине разбойничьей «сказки» затевает разговор об убийстве Урицкого. «Кого жида убили?!» — вскакивает еще одна «героиня» очерка, приехавшая из Москвы «тёща» одного из солдат. И далее:

«Левит: — Вы изволили выразиться про идейную жертву — жид?!»

Теща — Левиту: — Да что ж это вы, голубчик, всхорохорились? Подумаешь — “жид”. Да у нас вся Москва жидом выражается — и никакие ваши декреты запретные не помогут! Потому и жид, что Христа распял!

— Хрис-та-а?!»

Это надо читать. А «Стенька Разин», который стал потом героем и стихов Цветаевой, и прозы. А ее рассказ о деревенских бабах! Их напевной речи, лицах, глазах. Эти строки она написала 9 сентября 18-го года, скорее всего по дороге в Усмань или обратно:

*Привычные к степям — глаза,
Привычные к слезам — глаза,
Зелёные — солёные
Крестьянские глаза...*

В знак памяти о ее поездке в Усмань мы установили на стене тамошнего железнодорожного вокзала мемориальную доску, отлитую в цехах липецкого металлургического комбината. Было это в октябре 2002 года, к 110-летию Цветаевой. И сейчас там каждое первое воскресенье октября собирается народ и под стук колес проезжающих поездов читают стихи — свои и Маринины.

И вдруг случайно обнаруживаю в Википедии информацию, что, оказывается, в России есть всего несколько улиц, названных именем Цветаевой. Одна из них — в Королеве, другая — в Абакане, а третья — в... липецком селе Сселки, что в километрах десяти от областного центра. Ну, как было не съездить туда?

И каких только улиц в этих Сселках нет! Поэтическая, Михаила Кольцова, Хрустальная, Сказочная, Краснозоренская, Пушкина и даже Высоцкого. Цветаевскую искали часа два. Оказалось, что пока это даже не улица, а ямы, засыпанные булыжником под видом щебня в новостроящемся коттеджном районе села. Народ там обживается в основном небогатый: с большими недостатками в такую глушь или не лезут, или дорогу сразу выкладывают. И рядом с домами не джипы, а «нивы». Таблички с названием улицы, естественно, еще нет. Кто такая Цветаева, жители знают, даже обиделись за вопрос. Но до стихов дело не дошло...

Названия улицам придумывают в тамошнем отделе по работе с населением. Почему именно Цветаева?

— А мы хотели, чтобы красиво звучало, — ответила специалист молодым женским голосом.

— А я думала, вы ее стихи любите.

— Конечно! У нас в отделе даже ее книжка есть!

Ну, хоть так. Уезжая, подумала: а ведь Цветаевой именно эта улица — на краю незнакомого села, в рытвинах и колдобинах, почти в лесу — была бы ближе и дороже, чем любая другая. Потому что она всю жизнь много ходила и совсем не по асфальтам. Любила деревья, камни, холмы и «холмистости», крутые подъемы. И эта дорога словно олицетворяет все ее трудные и ухабистые пути, которые преодолевала она в простых разношерстных ботинках в Тарусе и Коктебеле, в Горних Мокропсах под Прагой («в лесу со стихами, с деревьями, без людей») и в предместье Парижа — Медонском лесу, в подмосковных Болшеве и Голицине.

И ведь надо было такое придумать: что она заслонялась от жизни, что в испуге отшатнулась, что не знала, куда деться от ужаса. Ну и впопыхах сунула голову в петлю, как под подушку...

И она еще хотела назвать сына — Борисом! Вовремя одумалась. И назвала сына Георгием. Победителем. Лежащим вместе с другими победителями в братской могиле. «Ради сына она должна была временно пожертвовать увлекательной странностью...» Да она ради сына пожертвовала собой, самым сыном пожертвовала, погибшим на фронте в 44-м. А чем жертвовали чуковские, пастернаки? Они свои семьи при-

строили в Чистополе. А чего бы — не в Елабуге? Вместе с Мариной, да на пароход, с пакетом пирожков. Глядишь, и подержали бы ее, от петли увели. И не пришлось бы писать такие вот надуманные, бесчувственные, пустые красоты...

ДОЧЕНЬКИ

Сидели как-то вечером на кухне своего дома в селе Казачьем супруги Поздняковы — и вновь и вновь бередили свою незаживающую рану: сына вспоминали. Их первенец Сергей погиб в Чечне, жизнь свою молодую положил за Россию и Православие. И они гордились им, и плакали, и горевали, и никак не могли унять сердечную боль. Люди воцерковленные, благочестивые, они держались верой и молитвой. А в тот вечер у Зинаиды Николаевны невольно вырвалось:

— Ну, хоть бы ребеночек от него остался, что ли, а то ведь — ничего...

И вдруг они словно прозрели. Ребеночек. Вот что нужно им в память о сыне. Если никогда не качать на руках внуков от него, но пусть растет в семье маленький человечек из детского дома. Им даже дышать стало легче. Но поддержат ли их свои сыновья?

После гибели старшего брата Роман, Игорь и Денис тоже жили в каком-то оцепенении. Поэтому решение родителей взять малыша в дом поддержали. Ведь они взрослеют, у них уже свои жизненные планы и цели, и оставлять маму с папой в таком горьком одиночестве было тяжело. Так в их доме появился первый нахохлившийся воробушек — пятилетняя дочка Саша.

Валю им привели соцработники. В семь лет девочка чего только не пережила: пьяные дебоши матери, одиночество и голод, а потом и смерть родительницы. У Вали уже сформировался характер, она была замкнута и резка. Но Зинаида Николаевна, перекрестившись, оставила и ее.

Потихоньку жизнь начала налаживаться. Сыновья разъехались — один в Липецк, двое других — в Москву, учиться. Девочки привыкали к семейному очагу, родительской заботе и ласке. Но и к требовательности. Но и к самостоятельности: убирать за собой, помогать готовить, учиться печь и жарить. И спрашивать с себя. И исповедоваться перед батюшкой: понятие греха, проступка вошло в их жизнь только в новом доме, в новой семье.

А тут еще одна беда: в районе осталась без родительского попечения девочка Катя. И вновь Поздняковы встали перед выбором: брать или не брать.

Почему именно к ним вели обездоленных девчонок? Да потому что это было наверняка — люди они верующие, непьющие, ответственные, плохому не научат. И назад не сдадут. А то ведь сплошь и рядом: возьмут приемные родители ребеночка — а через год, попользовавшись государственной поддержкой, возвращают. Мол, не сошлись характерами. Или болезненный очень. Или разговаривает плохо. А то еще и... прожорлив: так написали в объяснительной записке наигравшиеся с несчастным дитем одни несостоявшиеся родители.

Зинаиду Николаевну смущало другое: переехали-то они с Севера, из Норильска, строили дом, разбивали огород, завели живность — на всё на это нужно было время и силы. К тому же они с мужем вместе с другими прихожанами восстанавливали храм в Казачьем. Смогут ли вырастить, воспитать троих девочек? Но, глянув на Катю, уже не сомневались: ну конечно, дочка, что тут еще скажешь.

Все девочки были из пьющих втемную семей, матери опустились донельзя, отцы находились неизвестно где. И все же Поздняковы не унывали, видели, что девчонки дорожат домом, родителями, что стараются заниматься, читать, не отлынивают ни от каких трудов. Вечерами они все собирались за столом на просторной кухне, разговаривали, делились секретами с мамой и папой. А однажды Зинаида Николаевна вышла на крыльцо — а там мальчик...

Оказалось, его подбросили сердобольные соседи одной беспутной мамы из соседнего села. Знали, что Поздняковы и котенка не выбросят, не то что ребенка.

Семь лет они лечили Сережу — ребенку понадобились четыре операции! И учили — он делал уроки по семь часов в день! Возились с его питанием — он страдал желудочными заболеваниями. И воспитанием — был очень медлителен и апатичен. И все же с каждым годом становилось яснее: отношения с Сережей не налаживаются. Он не хочет учиться, не любит себя ограничивать или понуждать. И вдруг в храме к Зинаиде Николаевне подходит женщина и признается, что она Сережина мама...

После того, как ее лишили родительских прав, она протрезвела, удачно вышла замуж — за предпринимателя, у них хороший дом и доход. И она не против забрать сына. Поздняковы долго думали, что будет лучше для мальчика. Советовались с сотрудниками социальных, опекунских органов. В конце концов женщине вернули через суд ее родительские права — и Сережа с видимым облегчением покинул родителей и сестер.

Зинаида Николаевна тяжело пережила эту разлуку. И когда в местной газете появилась заметка о двух малолетних се-

стричках, оставшихся без материнской заботы, она только вздохнула и помолилась Богу за их благополучие. Девять месяцев девочки провели в реабилитационном центре. Пока Зинаида Николаевна всё-таки не сказала мужу: поехали.

— Ну разве это не Божие провидение, что за один день мы прошли все комиссии, и уже в пять вечера у нас были готовы все документы — хоть сейчас забирай девочку и вези домой! — вспоминает она. — Что мы и сделали...

Мальшек быстро приучили не драться, не ругаться, держаться друг за дружку. И сегодня все девочки — настоящие сестры. Валя и Саша пойдут в восьмой класс, Катя — в шестой, Лиза — в первый, а Аринке еще только пять лет. Девочка получила в родной семье травму позвоночника, у нее перестало расти одно плечо — и сейчас ее упорно лечат. Старшие братья их любят и поддерживают.

— Слава Богу, — восклицает их мудрая, по-русски простая и добрая мама, всегда с косынкой на голове, всегда приветливая и чуть грустная, — что он мне дал такую счастливую старость! Моим детям не надо говорить, что делать, — они сами всё знают и понимают: я на кухню — они уже там хозяйничают, я с тяпкой на огород — они рядом. А Сережа... Что ж делать. И так бывает...

— Он хоть звонит?

— Да, девочкам хвалится — что, мол, теперь ему хорошо: и чипсы он ест (это с его-то желудком!), и телевизор сколько хочет смотрит, и пиво ему не запрещают выпить, и в церковь ходить не надо...

— Зинаида Николаевна, а как же так получилось? Девочки тоже из неблагополучных семей, а воспитание на них влияет благотворно. А с Сережей не справились...

— Да, есть дети, которые несмотря ни на что тянутся к плохому. И мать только у него нашлась: у всех моих дочек матери уже умерли. И у мальшек родители сгорели недавно, напившись. Так что вовремя их из семьи забрали. А не справились мы, потому что с нечистью справиться очень трудно. Она очень сильная...

И Зинаида Николаевна задумалась. А потом серьезно так говорит:

— Вы даже не представляете, какая она сильная, эта нечисть. Да она может одним когтем всю землю перевернуть, порушить. Но Бог ей не дает... Молиться надо...

ЗАХАРКИНА МЕЧТА

По долгу службы часто езжу по районам области. В том числе и в рамках милосердной акции «Счастливые дети —

достойное будущее», которую мы затеяли в липецкой газете совместно с социальной службой. Всю дорогу, а это и час, и два, ведем разговоры о главном, и все они неизменно сводятся к одному — судьбе России...

Начинается разговор обычно с какой-нибудь телепередачи:

— А вы конкурс «Новая волна» в Латвии видели? Публика вся сплошь рафинированная, а на сцене пошлость и хамство. Диву даешься: для кого этот конкурс устроен? Для молодежи? И не стыдно тогда вульгарность и безвкусицу пропагандировать? То ведущие начинают обсуждать интимные подробности строения тела какой-нибудь «звезды», то обнаженные донельзя «певички» волнообразными движениями воздух и нравственность зрителей и участников колеблют, то из старинной хорошей песни настоящую пародию состряпают. Такая душевная песня в исполнении Клавдии Шульженко «Руки» была, а что из нее сделала Валерия? Вышла полуголая, и чего только не изображала своими шаловливыми ручками...

— Да, таких певцов и везут нам из столицы... Развлекают нашу молодежь: лишь бы о серьезном не думали! Мало ее по телевизору растлевают, так еще и на местах стараются. А сколько денег уплывает с водицею в поющих и цветных фонтанах, улетает в небо с фейерверками и шариками, это же страшно сказать. На Дне города одна старушка глядела-глядела на взрывающиеся в выси искры и говорит:

— Это же сколько наших пенсий так профукано...

— А теперь так принято — не на дело тратить казенные денежки, а на тусовки-массовки: концерты, фестивали, карнавалы, праздники, конкурсы, лагеря, движения... Это раньше молодые сами участвовали в самодеятельности, писали сценарии, занимались творчеством. А теперь только потребляют то, что им старшие товарищи за деньги устроят...

— Кому нужны эти праздники, эти столпотворения, дни города, дни независимости, дни ВДВ, дни молодежи?! Собираются тысячами и опиваются пивом! Тащат баклажки из десятков киосков и уличных летних кафе, и «бухают», «бухают» до утра под визги со сцены. Ни уму, ни сердцу. А потом фонтаны сломаны, клумбы разворочены, а мусор — «КамАЗами» вывозят! «КамАЗами»!

— Это же настоящая война против нашего народа: растлят молодежь — и какое будущее тогда у России? Почему же мы сами позволяем так с собой и с нашими детьми обходиться?

— А что мы можем сделать, если такая политика в государстве, если деньги выделяют именно на широкомасштабные — хорошо слышные и видимые — мероприятия: чтоб со

стрельбой в воздух, криком в микрофон, гремящей музыкой, толпами народу...

— Причем наши ребята спиваются, деградируют, а другие нации тем временем размножаются и крепнут.

— А вы знаете, что в детских садах славянских детей уже меньшинство? У наших же по одному-два ребеночка, а у них — по трое-четверо: им и льготы, как многодетным, и детский сад без очереди, и выплаты, и пособия.

— И в школах многие приезжие по-русски говорить не могут. Какой уровень преподавания в классе, если ориентироваться приходится на тех, кто вообще не понимает, о чем речь идет? Почему в других странах требуется знание государственного языка и в школу без должного владения языком просто не зачислят, а у нас любую попытку отстоять русскую культуру и русский язык тут же объявляют национализмом?

— А кто поступает в институты? В списках первой волны на бюджетные места Ивановых с Петровыми не густо наберется...

— Да посмотрите, кто у нас врачи — и фамилии-то не говоришь. И зачем им нас лечить?

— А что на Урале, в Сагре случилось? Бандиты сорок минут туда ехали, сорок минут обратно — и никого не задержали. Можно догадаться, кто у них там в полиции служит...

— Ну почему, почему мы такие, почему земли свои продаем-разбазариваем, предприятия рушим, культуру не поддерживаем, детей своих за границу на усыновление отдаем...

Вопросы остаются без ответов — видимо, в большинстве своем они риторические. Тем временем приезжаем. Село Хлевное, райцентр, на берегу Дона. Природа изумительная. Само село тоже радует глаз. Улицы заасфальтированы, всюду цветники, газоны, прудики, парковые скульптуры, мостики, гуси-лебеди. Но что делается для детей, чтобы их детство было счастливое? Решили посетить несколько семей, где судьба ребятшек могла сложиться по-всякому...

Новый щитовой дом. У порога встречает маленькая крепенькая женщина лет 30 с небольшим. Несколько лет назад ее муж подался на заработки — и пропал.

А у нее на руках грудная дочь и сын трех лет в придачу. Да к тому же не сложились отношения со свекровью, а своей крыши над головой у молодых не было. Так Татьяна с двумя детьми оказалась практически на улице и без гроша в кармане.

Помогла социальная служба: есть у нее такие ресурсы как адресная помощь, поддержка в экстренной жизненной ситуации, единовременные и ежемесячные выплаты на детей и

так далее. А ведь могла Татьяна запить, загрустить, отдать детей в дом малютки, махнуть рукой на себя и семью. Могли и облеченные властью мужи и дамы отнестись к женщине формально: сама нарожала — сама и думай, что делать. Или, как сказали одной женщине в другом районе, ты своими детьми и инвалидностью не прикрывайся (!)

Слава Богу, этого не случилось. Ни тогда, когда Татьяна еще ждала своего Сергея, надеялась на его возвращение. Ни тогда, когда выяснилось, что его нет в живых. Она взяла себя в руки и начала выяснять, какие перспективы для жизненного устройства существуют в государстве для таких, как она и ее дети. Ей пошли навстречу: устроили на работу в бюджетную организацию — регистратором в районную поликлинику.

Теперь были все основания включить семью в программу социального развития села. Татьяне помогли оформить кредит и ссуду на строительство быстровозводимого щитового дома в три комнатки и кухню. А через три месяца дом был готов, и к следующей весне семья переселилась в новое жилье. Теперь в нем уже и перезимовали.

Пока нет газа, но в этом году его проведут. В рамках нашей акции социалка подарила Татьяне комплект одеял и подушек, а местный предприниматель вручил конверт с деньгами: свой вклад в будущую газификацию. Восемилетний Юра и пятилетняя Лиза счастливы. Повезло им родиться у такой трудолюбивой (работа, огород, дом, участок — всё на ней, а еще она хочет построить хозяйственные помещения, развести живность, благоустроить двор) мамы. И в таком нормальном районе.

Другая семья — Алешиных. Растят пятерых детей. Сама Ольга — красавица: черноглазая, подвижная. Любит танцевать, пишет стихи. Сергей — трудяга, работал в хозяйстве, теперь пашет на себя, на своих детей. Несколько лет назад я уже встречалась с этой семьей: они жили тогда еще в старом доме, но уже планировали организовать домашнюю ферму. А старший сын Олег в десять лет мечтал о своей... отаре. И штук 10—15 овец у них уже было.

Но главное внимание и забота тогда отдавались младшему Захарке — рыжему мальчугану нескольких месяцев от роду. Сегодня Захарке пятый год, он наивен, серьезен и доверчив одновременно. Чувствуется, что родители устали: пятеро детей, старшую учат в университете и только что выдали замуж. Какие расходы связаны с последним обстоятельством, знают только те, кто сам играл свадьбу детям. Плюс новый дом, который они купили с помощью государственной суб-

сидии многодетным и кредита на его обустройство. Это тоже деньги, которые они зарабатывают тяжким трудом в собственном хозяйстве

У них четыре коровы, бык, около 100 овец и так далее. Сами пасут, сами корма запасают, сами доят — и родители, и дети. Сами масло взбивают, сами мотаются по городам и весям, чтобы с пользой продать мясо и молочные продукты. Таких сливок, масла, сметаны, молока мы прежде не едали! А заготовительные кооперативы скупают молоко по семь (!) рублей за литр, а продают за 37 как минимум. И всё остальное централизованно закупается у крестьян и фермеров по таким же грабительским ценам. Зарабатывать на животноводстве без помощи государства и сельхозпредприятий почти невозможно. Но есть такие энтузиасты, как Алешины — вот и рвут они себе жилы...

Олегу 14, и он при овцах как настоящий пастух. Его будущее практически определено. Юля хочет стать массажисткой. Настя продавцом. А Захарка молчал-молчал, а потом выпалил:

— А я буду милиционером!

Мы уж не стали разочаровывать малыша и объяснять, что милиционером ему стать никогда не удастся. Разве что полицейским...

— Почему, Захарка?

— А чтобы всяких вредных дядьков ловить и в тюрьму сажать...

Ну, молодец парень. Опять вручили семейству спальный комплект в подарок, а еще один местный предприниматель, изготовитель и продавец мебели, подарил детям два стола — письменный и компьютерный. Кстати, это был сюрприз, и взрослые Алешины радовались как дети...

Господи, да уже хотя бы из-за этого стоит проводить нашу акцию и мотаться целый год по районам — от села к селу, от деревни к деревне, привлекая к маломощным и нуждающимся в поддержке семьям более состоятельных сограждан и всяческих благодетелей...

Назад едем молча. А на полпути наша фотокорша Ольга подбирается ко мне и спрашивает:

— Слушай, ну, может, не всё у нас в России так плохо? Посмотри, какие семьи трудолюбивые и устремленные есть. И власти местные не дремлют, стараются и порядок поддерживать, и людям помогать. А, главное, дети-то какие смышленные растут, а?!

— Не знаю, Оля, не знаю... Может, и впрямь не всё в России так плохо... А только душа за нее и за детей наших болит и болит...

— Певунья, спой что-нибудь! — привычно обращаются к Антонине знакомые, приводящие к ней уже своих знакомых.

— За сколько? — тоже уже привычно отвечает эта спившаяся женщина, «подрабатывающая» на спиртное своим уникальным голосом.

— Десять! — подразумевается, рублей.

Но с некоторых пор Антонина «подорожала» и неумолимо стоит на своём:

— Пятнадцать!

Всё в стране дорожает, с этим Антонина как-то мирится. А вот что самогонка тоже подскочила в цене, это плохо. Жить-то — а для нее значит, пить — надо, поэтому и подняла она цену за свои «концерты» на пять рублей. Да не концерты даже, а так, выступление. Но клиенты платят, потому что поет она и впрямь замечательно. И на заказ: кому-то — «Чепрагу», кому-то — «Ротару».

Одни когда-то работали с Певуньей на пивзаводе. Другие живут рядом и уже знают, на каком углу она обычно «продает» свой голос. Третьих ведут сюда первые и вторые: послушать. И люди идут: душа-то просит зрелищ, а где их взять простому забулдыге, пьянице, тем более — бомжу. Впрочем, и приличному человеку не запрещается послушать — когда уже заплачено, Антонина поет самозабвенно, не жалея себя. Тогда уже хоть кто рядом...

— Бери двадцатку! — растрогался какой-то мужик, послушав «Чепрагу». И обратился к знакомому, который и устроил ему это «номер»: — Хватит? А то можно и добавить — больно уж хорошо поёт...

— Ну, дай еще пятьдесят — тогда она тебе весь день петь будет!..

Не всегда Певунья побиралась и пьянствовала. Работала она на пивзаводе в разливочном цехе — но была вполне приличной трезвой женщиной. В прошлые времена пивзавод считался передовым предприятием. Выпускали пиво «Жигулевское», «Бархатное», «Красивая Меча», «Дмитрич»... Что за «Дмитрич»? А так называли пиво в честь директора, Ивана Дмитрича, которого уважал не только весь завод, но и весь город. Для рабочих он был отец родной. Лично следил, чтобы не пили, спортом занимались, хорошо зарабатывали и с пользой для здоровья отдыхали.

На заводе были спортзал, бассейн, имелась своя база отдыха, поддерживалась и развивалась художественная самодеятельность. Там-то Антонина и начала петь, а про «пить» и

намека тогда не было. Если кто-то и не удерживался, принимал к пивной реке — за него принимались профсоюз, партком, общественность, начинали так стыдить и перевоспитывать, что никакого пива не захочешь. Да и по сколькоку пили? Ну, бутылку, ну, две. А сейчас баклажками по два, по три литра, да не по одной. А качество того и этого пива разве можно сравнить...

Потом пивзавод продали. Дмитрич куда-то делся, а рабочих кого сократили, кто сам уволился. От инфраструктуры все предприятия постарались отделаться — лишь бы не тратиться. Пивзавод не исключение. У него не стало ни бассейна, ни художественной самодеятельности. А потеряв возможность работать и петь, Антонина запила, опускаясь всё ниже.

Была у ней одна тяга — к песне, а стала другая — к водке. Невольно воскликнешь, цитируя одну газету: «Как хорошо мы раньше плохо жили!» И как плохо мы теперь хорошо живем. Наверное, стремление к высокому, душевному, к искусству оказалось слабее порочной тяги к спиртному. Но если бы в обществе люди не оказались предоставлены сами себе, сколько бы их можно было спасти от самих себя...

Муж у Певуньи тоже весёлый был, и тоже спился. Умер. С дочкой папашу поминали. Постепенно и та пристрастилась к бутылке...

— Антонина, а ты всё поёшь! — восклицает, остановившись рядом с ней, один мужичок.

— А-а-а, это ты, Саш... — с трудом вспоминает она старого, еще по совместной работе на заводе, знакомого. Смотрит на него мутными осоловелыми глазами.

КОМУ «ОНО» НАДО?

Сколько живу, столько удивляюсь русскому человеку. Вот говорят, Россия погибает, деревня спивается, вымирает, всё вокруг черным-черно. А приезжаешь в деревню — и столько там тепла и света, что еще и в городскую жизнь везёшь и долго еще тем теплом и светом согреваешься, тем рассеиваешь...

Девочка Женя лет 11 мила и застенчива — кудряшки на лбу, глаза большие, выразительные. Взгляд потупила, к маме прижалась, льнет, не отпускает. Казалось бы, что в этом необыкновенного. Девчонки в большинстве своем существа застенчивые, чужих людей побаиваются. Тем более в отдаленном селе, куда заезжий люд редко жалуется. А тут целая команда: тётки, дяди. И чего им всем тут надо.

А надо всего лишь на чудо это взглянуть — Женю. И на родителей ее, на братьев. Семья достатка среднего. Стандартный кирпичный дом — просторный, но без изысков. Мебель,

ковры, телевизор, компьютер — всё, что называется, эконом-класса. Или, как раньше говорили, ширпотреб: то, что продается в магазинах со скидками и в рассрочку. Огород, сад, кошка, собака. Папа работает в горгазе, посменно, ездит за 50 километров в областную центр. Мама — соработник, ухаживает за стариками, обслуживает шестерых человек.

Всё как у всех в деревне. То есть у местных, «оседлых» жителей. У дачников — у тех другой коленкор. Те строят и устраиваются с вызовом, с выдумкой, с изюминкой. Но не про них разговор.

Вернемся к Жене. Трудно представить, что эта девчушка в пять лет не весила и... восьми килограммов. У «матери», которая ее родила, времени на детей не оставалось. Да, есть в деревне и пьющие. Никуда от этого не денешься. Но они всегда были. А тут и впрямь работы в селе не стало: закрыли одну свиноферму на многие тысячи голов, другую, сошли на нет и сами хозяйства. Однако в бутылку «полезли» не все.

Мамам таких, как у Жени, немного. И детей у них рано или поздно отнимают. Устраивать их стараться в приемные семьи. Ну а нет, так в реабилитационные центры и детские дома. Но прежде, после изъятия из семей, опасных для жизни и здоровья малолетних чад, ребятишек помещают в больницы: обследовать, полечить, укрепить с тем, чтобы иметь представление о ребенке, его состоянии и перспективах дальнейшего развития.

Женечка особых надежд не подавала: в четыре с лишним года она не знала, как ее зовут, говорила мало, истощенная донельзя, ничего не ела. Ибо в ее понимании еда — это сырая картошка и сырые яйца: всё, что ей удавалось раздобыть в отчем доме для собственного пропитания. Напуганная прежними драками и скандалами, она и в больнице боялась людей...

Поэтому, видимо, когда в соседней палате появился тихий спокойный мальчик, она преисполнилась доверия к нему и вложила свою маленькую ладошку в его уже сильную надежную руку. Владика тогда исполнилось 13, у него был старший брат. Другой бы застеснялся с девчонкой возиться: вдруг засмеют. Его мама до сих пор не понимает, как ей удалось воспитать такого отзывчивого доброго сына. Хотя когда он пришел домой и заявил, что надо взять к себе девочку, она оторопела.

— Как взять? — спросила, стараясь держать себя в руках.

— Домой. Чтобы у нас жила, — ответил он спокойно и твердо.

С тех пор и пошло. Владик не собирался отступать. Он навещал Женю в больнице и постоянно твердил, что ее пора забирать домой, она уже два месяца лечится и готова к выписке, а то ее отправят в детдом.

Наконец мама не выдержала, пошла в больницу. На стуле сидела крохотная девчужка с огромными бантами в косицах: потом она узнала, что это сын заплетал ей косы и завязывал банты.

— Мама, — сказала Женя, — когда мы домой пойдём?

— Ну, пойдём, — вздохнула «мама» и повела девочку к себе. Муж был в шоке.

— Кто? — выдохнул он. — Дочь?! Какая дочь?

— Женя, — ответила девочка кротко.

Семейный совет был недолгим. «Папа» и «старший брат» ничего против «дочки» и «сестры» не имели. Мама спросила у Владика:

— Помогать будешь?

Тот просиял. Так в семье появилась Женя. Он и впрямь водил ее в садик, выбирал платья, кормил, заплетал косы. Женя росла, поправлялась, хорошела.

— Если кто в доме болен — она первая чаю нальет, пожалеет, — рассказывает мама. — Учится трудновато, разве что рисует и поет замечательно. Но мы стараемся, занимаемся... Ведь она хочет стать врачом...

В этот момент в комнату входит еще одна девочка, лет 15.

— ?

— А это Алена. Еще одна наша дочка.

Алену они нашли через три года, случайно. Девочка жила в интернате для умственно отсталых детей в одном из сел района. Перед расформированием интерната выяснилось, что у девочки есть родная сестра. Женя. Которая, как и ее приемные родители, знать не знала ни о какой сестре. Женя за это время начисто забыла о своем недетском прошлом. Сначала рассказывала подробно, со страхом, о том, как били, кричали, жестоко наказывали, не кормили. Постепенно воспоминания выветрились из ее маленькой светлой головки. Но новые родители решились рассказать ей о сестре. Девочка заплакала...

Сестры стали переписываться, встречаться. А там и к Алене все в доме прикипели сердцем.

— Да вы с ума сошли! — предостерегали их некоторые. — Родители у них алкоголики, дети в коррекционных школах учатся, недоразвитые, оно вам надо?!

Но зачем-то «оно» было им надо. Алену отдали в обычную среднюю школу. Надо сказать, что в основном село отнеслось лояльно к увеличению их семьи. И в администрации, и в образовательных, других учреждениях шли навстречу, не упирались в бумажные циркуляры. Женя — та девять месяцев жила в семье без всяких документов, пока родителей лишали прав, оформляли девочке пособия и выплаты. Но она уже ходила в садик, все принимали естественное участие в судьбе ребенка.

Доброжелательно встретили в школе и «отсталую» Алену. Которая без особых трудностей стала заниматься по основной программе и сейчас учится лучше многих «умных»! За три года девочка освоилась, оказалась домовитой и рукодельной, прекрасно печет пирожки и фирменное в селе «блюдо» — тонюсенькие, кружевные блинцы! Или, как их здесь называют, каравайцы.

Владик служит в армии, в Москве. Все его ждут, пишут письма. И такая в семье благодать, такие красивые добрые люди вокруг, что душа радуется.

Рано, рано нас голыми руками хотят взять. С такими людьми, с такой молодежью мы еще и за Русь постоим, и за деревню повоюем...

«ЛИШНИЕ» УШИ

Пластический хирург рассказывает:

— В последнее время зачастили ко мне «пожилые» девушки — лет 30—35. И все как одна — с ушами, с жалобами на лопоухость. Подрежьте, мол, доктор, да подрежьте, жизни нет никакой. И что интересно — за редким исключением все они не замужем...

Как же объясняет врач такую «закономерность»? С самими ушами чаще всего никаких проблем нет.

— Уши как уши — на ветру не колышутся, в трубочку не заворачиваются. Просто у каждого человека индивидуальная внешность, своя, особая форма ушных раковин, головы и так далее. При этом девушки милы и обаятельны, состоялись в профессии, умны, образованны. И я пытаюсь отговорить их от операции, потому что такая работа, когда человек не становится лучше, красивее после хирургического вмешательства, не приносит мне удовлетворения, — объясняет врач. — Представьте себе, приходит симпатичная девушка и просит улучшить ее внешность — в данном случае «подрезать» ушки, чтобы они прилегали поближе к голове. Я стараюсь, работаю — а после всех усилий вижу, что она потеряла свое обаяние, что операция не пошла ей впрок...

Но отговорить от задуманного удастся не многих. И доктор категорически не настаивает на этом. Потому что навиделся на своем веку всякого. Бывает, что и вполне уважаемые, благополучные во всех отношениях мужчины носят со своими ушами, как с ситной торбой. Одному успешному предпринимателю в Воронеже профессионально и без осложнений «подшили» уши. Однако через некоторое время он обратился к липецкому доктору с просьбой о повторной операции. Врач не понял:

— Зачем? Уши у вас теперь замечательные, с головой и всей внешностью гармонируют, и так вам идет...

— Хочу, чтобы еще ближе были, — ответил бедолага.

Так что дело вовсе не во внешности — проблемы, комплексы внутри нас, считает доктор. И у девушек недовольство собой родилось давным-давно, скорее всего еще в подростковом возрасте. Но тогда изменить уши или нос было затруднительно, да и денег сами они еще не зарабатывали. Вот и вытворяли невесть что.

Одна будущая пациентка обратилась к доктору с серьезными ожогами за ушами. Оказалось, она регулярно приклеивает уши клеем «Момент»! Так что сначала пришлось лечить ей ожоги, а потом всё-таки делать операцию...

Другая постоянно привязывала уши под волосами суровой ниткой, и у нее образовались пролежни...

Так что хочешь-не хочешь, а режь — и всё тут. Почему именно к ушам такое пристальное внимание их носителейниц? Ну, может, все остальные пластические операции всё-таки сопряжены с большим риском, на них надо потратить много времени и денег, наконец. А на уши девушки к годам 30 уже зарабатывают. И в состоянии осуществить свою детскую, розовую мечту: открыть лицо ветру и людям — и чтоб ничего не колыхалось...

— И знаете, что самое интересное? — загадочно спрашивает доктор. — Что большинство незамужних женщин после коррекции ушей действительно выходят замуж. Даже если они после операции не слишком изменились, а то и, если честно сказать, подурнели, потеряли свое природное очарование. С чем это связано? А подумайте сами...

Вывод вроде бы напрашивается сам собой. Избавившись от комплекса неполноценности, уходящего корнями в глубокое прошлое, наверняка подсознательно мешающего жить полноценной, раскованной жизнью, они обретают себя, свое истинное лицо — и быстрее, охотнее идут на контакт с людьми, свободнее общаются с противоположным полом, смело открывают окружающим не только свои уши, но и души. Перестают рефлексировать.

Но своё ли это лицо, по которому прошелся «резец» хирурга? Уши — это еще самое невинное, на что посягает человек в своем стремлении к красоте. Однако и их коррекция меняет выражение лица, создает иллюзию второго рождения, ибо потеряно что-то неуловимое, родное, данное «от Бога». Что уж тут говорить о пластиках лица, носа, век, губ, доходящих порой до безобразных размеров и объемов.

Долгожданное замужество в таком случае может оказаться таким же фантомом, как новое лицо или его выражение.

На него «клюнет» не тот, кто был предназначен на Небесах, а случайный человек, соблазнившийся чужим, ненастоящим, добытым за деньги. Это обязательно проявится в дальнейшем, потому что несоответствие между внутренним и внешним неизбежно проявляется.

А уши что... Они тут, конечно, ни при чем. Просто девушек жалко...

ЛЮБОВЬ И СКРИПКА

Утро в большом городе обычно серо и невыразительно. А тут — музыка... Сначала показалось, что это очередной автотюбитель-меломан включил на всю громкость свой савбуфер, однако нет: мелодия лилась светлая, легкая — и откуда-то сверху. Живая музыка, как говорят. Но откуда во дворе в полвосьмого утра взяться натуральной скрипке?!

Балконы окружающих домов (а наш двор как колодец, его со всех сторон окружают многоэтажки, поэтому по большому счету акустика здесь замечательная и для концертов подходящая) постепенно заполнялись людьми. Публика в этих «ложах» выглядела довольной, да и собирающиеся внизу благодушно улыбались, поглядывая вверх. А музыка всё звучала...

Может, это эксцентричный музыкант забрался на крышу и дает-таки бенефис? Скрипачи, конечно, народ творческий, но не до такой же степени, думала я, спешно заряжая фотоаппарат и застегивая пуговицы на утреннем, не слишком презентабельном наряде. А ноги уже сами несутся в лифт, руки быстро-быстро захлопывают, запирают на ключ дверь...

Сразу за углом чуть не натыкаюсь на машину-вышку, стрела которой уходит далеко ввысь. Всё еще не понимая, что происходит, поднимаю голову — и вижу престранную картину: на самом верху стрелы, на небольшой, огороженной цепями площадке, стоит парень, лицом к окну на девятом этаже, и держит какой-то плакат. А рядом с ним — музыкант, с упоением исполняющий на скрипке какую-то удивительную, чувственную, завораживающую мелодию...

Люди шепотом переговариваются. Поначалу звучат и шуточки, типа «Это же надо было так «набраться...». Постепенно мелодия и само действие очаровывают всех — и двор замирает под властью музыки и любви...

Потому что, оказывается, юноша с плакатом таким необычным образом делает своей избраннице — предложение! Руки и сердца! Никто не видит, что написано на плакате, но догадаться не сложно, да и сведущие люди информируют, что там — ни много, ни мало — «Я люблю тебя!» и «Выходи за меня замуж!».

Музыка продолжает звучать, юноша — терпеливо стоять с плакатом на вытянутых вверх руках, народ — слушать и мечтать.

— Да это же наш Колюха играет, ну дает! — восхищается какой-то паренек.

И вот музыка стихает, герой сворачивает плакат — и «отправляет» его в окно своей возлюбленной. Стрела опускается под аплодисменты публики в балконах-ложах и во дворе, раздаются крики «Браво!», «Молодцы!». Парень спрыгивает с площадки и с букетом цветов ныряет в ближайший подъезд. Надо полагать, его предложение принято...

Спрашиваю у одного из друзей молодого человека, как такая экстравагантная идея пришла тому в голову.

— Не знаю, — отвечает. — Он нам ничего не рассказывал, в тайне держал. Просто вчера вечером позвонил — приходите, говорит, во двор...

Тем временем «Колюха» со скрипкой в руках принимает поздравления. Вполне интеллигентный, уважаемый вид молодой человек. Увидишь — никогда не подумаешь, что он способен на такое озорство.

— Интересно было играть там, на высоте, на маленькой, качающейся площадке?

— Очень! — отвечает «Колюха». И в глазах его мелькает такой мальчишеский восторг, такое неподдельное детское изумление (мол, «мы сделали это!»), что невозможно не заразиться этим его вдохновением, радостью, молодостью наконец...

Оказывается, вот они какие, романтики и сорванцы, наши любимые мужчины. И кто сказал, что нынешняя молодежь не способна на подвиг, на геройство, на поступок?! Пожалуйста! Еще и не то можем!

Народ разбежался, но настроение у всех было приподнятое. И только по пути на работу я подумала о том, какая жизнь ждёт эту девушку с таким непредсказуемым парнем. Хорошо, если на этом его чудачества закончатся. Другое дело, если они оба чудачки — тогда их жизнь будет яркой и необыкновенной. Дай-то Бог...

МЫСЛИ НА БАЛКОНЕ

По ночам выхожу на балкон — и сердце шемит от первозданности и чистоты вселенной, уходящего в глубину, мерцающего звездами неба...

И чем явственнее его голос, зов Выси, тем острее ощущение зыбкости земной почвы, слабости жизненных корней, жалости к уходящим и остающимся. Чем заняты, почему о душе не думаем, о чем пишем?! Господи, какими мелочными кажутся заботы дня, несущественными — строки и мысли.

Вот так бы писать, чтобы слёзы и боль, Божий страх и трепет перед вечным стоянием звенели, вибрировали в каждом звуке, знаке, в тугом пространстве строки, строфы, стиха...

Чтоб читали — и захлёбывались от льющихся через край, из сердца чувств, эмоций, чтобы из заоблачья живым Словом проникать в души и сосуществовать вместе с теми, кто еще там, внизу...

Правда, сейчас внизу, под балконом, как и каждую ночь, — всего лишь охранники наших автомобилей на несанкционированных стоянках. Такие у нас порядки: поставил во дворе, под окнами, машину — плати пионерам (это чтобы не называть их по-настоящему) мзду в полсотни рублей за ночь. Иначе завтра недосчитаешься — для начала — окон в автомобиле или колёс. Все платят. А если стекло выбито — значит, новичок, наших порядков не знает...

Так вот, чтобы не заснуть, охранники кучкуются — а в эпоху уплотнения застроек и всё расширяющегося потока легковушек их в каждом дворе по несколько человек — и в меру своих возможностей развлекаются. В основном, анекдоты травят. И всё очарование ночи разлетается вдруг от громкого (дворы-то — «колодцы») хохота дюжих мужиков. Им бы землю пахать или у станков вкалывать, а они на стремя стоят, пятидесятирублевки выколачивают...

Им всё равно, кто и о чем пишет. Не читают они. И ведь до чего доходит! Недавно парень на работу устраивался (не охранником — подсобником на стройку: и такое ещё бывает...), так заявление о приеме никак написать не мог. Сидел-сидел, что-то выводил, а потом просит у сотрудницы отдела кадров:

— Вы напишите за меня, а я распишусь...

— Что случилось? — спрашивают у него.

— А я буквы забыл...

И это не шутка. Это уже сегодняшняя быль. Что-то будет завтра...

НЕБО ВМЕСТО КРЫШИ

И никакой он не божж, этот дядя Саша Баженов. Всё у него есть — и родные стены, и спальенка с лежанкой, и кухонька с плитой, и даже гармошка в... кустах. Нет-нет, это не художественный прием типа «рояля в кустах». Просто где же ещё этой гармошке быть, если и сам «герой» живет на улице, а родные стены — это всё, что осталось от сгоревшего дома...

Мимо проехать невозможно: на взгорке высятся руины кирпичного строения, а ниже, под раскидистыми кустами, чуть ли не у самой дороги, за столом восседает мужик и с печалью во взоре смотрит куда-то вдаль...

Подхожу к нему с опаской — вдруг пьяный или больной? А он сам насторожился, смотрит с недоверием и в то же время с каким-то откровенным ожиданием, а глаза у него — синие-синие! Нет, всё остальное не как в анекдоте: приличный мужичонка нормальной комплекции, слегка зарос, не слишком ухожен, но вполне вменяем, достаточно чист и почти трезв. Ну, разве что лицо не первой свежести, нездоровый образ жизни сказывается, однако глаза сохранили такую ясность неба, такой синий незапорошенный свет...

Дались мне эти глаза... Зато что вокруг творится! Мусор, старая одежда, пни, приспособленные, видимо, для сидения гостей. Но и в таких условиях — на улице, без крыши над головой, без мебели человек остается человеком: из досок и тряпок соорудил себе ложе, сложил плиту из кирпичей, на ней греется чайник, кастрюля стоит с водой. У ложа — столик, на нем миски, баночки...

— Как вас зовут? — спрашиваю после недолгого замешательства.

— Сашка, — отвечает этот взрослый, почти старый мужик с поспешной покорностью, словно извиняясь за свое жалкое состояние.

— Ну что же вы так — Сашка, ведь у вас фамилия, отчество есть...

— Баженов, — выдохнул он и выпрямился. Отчество или не вспомнил, или решил, что это уж слишком...

И рассказал, как он очутился в таком положении. Дочки выросли и уехали. Жена умерла. Колхоз развалился, ферму закрыли. Работы не стало. Свобода, одно слово. Хочешь — пей, хочешь — гуляй. Хотелось того и другого. Однажды пришел к нему родственник, когда сам он, Сашка Баженов, гостевал у друзей. А вернулся — ни дома, ни родственника: закурил, наверное, да и заснул. Дом сгорел, родственник погиб в огне.

А он, Сашка, живет. Зимой перемогается в баньке: люди пускают. Правда, не топится она, отморозил себе пальцы ног. Однако пенсию по инвалидности оформить недосуг. Да и денег нет на проезд в город и обратно, на то, чтобы «справить» документы. Что ест, пьет?

— А что люди подадут! — отвечает с готовностью.

Бегу к машине: мол, человек есть хочет, у него сегодня маковой росинки во рту не было!

— А ты ему красной рыбки дай, мы же как раз купили... — слышу в ответ.

Ну, пусть не рыбкой, а буханкой свежего хлеба можно пожертвовать. Хватаю хлеб, сторублёвку — и несусь назад. Сашка терпеливо и радостно ждёт, благодарно принимает.

— Эх, — мечтательно говорит он, — мне бы в... дом инвалидов и престарелых! Но меня не берут: 20 июня только 55 лет исполнится, молодой я «ишшо»...

— А чем же вы, молодой, целыми днями занимаетесь? И почему дочки вас не берут к себе? И что местная власть, знает о вашем положении, вы обращались в сельскую администрацию за помощью?

— Я читаю... — важно отвечает он, кивая на стопку старых изданий на столе. Это оказывается журнал «Человек и закон» за... 1990 год.

— Интересно?

— Да какой тут интерес. Что принесут на разжигку (то есть на растопку), то и читаю...

В общем, грамотный мужик. И во власть обращался. Да где она новый дом возьмет, правильно рассуждает Сашка. А дочкам что, они сами в бедности перебиваются, больные да немощные. На одну зиму пристраивали его в церковь липецкую, а с весной он ушел оттуда в родную деревню: в баньке-то оно холодней, но к родным стенам поближе...

— Вы уж похлопочите за меня насчет дома престарелых, — попросил он еще раз на прощанье. И даже попозировал для снимка, вновь устремив на меня взгляд своих редкостно синих глаз...

— Да ты сумасшедшая! — сказали друзья, знавшие этого Сашку в молодости. — И не старайся: не будет он в доме для престарелых жить, по режиму да по графику. Он снова убежит в свою Борисовку, на волю, и не надо ему ни тепла, ни еды, а выпить он всегда найдет...

— А что — дочки, если он на них алименты не платил, даже в тюрьме за это в советское время сидел, — пыталась открыть мне глаза знакомая, жившая когда-то по соседству с Сашкой.

— И нечего его жалеть, мужик он или не мужик, давно бы землянку вырыл — и то лучше, чем на улице сиднем сидеть и ждать, когда подадут Христа ради... — внушали мне куда более крепкие и основательные мужики, сумевшие и в нынешней русской деревне найти себе дело по рукам и жить достойно, не глядя в бутылку и не позоря семью, детей...

Ну и действительно, нечего жалеть. А перед глазами вновь и вновь встает эта дорога, этот сгоревший на взгорке дом, этот живущий под голым небом человек. И чайник на плите, и гармонь в кустах, на которой давно никто не играет...

НЕИЗЛЕЧИМАЯ ДУША

Люблю Лебедянь: есть такой городок в нашей области, тот самый «кружочек» «на середине карты», где вырос писатель

Евгений Замятин. «Совесть Вселенной», он призывал к свободе творчества, ненавидел фальшь и спорил с самим Сталиным по поводу тогдашней современной литературы. По нынешним понятиям, настоящий либерал: расшатывал устои монархии, чтобы затем бежать из Советской России во Францию. И в то же время написал гениальный роман «Мы» — в 1920 году! — с пророчеством и приговором нынешнему булгаковскому обществу с его кибернетизацией и бездушием.

«Неизлечимая душа» и «гроссмейстер» в литературе, он метался от чувств к разуму и обратно. И заблудился где-то по дороге. Чурался обыденности, обывательщины, всё-то поругивал свою «подлую» Лебедянь. А сам жить без нее не мог — без ее Дона, «увешанных наливными яблоками садов», ржаных полей и старых храмов, липовых и березовых аллей: одним словом, без Руси. И не смог: на пять лет хватило его «парижов», где и лежит он по сей день в чужой мокрой (читала воспоминания о его похоронах в марте 37 года: гроб опустили прямо в воду, залившую могилу...) земле на кладбище для бедных...

Впрочем, о Замятине я могу — и хочу — писать много. Мало того, что я равнодушна к его судьбе добровольного изгнанника, люблю многие его произведения, его «хрусткое» и крепкое слово и так далее. Но есть много и того, что не люблю в нем и о чем частенько размышляю. Приблизило же меня к его судьбе и творчеству еще и собственное «попадание в десятку», в тот самый «кружочек» на карте, где жил Замятин.

Но самое главное, что связало с Замятиным, — это личные знакомства с племянниками писателя — Сергеем Волковым (сыном сестры писателя, ушедшим из жизни пару лет назад в 90 с лишним) и Сергеем Замятиным, сыном двоюродного брата Евгения Замятина — Михаила. Сергей Михайлович тоже завершил свой жизненный круг. Но столько он знал о семье, столько хранил всяческих раритетов в своем скромном — в селе Лебяжье Добровского района — доме, что не проникнуться этой простой и удивительной жизнью было невозможно...

Однако о Замятине и отчем доме, вместо которого с недавних пор стоит в Лебедяни лакированный новодел, напишу в следующий раз. А сейчас речь пойдет о другом доме, который стоит на той же улице, где жили Замятины, — Покровской.

Там же находилась и Покровская церковь, настоятелем которой был священник Иоанн Замятин, отец писателя. В 1916 году он умер и был похоронен у стен церкви. Когда после революции местные власти решили церковь взорвать, прихожане написали письмо в Москву с просьбой не рушить историческое и культурное здание. Их просьба была удовлетворена, но депеша опоздала. Ее получили, когда руины церкви еще дышали...

В доме, о котором я нынче пишу, живет женщина по имени Любовь. И она хранит своды своего «храма» так самоотверженно, что хочется верить в его вечную нерушимость. И так, Любовь. Хотя сегодня она уже Любовь Васильевна, а когда-то была простой девчонкой Любой. В Лебедянь она приехала учиться в техникум: четыре дочки было у ее родителей в обыкновенной деревенской семье, и всем надо было как-то устроиваться.

Любе повезло: она встретила хорошего работающего парня, местного шофера, который честь по чести сделал ей предложение. Она вышла замуж не раздумывая. Доучиться можно и мужней женой. Так и случилось. Но вскоре появился на свет ребеночек — сын Валерочка. Поэтому работать по специальности Любе не пришлось: она пошла нянечкой в детский дом. Позднее ее перевели в кастаньянши, но из-за нехватки нянечек частенько «прихватывала» и прежние обязанности, опекая детишек, поступающих в детдом из других районов.

Как можно отказаться от своего дитяти? — думала она частенько, глядя в глаза грустным маленьким человечкам. Особенно горевала она из-за детей-инвалидов, оказавшихся ненужными своим мамашам, в том числе и вполне преуспевающим. Я бы так не смогла, решила она однажды. И Господь испытал её на крепость и осознанность этого решения. Когда ей сказали, что второй сын, Миша, родился инвалидом и что лучше от него отказаться, она даже мысли такой не допустила. Как это — отказаться?! И как тогда дальше жить?!

— А вы не боялись, что муж не поймет вас и уйдет? Мужчины, говорят, не слишком терпеливы и рано или поздно оставляют больных жен и детей... — спросила я у Любови Васильевны.

— Нет, я не верила, что он может меня не понять. Мы с ним так много говорили о судьбе детдомовских ребятишек, о том, какие они все маленькие печальные старички с тоскующими глазами... Нет-нет... В любом случае я от Миши никогда бы не отказалась...

Ребенок был очень слаб, и она, зная, что он никогда не будет ходить — тяжелая позвоночная травма, — всё же горячо и слезно молила Бога о спасении мальчика, трогательно выхаживала его, лечила. И он выжил...

Благо муж оказался мастером на все руки — он и хозяйство вел, и дом расширял, расстраивал, да и за детьми мог присмотреть. В общем, они всегда находили общий язык. По утрам она убегала в детдом, оставляя Мишу на подрастающего Валеру, на мужа, работающего по сменам. И там отдавала душу детям, которым была и за маму и за папу.

Когда однажды в детдом привезли мальчонку на инвалидной коляске, ее что-то словно в грудь толкнуло.

— У меня появилось ощущение, что я нашла своего ребенка, которого давным-давно потеряла, настолько он мне показался своим, родным. Так и жила — дома меня ждал Миша в коляске, а на работе — Саша в коляске. И с обоими я гуляла, подолгу разговаривала и постепенно перестала чувствовать разницу между ними.

Сначала Сашу взяли на лето, потом брали на выходные и праздники. Мальчишки подружились, а главное, помогали друг другу, понимали друг друга. Саша стал третьим сыном. А сама Любовь Васильевна вдруг слегла. И знаете, вспоминает она, муж ведь, Николай, остался с детьми один. Старший, Валера, уже служил в армии. А ее положили в больницу. И отец справился с двумя мальчишками-инвалидами! Даже коляски им переоформлял, ну а там чтобы покормить, одеть и так далее, то с этим вообще никаких проблем нет.

Со временем семья значительно увеличилась: женился старший сын, у них родилась дочь. А у Любви Васильевны с мужем появился еще один сын — Алеша. Его тоже взяли из детдома. Ну, так получилось. Алеша играет на баяне и на балалайке, очень увлеченный человек. Миша уже окончил школу и ждет, когда Саша получит диплом о среднем образовании: вместе они поедут в реабилитационный центр «Сосновый Бор», где молодые инвалиды области за год проживания обретают навыки поведения в быту и в обществе и получают профессию. Все вместе они обожают путешествовать, совершают вылазки на речку — Дон! — жарят шашлыки, поют, играют в мяч и так далее.

Нет в доме нытья и жертвенного напряжения, там все счастливы, вот что интересно. Дом живет. Живет улица Покровская. Живет Лебедянь. Живет по-человечески. А значит, душа русская по-прежнему жива. Как ни пытаются ее вытравить, выжечь, убить...

НЕМЕРЗКИЕ НЕМЦЫ

Есть священное место на Руси — Задонщина. Край храмов и монастырей, обетованная земля святителя Тихона Задонского, замшелые сосны на крутых берегах Дона, студеные родники, бьющие из самой глубины земли. Певучие старинные названия селений — Страховка, Камышевка, Марьино... И вдруг — Немерзь. Указатель манит налево от столбовой дороги, но повернуть всякий раз боязно: колея тонет в траве — и неясно, куда она ведет и ведет ли куда-то вообще...

Воображение рисует маленькую русскую деревушку в живописной задонской глуши, с рядом избышек в ложине, поросшей густым кустарником и корявыми одичавшими яблоньками. Немерзь кажется мне производным от не-мерзкого, как что-то красивое, хорошее и доброе. Так наши предки вполне могли выразить свое отношение к понравившимся им местам.

Понимаю, что мое объяснение — это так называемая народная этимология, редко совпадающая с реальным значением и происхождением слова. Однако почему бы и нет? Узнать бы еще, кто живет в этой Немерзи и как туда добраться. У кого ни спрошу, лишь плечами пожимают: Немерзь? А что это такое? Воистину ленивы мы и нелюбопытны.

Но в один прекрасный день моя мечта — кто о чем! — исполнилась. Мы набрали воды из святого источника в Марьино, куда часто ездим именно за этой драгоценной сверкающей влагой, и свернули-таки на Немерзь. Дороги, по сути, нет: просто сушь стоит второй месяц, поэтому машина относительно легко шурует по траве, угадывая путь по легким прогалинам впереди. Километр, второй, третий — ни души, ни избы. Да есть тут вообще кто-нибудь живой? Отзовитесь! А в ответ тишина...

И вдруг показался в низине один домик, чуть дальше — другой. Причем открываются они неожиданно, когда уже и не веришь, что здесь может скрываться деревенька. Прикрытая деревьями, стороннему взгляду она почти не видна. И если не искать ее напряженно и упорно — запросто можно мимо проехать. Вопрос только в том, зачем сюда вообще забираться...

Подъезжаем к домику — и видим уплывающую спину молодой женщины в современном одеянии: майке и шортах. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. А казалось, если кого-то здесь и застанешь, то лишь древнюю старуху с клюкой, скорбно коротающую свой век в полуразвалившейся избе. Домик же вполне приличный, ухоженный, хотя и допотопный. И в нем действительно живет бабка — Зинаида Петровна. Следкой — Ефимом Андреичем. И они в тот день как раз принимали гостей — дочку и двух внучек, одну из них мы и застали уплывающей куда-то в окрестные заросли.

Чужих людей они по старой русской привычке сразу пригласили в дом: там хоть от солнца можно укрыться. И впрямь, благодать несусветная. Свежо, тихо, а запах... Настоящий деревенский запах — газа в деревне нет, а от печки даже летом в комнатах пахнет дровами, печным духом и уютom. Комнаты просторные. Хотя бы потому, что в них нет ничего лишнего: стол, кровати, лавки, самотканые лоскутные (лохонские!) половики — и Красный угол, весь в серебристых иконах.

Женщины проводят в доме генеральную уборку. «Полгода маме будем отмечать...» — баба Зина подносит к глазам уголок головного платочка...

— Маме?!

— Ну да, полгода как тому назад умерла...

— А сколько же было маме лет?

— 92...

А ведь пожила старушка. Но дочка-то, хоть и сама на восьмом десятке лет, тоскует и убивается по ней, словно маленькая. И охотно рассказывает о маме, Богдановой Александре Степановне. Она была солдатской вдовой. В отчем доме их росло 13 человек детей, поэтому дочек выдавали замуж при малейшей возможности, тут уж не до сантиментов. Но Петр Архипович Богданов оказался хорошим мужем и отцом: когда началась война, в семье уже подрастало двое детишек, и Александра Степановна опять была на сносях. Ушел он на фронт, а семейство его принялось выживать самостоятельно.

Трудилась Александра Степановна, как и все тогда, в колхозе. За палочки. За трудодни. За иную работу, вспоминает Зинаида Петровна, ставили полтрудодня или три четверти. А работа была, особенно летом, аховая: вручную косили рожь, пшеницу, вязали снопы, молотили цепами, таскали мешки. Скородили (то бишь, боронили) на волах, а то и на себе. Сажали, пололи, собирали свёклу, грузили ее на подводы. Однажды солдатка и надорвалась, подняв мешок со свёклой, — и родила мертвую девочку...

В 1943-м почтальонка принесла в дом похоронку. Уж как голосила мама, как отливали ее водой, когда она лишилась сознания, это бабе Зине потом соседки рассказывали. Последнее прибежище фронтовика Петра Богданова — Пискаревское кладбище. А его жена, Александра Степановна, с 25 лет и до самой смерти звалась солдатской вдовой.

Дети, хозяйство, налоги, дом, огород — этим она жила до последних лет. Даже в 90-е баба Шура работала на земле в своей Немерзи, где родилась, вышла замуж, рожала детей, ждала своего мужика с фронта. А они все, солдатские вдовы, ждали мужей до конца жизни. Дочь одной солдатки рассказывала, что мать вскакивала с надеждой от каждого неожиданного стука в дверь или в окно. Хотя уже давно пришла похоронка, все слезы были выплаканы, все сроки миновали. А бабы ждали, верили, надеялись: а вдруг...

В лучшие времена в Немерзи было два «порядка», то есть две улицы. В 70 дворах держали 45 коров, 10 лошадей. Люди

работали в колхозе, потом в совхозе. Сейчас здесь живет около 20 человек, пенсионеров. С дорогой здесь всегда были проблемы, но она проходила в другом месте, и худо ли бедно ее содержали в относительно рабочем состоянии. Сейчас в Немерзь в распутицу и зимой ни пройти, ни проехать. К старикам как могут пробиваются их родственники, нередко — пешком: подумаешь, по снегу четыре километра. И внушки Богдановых тоже, случается, пешком шпарят, хлеб-колбасу несут бабушке с дедушкой. Иначе тем просто не выжить.

Автолавка приезжает, только когда прочистят дорогу. А чистить ее у сельской администрации нечем, приходится идти на поклон к хозяйственникам, а те задарма или задешево тоже заниматься этим не хотят. Поэтому они выпускают грейдеры на заснеженные дороги как можно реже, когда жители отдаленных деревень совсем «засипят», заглохнут в снежном плену..

Привозят продукты, конечно, не первой свежести, и втридорога: надо же окупить экстремальное путешествие. Хорошо еще, бабки заимели сотовые телефоны, есть куда прокричать SOS. Бывает, и черствый хлеб, оставленный для собак, доедают сами их хозяева. А однажды, воодушевляется баба Зина, зимой у нее поднялась температура — и она вызвала «скорую помощь». Зимой. В 10 часов утра. «Скорая» приехала в пять вечера: два трактора расчищали ей дорогу, а уже следом ехала сама «карета» с врачами. У бабульки оказалось воспаление легких, и ей вовремя помогли. И то, слава Богу..

Но вообще-то наши старики очень непритязательны. Газа нет, вода — на улице в колонке: многие теперь и не знают, что это такое. Зимой голодно. А бабкам — лишь бы не было войны да дорогу щепнем просыпали. Но есть, есть еще одна беда — пенсия. И на свёкле баба Зина работала, и в коровнике — сначала телятницей, потом дояркой — трудилась, и в учетчицы выбилась, и бухгалтерскую профессию самоучкой освоила, и бригадиром полеводства была, а заработала 4 тысячи 600 рублей ежемесячного вспомоществования.

Тяжело, мерзко в Немерзи зимой — но отсюда старики ни ногой. И как начинают свою Немерзь («с мягким знаком»: строго уточнила Зинаида Петровна) расхваливать — ну рай на земле, да и только. И название-то у деревни, оказывается, к не-мерзкому никакого отношения не имеет. Ключи здешние «не мерзли» — отсюда и название, считают местные жители.

— Да вот к нам даже германцы едут! Так у нас хорошо.

— И что они тут делают?

— Живут... Вон там, видите?

Мы побывали и у немцев. Живут они припеваючи, обустроились чин чинарем. Старый домишко отреставрировали,

восстановили во дворе все хозяйственные постройки, мастерские, баньку. Ничего у них не пропало: хоть и русские они немцы, а бережливые и экономные. Даже кровати старые металлические аккуратно почистили и покрасили — красота! Облезлые балки обили цветастой тканью, в тон занавесок. Столы, лавки — тоже старые, но на новый лад. Везде чистота, порядок. Живи да радуйся. Что они и делают.

А мы уезжали со смешанными чувствами. Костями ложились за нашу землю русские мужики, слезами и потом поливали ее русские вдовы и дети. А живут теперь на этой земле припеваючи — немцы. Бывшие наши соотечественники, которые уехали когда-то за лучшей долей в Германию. Победенную когда-то нами Германию, где получили всё — работу, жилье, достойные пенсии, позволяющие им сегодня вновь по-мирному, бескровно подгрести под себя Россию.

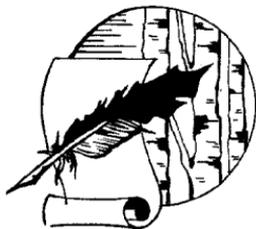
Я ничего не имею против, они культурные, вежливые, как рассказывает баба Зина, люди. Никого не трогают. И сплетни ни на кого не наводят. Да только как бы внукам и правнукам солдата Петра Богданова, павшего от рук немецких захватчиков, не пришлось-таки под немцем жить. Вежливо и культурно они возвращаются на те земли, которые не удалось в боях вырвать у нас семьдесят лет назад.

Взяли бы, наконец, и дорогу тогда построили, что ли. Тем более в соседнем Ржавце уже целая немецкая колония образовалась — жилища из природных материалов строят, экологически чистые продукты выращивают и вкушают, в Немерзь к соотечественникам в баньку приезжают. Не жизнь, а малина.

А наши уже знакомые старики всё лето на огороде впахивают, сено косят и на прицепе переправляют его в соседнее село: чтобы дочери, которая там живет, было чем скотинку кормить. Придет зима — и понесет она еду уже родителям, пешком по снегу, по проваливающемуся насту. Не на автолавку же надеяться. Да и попроведывать стариков, проверить, не холодно ли им, не голодно, — святое дело.

А немерзкие немцы в это время будут благоденствовать в своей Германии: ничего личного, как говорят сейчас, просто за державу обидно...

Продолжение следует

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Игорь ЛУКЬЯНОВ

* * *

Вот дорогу переходят гуси.
Вот рванул, кого-то обогнав.
Коль веду машину — не волнуйся,
Не хватайся нервно за рукав.

Я впишусь в любые повороты,
Скорость рассчитав один в один.
Ведь во мне с рождения кровь пилота,
В сорок пятом бравшего Берлин.

г. Борисоглебск, Воронежская обл.

Татьяна МАРЬИНА

БАБКА МАНЯ

На краю одного села —
 в хатке дальней —
Доживала свой век, жила
 Бабка Маня.
И изба у нее совсем
 Покосилась.

Полинявшие платья все
Износились.
И работа ее к земле
Наклонила.
И на выскобленном столе —
Всё, что было:
Кринки, миска для молока,
Хлебы с пыла...
Не жила бы без мужика —
Больше б было.
Да и этого ей с лихвой —
Не хотелось.
Кабы был бы сынок живой —
Больше б елось.
Рамки черные на стене —
Вот забота:
Не погибли бы на войне,
Были б фото.
И душа отдохнуть не прочь,
Измоталась.
Всё едино, что день, что ночь...
Старость, старость!

г. Кострома

Антонина СПИРИДОНОВА

* * *

Мама его терпеливо сшивала.
Помнит, лоскутик был одеялом,
Много лоскутиков — целых пятнадцать,
Есть чем хвалиться и укрываться.

Все непохожие, разной фактуры,
Всё уникально: речь и культура.
Крепкой семьёю и дружбой гордились,
На одеяле дети родились.

Но оторвались и стали чужими.
Нам говорят — были нитки гнилыми.
Нам говорят — было время лихое,
При коммунистах жили в застое...

Мыкались в бедности, благ не хватало,
Каждый тянул на себя одеяло...
Нынче свободны, но всем стало зябко.
Сам-то лоскутик, в сущности, тряпка.

Московская область

Ирина ИХЕНОВА

* * *

Я привыкаю к молчаливости
За неимением собеседника.
Как побирушке, ради милости,
Слова свои ты цедишь реденько.
Ах, сколько было недосказано,
А сколько — репликой угрюмою,
Но я еще встречаю радостно
Лицо, украшенное думою.
Не говори со мной о будничном,
Оно и так всегда за главного,
Как будто мысли дальше булочной
Моею жизнью не оправданы.
Отбросив новости газетные,
И пустяки оставив сплетникам,
Стань украшеньем дня заветного,
Беседа с умным собеседником.

г. Ейск

Светлана МАШЕВИЧ

* * *

Полдня прошло, полвечности упало
На землю смирную и снегом замело.
Нависла туча, и луны не стало.
Горячий лоб, холодное стекло.

И невозможно отойти ко сну.
Вре́мён канат безжалостен и прочен.
И ночь прижалась к моему окну.
Ей тоже одиноко, бедной ночи.

г. Москва

Наталья ЧИСТЯКОВА

* * *

Было сладостей негусто —
Не об этом разговор.
Я соленую капусту
Обожаю до сих пор.

С алой клюквой и с грибочком,
Огурцами и лучком.
Ах, огурчики из бочки!
Чай, заваренный с медком!

Мы сидели до рассвета.
Пели дивные стихи.
Жаль, уже деревни нету,
И не будят петухи.

Эта грусть пройдет не скоро,
От нее по сердцу — гул.
Что ж ты сделал с нами, город?
Взял и детство зачеркнул.

г. Москва

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2011 год
(*Май — декабрь*)

Американцы объявили об убийстве Усамы бен Ладена. На самом же деле они решили убить миф о нем и его «Аль-Каиде» — ровно через десять лет после создания ими этого мифа, когда их спецслужбами были подорваны башни-близнецы.

В реальности никакой «Аль-Каиды» нет. Есть банды международных террористов, подготовленные и вооруженные Америкой, против которых она якобы воюет в Афганистане. Эти банды засветились в Ливии. И теперь Америка намерена всем внушить, что ни бен Ладена, ни «Аль-Каиды» больше нет...

* * *

Был Усама, стал Обама — новый международный террорист, награжденный Нобелевской премией мира.

1 мая натовские бандиты убили младшего сына Каддафи и трех малолетних внуков вождя ливийского народа, одному из которых было полтора года. Чтобы прикрыть это гнусное преступление, американские ублюдки на следующий день придумали историю о ликвидации «террорис-

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

та №1». Десять лет они якобы гонялись за ним по афганским горам и вдруг обнаружили его в пакистанском городе Абботтабаде. Само собой, труп Усамы никому не показан и, по уверению америкосов, «погребён в море»...

Американская властная верхушка врет в каждом своем слове. Она врала об обстоятельствах убийства президента Кеннеди, врала о полетах на Луну, врала об 11 сентября 2001 года, врала о Косове, врала об оружии массового поражения в Ираке, врала о бен Ладене...

Даже когда штатовская администрация озвучивает какую-то вроде бы правдивую информацию, то все равно врет, т.к. и в этом случае преследует лживые и подлые цели.

США — это моральный и материальный банкрот.

6 мая доктор Стив Р. Печеник, занимавший влиятельные посты при трех президентах США и до сих пор работающий в Пентагоне, сообщил по американскому телевидению на шоу Алекса Джонса, что Усама бен Ладен умер еще в 2001 году и что атака на нью-йоркские башни была постановочной операцией спецслужб США. Буш-младший знал о смерти Бен Ладена перед вторжением в Афганистан.

Барак Абама запретил показывать фотографию убитого Бен Ладена. Что ему остается делать?.. Америка завралась.

9 Мая Медведев, готовясь к новым президентским выборам, устроил пиар-шоу под названием «Парад Победы». Военнослужащих на этом «параде» заставили пройти по Красной площади в полевой форме без погон и наград. Но парадная форма одежды для того и существует в армии, чтобы выходить в ней на парад. Без нее, в мирное время, — это шоу, балаган, представление, всё что угодно, но только не парад. Более того, президент (верховный главнокомандующий!) и члены правительства на трибуне **сидели**. И это логично — зачем во время предвыборного шоу стоять?

10 мая Медведев собрал путинский кабинет министров и объявил, что по половине присутствующих тюрьма плачет. Он прав. Но наполовину. Тюрьма плачет по всему кабинету министров.

Медведев возмутился тем, что министерства не выполнили военный заказ на прошлый год. А как они могли его выпол-

нить, если в стране порушена тяжелая и легкая промышленность и разорваны производственные связи? По мнению компетентных людей, заказ этот был нереален и невыполним, т.к. на оставшихся оборонных предприятиях отсутствуют квалифицированные специалисты и соответствующее оборудование. Не говоря уже о том, что Министерство финансов постоянно затягивает финансирование оборонных заказов. Этот президентский заказ был элементарной маниловщиной.

Путин в срочном порядке сколачивает какой-то эфемерный «Народный фронт», надеясь с его помощью вновь стать президентом. Это не театр абсурда и даже не цирк абсурда. Это даже не «палата №6». Этому представлению еще не придумано точного названия.

* * *

Кавказско-азиатская мафия захватила в стране не только всю сферу торговли, но и весь аптечный бизнес. И потому теперь искусственные (наиболее разрушительные) наркотики свободно сбываются через аптеки. Остановить это тотальное убийство молодежи при нынешней власти невозможно.

* * *

140 млн. нашего населения никому в мире не нужны. Весь мир смотрит на нашу территорию как на объект для разграбления и обильной поживы, как на бесхозный сад, полный всяческих яств. Европа, Азия и Америка (США) ждут не дождутся, когда же мы, неразумные обитатели этой громадной территории, наконец выйдем. И ненавидят нас за то, что мы вымираем слишком медленно.

При молчаливом согласии всего мира и безразличии российской власти происходит ликвидация нашего населения. Уже в течении 20 лет. И никто в мире, как и в любых властных органах РФ, не считает этот процесс ни геноцидом, ни холокостом, ни преступлением перед человечностью.

* * *

В конце мая Медведев подписал новый указ, еще более ужесточающий наказание за т.н. «экстремистскую деятельность», приравняв ее к тяжким уголовным преступлениям. К экстремистам, естественно, относятся все те, кто публично говорит и пишет о необходимости устранения этой зарвавшейся в наглости власти. Уже сейчас по «русским» 280-й и 282-й статьям УК находятся в заключении более двух тысяч человек. По новому указу, на людей, привлекавшихся по этим статьям, теперь будет налагаться запрет на профессию: им запрещается работать в СМИ и занимать любые руководящие должности.

* * *

Мы все, живущие в России, находимся под дамокловым мечом тюремной решетки. Нас, русских, могут отправить туда за недовольство властью, за возмущенное слово по отношению к кавказским насильникам или по доносу еврея. Причем — каждого, потому что каждый из нас — потенциальный *экстремист* (сегодняшний и завтрашний). Ни у кого нет защиты перед либерально-тоталитарным законом, призванным держать нас в железной узде и в стальной упряжке. Собственно, теперь вся Россия для нас — это и есть «демократическая» тюрьма, в которой мы оказались для многих неожиданно. Спали, спали, а проснулись в тюрьме. Хотели возмутиться — мол, как это так? А нам сверху говорят: а вот так, спать меньше надо. Кое-кого из нас осенило: «Ну подождите! Придут выборы — мы вам покажем!» Но им сверху объяснили: «Голосовать можно только за нас, потому что других нет и не будет. А против голосовать нельзя». Правильно, тюремный порядок — закон для всех. Вернее, для нас, реальных арестантов.

* * *

Согласно различным опросам, проведенным по всей России, о чем сообщают многие сайты в Интернете, а также «Литературная Россия» (№18-19, 2011), до 90% населения не желают десталинизации. Президент Медведев, главный проводник этой идеи, — в абсолютном меньшинстве своих сторонников. И при таком отношении к нему народа он претендует на второй президентский срок...

* * *

После сдачи т.н. «гаагскому трибуналу» С.Милошевича и Р.Караджича продажная сербская власть арестовала и передала в Гаагу генерала боснийской сербской армии Ратко Младича. Нынешний прозападный президент Сербии Б.Тадич таким способом хочет протолкнуть Сербию в Евросоюз и остаться на второй президентский срок. Это уже стало закономерностью: абсолютно все западники-либералы добиваются своих целей исключительно через подлость и предательство.

* * *

По российскому телеканалу показали документальный фильм о том, **как** и **чем** нас травит кавказско-азиатская мафия, захватившая всю сферу торговли и общественного питания. Но даже в этом фильме не было сказано, **кому** эта сфера принадлежит. Власть прекрасно всё знает и смотрит на

данную форму геноцида сквозь пальцы. Можно не сомневаться, что и на этот фильм со стороны власти реакции не будет никакой.

* * *

Продолжение войны на дорогах.

27 мая в Подмоскowie на федеральной трассе «Дон» пассажирский автобус, следовавший из Тамбова в Москву, столкнулся с «КамАЗом» с дагестанскими номерами. Автобус сгорел. Погибли 11 человек. По сообщению СМИ, виновником трагедии стал водитель автобуса, «уснувший за рулем».

1 июня в Тверской области рейсовый автобус Москва—Рига столкнулся с иномаркой, на большой скорости выскочившей на полосу встречного движения. Удар пришелся точно в бензобак, отчего автобус мгновенно вспыхнул. Погибли семь человек вместе с водителем иномарки, гражданином Литвы. Интернет и радиоканалы тут же загалдели о том, что «водитель автобуса уснул за рулем»...

Само собой разумеется, все пожары у нас происходят от «замыкания электропроводки» и «непотушенного окурка», а все аварии междугородных автобусов — из-за «спящих за рулем водителей». Даже если бы в России вдруг какой-то самолет врезался в какую-то высотную башню, то все либеральные СМИ в один всезнающий голос затараторили бы об уснувшем за штурвалом пилоте...

* * *

Новые подрывы складов с боеприпасами.

26 мая в Иглинском районе Башкирии на территории воинской части подорван склад с боеприпасами. Снаряды рвались несколько дней. В близлежащих поселках разрушены жилые дома. Есть жертвы. Виноватым назначен рядовой военнослужащий, якобы «уронивший гильзу снаряда, отчего боеприпасы сдетонировали»... Но самое удивительное — то, что этот рядовой остался жив и даже не пострадал.

Ночью 2 июня в Малопургинском районе Удмуртии возник пожар на одном из складов 102-го арсенала артиллерийских боеприпасов Минобороны России. Снаряды рвались с такой интенсивностью, что невозможно было приблизиться к складу для тушения пожара. Из ближайших сел эвакуированы 28 тыс. человек. Пострадали более ста человек, о количестве погибших не сообщается. Ну и, естественно, в СМИ тут же всплыл вездесущий «непотушенный окурочек»... И помимо него — массиванный поток лжи, предназначенной скрыть эти новые **диверсии**.

Но с другой стороны — еще раз обнажилась степень развала и деградации армии. Как это возможно дважды подряд допустить пожары на складе боеприпасов?! Где в мире было подобное?! И министр обороны остался в своем кресле! Впрочем, всё это закономерно в той армии, в которой главнокомандующий на параде — сидит.

Уже Собянин признал, что «в Москве есть районы, где до 25% населения не являются русскоговорящими». И при этом, по его мнению, «квоту на мигрантов надо увеличить».

Таких районов в Москве и в России становится всё больше. Но власть это не только не останавливает, но даже, похоже, удручает, что процент «русскоговорящих» уменьшается недостаточно быстро.

Этот режим совершил еще одно подлое убийство. Оно совершено именно этим режимом, хоть и руками этнических головорезов. 10 мая был убит полковник Юрий Буданов, герой чеченской войны, осужденный этой властью и отбывший наказание за исполнение своего воинского долга. «Мы с ним разберемся», — пообещал Р.Кадыров в 2004 году и продолжил свои угрозы в 2009-м после освобождения Буданова: «Он еще получит по заслугам». «Это — возмездие», — радостно произнес депутат Госдумы от Чечни в день гибели русского офицера. И тот, и другой — представители власти. Вот почему убийца известен — власть.

Этнические бандиты, как у себя дома, свободно разгуливают по Москве, убивают (в который уже раз!) известного человека в центре столицы, а власть озабочена лишь реакцией русских людей на этот **чёрный беспредел**.

История с Будановым должна была, обязана была прозойти, чтобы лишний раз показать сущность этой власти.

12 июня, в «день суверенитета России», ракетный крейсер США вошел в Черное море. Российский МИД по этому поводу выразил недовольство. Странно... Недавно приглашали американцев поучаствовать в параде на Красной площади, а теперь чем-то недовольны... Как-то не «по-партнерски» это, нетолерантно...

В СМИ объявлено, что правительство Москвы выделит 110 миллионов рублей «на борьбу с ксенофобией». Но что-то мы

ни разу не слышали, чтобы московские власти, СМИ или судьи с прокурорами называли мигрантов ксенофобами. Поэтому ясно без разъяснений, на борьбу с кем пойдут эти миллионы. Причем московское правительство объявило об этом сразу после медведевского указа о «гуманизации» уголовного законодательства. Слаженно действуют наши власти...

* * *

Ранним утром 21 июня под Петрозаводском разбился пассажирский лайнер ТУ-134, летевший из Москвы. В числе 46 погибших оказались пять ведущих ученых-ядерщиков из руководства опытно-конструкторских бюро в составе госконцерна «Росатом». Все они участвовали в создании реактора для иранской АЭС в Бушере и работали над обеспечением его сейсмостойчивости. Все пятеро летели в Петрозаводск на важное совещание, где должны были обсуждаться вопросы, связанные с разработкой атомных реакторов. Но российско-«либеральные» СМИ об этом дружно молчат.

В советское время ученым такого уровня из соображений безопасности запрещено было летать одним авиабортом. К тому же перед самым вылетом самолет был заменен. Выводы пусть каждый делает самостоятельно. У врагов новый праздник. А центральные СМИ, как обычно, долдонят о «человеческом факторе» причины катастрофы. Вот только какие «человеки» скрываются за этим «фактором»?..

Информация для размышления: иранские ученые-ядерщики, работавшие на строительстве АЭС в Бушере, были убиты израильскими диверсантами.

* * *

Натовские мерзавцы спокойно и каждодневно на глазах у всего мира уничтожают Ливию. С санкции ООН они безнаказанно бомбят небольшое государство с целью ликвидации одного человека — вождя ливийского народа. А кремлевские карлики молча наблюдают за этим варварством, делая вид, будто их это не касается. До них, видимо, не доходит, что придет время — и с Россией будут делать то же самое. После Ливии, Сирии и Ирана.

* * *

Российских либерал-демократов сильнее всего остального приводит в недоумение одна-единственная мысль: отчего Россия до сих пор жива? Действительно, любая другая страна давно бы уже перестала существовать после того, что они сотворили с Россией. И эта мысль, это недоумение вызывает у них страшную злобу, истерику и большую растерянность.

В стране идет настоящая национальная война, которую и центральные и местные власти пытаются скрыть или обозвать «конфликтами на бытовой почве». Вооруженные до зубов кавказские банды в качестве устрашения или мести нападают на русские поселки и деревни, избивая и убивая всех, кто подвернется под руку. Но 1 июля в поселке Сагра Свердловской области они получили отпор. Банда из 60 азеров, дагестанцев и чеченцев ночью напала на поселок после того, как жители заставили убраться оттуда семью цыганских наркоторговцев. Однако девять русских мужиков, вооружившись дробовиками, топорами и вилами, заставили разбежаться эту наглую трусливую кодлу. А одного из нападавших пристрелили. По радио в прямом эфире и в Инете вся страна выражала восхищение действиями местных жителей Сагры. И это — давно ожидаемый пример. Дай Бог, чтобы русские везде действовали аналогичным образом, т.к. абсолютное все органы власти демонстративно бросили их на произвол судьбы.

А ведь кто-то в Кремле грозно заявлял об ужесточении наказания за экстремизм... Но, как мы понимаем, для Кремля **черный беспредел** экстремизмом не является. Там на подобные истории, происходящие по всей стране, вообще не реагируют.

Можно не сомневаться, что этническим бандитам и на этот раз всё сойдет с рук и что медведевскими толерастами ничего не будет предпринято для реального пресечения повсеместной национальной войны. Собственно, ожидать чего-то иного от них не приходится. Именно они эту вражду и разожгли. Точно так же, как в начале прошлого века они разожгли классовую вражду.

Начальником ОВД городского округа Верхняя Пышма, на территории которого находится поселок Сагра, является уроженец Азербайджана полковник Халимов Марат Рафаилович. Участковый полицейский Сагры — Зайниев Вадим Магзумьянович. Сотрудники: Галимзянов Шамиль Шарипзянович, Габдраупов Артур Лутфиевич, Гильмутдинов Тахир Гилязутдинович, Саетгараев Зинур Талгатович, Ахматдинов Булат Анварович, Саетгараев Зинур Толгатович, Ахматдинов Артур Анварович, Сурманидзе Тимуре Георгиевич (месхетинский турок), Гаязов Данил Рифгатович, Гильметдинов Ирек Сагитдинович, Мустафаев Афган Велиоглы.

Это им звонили жители Сагры при нападении на поселок кавказской банды, от них ожидали помощи.

10 июля в два часа дня на Куйбышевском водохранилище по пути в Казань затонул прогулочный теплоход «Булгария» с 200 пассажирами и членами экипажа. Спаслись только 79 человек. Среди утонувших 28 детей. Судно 1955 года постройки не имело лицензии на перевозку пассажиров, один из двух его двигателей был неисправен. Теплоход принадлежал фирме, находящейся в офшоре на Кипре.

Вот оно, еще одно «эффективное частное предпринимательство», вот они, «собственники», «менеджеры» и «широкая приватизация», которым так любит молиться Д. Медведев и вся остальная либеральная шушера.

Как говаривал Е. Гайдар, *рынок всё расставит по своим местам*. И он расставляет. У всех и впрямь *свое* место. У большинства из нас — на дне или в сырой земле.

Либерально-рыночная Россия — страна бесконечной гибели. «Демократическая» власть за свои 20 лет устроила нам страну, не предназначенную для жизни, страну, годную лишь для обогащения подонков, бандитов и моральных уродов, страну перманентного холокоста — ежедневного жертвоприношения Ваалу. 11 июля радиостанция «Маяк» ржала, как сто лошадей.

В гибнущей стране главным для населения является развлечение, веселуха и балдэж. Телящик стал основным инструментом обогащения всемирных аферистов через тотально отупляющую рекламу, в перерывах между которой идет всё та же развлекуха — боевики, смехачи, эстрадная попса, спорт и т.д. А политические шоумены Жириновский, Зюганов, Проханов, Гозман, Веллер и др. придают этому всероссийскому балдежу нервическую псевдосерьезность.

Апокалиптический *конь бледный* обернулся всепожирающей *хромой лошадейю*, олицетворяющей *эту власть этой страны*.

За прошедшие 20 лет в России не построено ни одного пассажирского судна. Все эти «коммерсанты-рыночники», понося социализм, зверски эксплуатируют советское техническое наследство, выжимая из него всю возможную прибыль, не заботясь о ремонте и плюя на риски и жертвы.

Как мы видим, никакие катастрофы не влияют на самочувствие *этой власти* и не заставят ее уйти добровольно.

Только за последние полтора месяца мы пережили подрывы артиллерийских складов, несколько авиакатастроф, демонстративное убийство полковника Буданова, нападение кавказцев на Сагру и трагедию на Волге. Страна стремитель-

но проваливается в черную дыру враждебной нам системы жизни и власти. Но власть судорожно держится за эту преступную систему и смотрит на нас невинными глазками... В этом году она справит 20-летие смертоносной черной дыры либерализма.

Страна рушится у нас на глазах. А народ продолжает за- гипнотизированно смотреть телевизор. И многим нравится эта черная дыра, эта убийственная система. Как же, она позволяет им «делать бабки», и пока их самих не затянет в пропасть, они спокойно наблюдают, как гибнут другие. Дьявольская система за 20 лет создала безнравственную массу безразличных людей — поколения т.н. «барабанщиков» (которым всё по барабану). И она, масса, держится за эту систему, толкающую ее «делать бабки», подобно хищным и очень «эффективным» менеджерам «Булгарии».

* * *

В любой другой стране после всего случившегося правительство обязано было уйти в отставку — самостоятельно или по указу президента. Но только не в «демократической» России. Для Путина это вообще немыслимо — накануне президентских «выборов». После отставки его президентские амбиции стали бы равны нулю. И тут хоть вся страна загремит в тартарары, но он до президентских «выборов» ни в какую отставку с поста премьера ни за что не уйдет. Об уходе Медведева до марта 2012 года даже думать смешно. Вот их моральный облик. Вот их внутренние «принципы». Вот их жизненные установки.

* * *

Подлинная десталинизация — это освобождение от тотальной «вины» Сталина за все преступления чекистско-большевистской власти. Либералы по-прежнему неустанно занимаются разжиганием культа Сталина, раздувая его роль в установлении авторитарной, единоличной власти в стране. Им важно внушать и повторять, что всеми процессами (в первую очередь негативными), происходившими на территории СССР в годы его правления, руководил он и только он. Так им проще и легче объяснить абсолютно все жертвы чекистско-большевистской власти, так им удобнее закамфлировать колоссальный Русский Погром, с размахом осуществленный их идейными и кровными предшественниками, ведомыми Лениным—Свердловым—Троцким. В «заслугу» Сталину либералы ставят исключительно все репрессии, чистки, расстрелы, поражения первых лет Войны и т.д. А вот

достижения, победы, взлеты и все великие факты истории в период его управления страной они ставят в заслугу *многонациональному* народу. Даже не советскому и тем более не русскому народу, а с подчеркнутой настойчивостью — *многонациональному*. Впрочем, их однобокое «мышление» давно никого не удивляет.

Ну сколько можно раздувать культ личности Сталина, господа либералы? Не надоело? Уже почти 60 лет прошло с его смерти, а он вам всё спокойно спать не дает!.. Даже президент о десталинизации заговорил, а вам всё нейдет...

Нелишне еще раз ясно и трезво посмотреть на национальный состав населения нашей страны. Согласно переписи 2010 года, русских в России 80%, татар — 3,5%, украинцев — 2%, башкиры, чуваша, чеченцы и армяне составляют соответственно по 1%. Остальные народности еще малочисленнее. Да, конечно, на нашей территории проживает множество разных этносов. А где, в какой стране их нет? Но Франция — это французское государство, Германия — немецкое, Швеция — шведское, Испания — испанское... А **Россия — русское!** Но вот именно это (исключительно это!) сильнее всего возмущает тех, кого среди нас не более 0,6%...

После трагедии в ночном клубе «Хромая лошадь», где заживо сгорели 155 человек, прошло около двух лет, однако до сих пор никто за этот пермский крематорий не осужден. В чем я изначально и не сомневался. Сразу же я написал в «Протуберанцах», что это скорее всего — спланированное, ритуальное сожжение людей и что оно останется безнаказанным. Как видим, и тут я оказался недалек от истины.

В конце концов Европа получила по своей толерантной морде.

На фоне натовских бомбардировок Ливии (на этот раз под командованием Франции) европейский мультикультурализм выглядел уж слишком непотребно. И Андерс Брейвик просто не мог не появиться — хотя бы потому, что нельзя до бесконечности плевать на Провидение. Причем почти сто трупов молодых норвежцев — это лишь малая толика того, что могло быть, и того, что еще грядет впереди. Андерс Брейвик — это первый звоночек для самовлюбленной и охамевшей Европы. От этого звоночка она вдруг вздрогнула и заскулила:

«За что?», «Почему?», «В чем мы виноваты?», «Норвегия — маленькая, тихая, мирная страна»...

Теперь или потом, но жизнь наконец заставит европиндосов крепко уразуметь, что они виновны всегда и во всем. Хотя бы в том, что пригрели у себя чеченских головорезов, убивших, как минимум, 30 тысяч русских еще до первой, ельцинско-дудаевской, войны. Хотя бы в том, что уничтожили Югославию, разбомбили Белград и все свои преступления в Хорватии, в Боснии и в Косово свалили на сербов. Такие штуки безнаказанными оставаться не могут. Если жизнь неким Разумом была изначально создана, то этот Разум (вопреки Ницше) еще не умер. Он долго терпит, но наказывает очень больно и для многих неожиданно. Европе оказалось мало наказания Гитлером, значит, впереди ее ждет наказание еще большее.

Могут сказать: почему же это не произошло во Франции, в Германии, в Англии?.. Подождите. Всё впереди, как сказал ныне живущий классик русской литературы. Это только первый звонок. В Англии год назад нечто подобное готовилось. Сработали спецслужбы, предотвратили. Но, как говорится, тенденцию остановить нельзя. И заметьте, Андерс Брейвик — не араб и не турок. Он европеец.

Российские либералы тоже запричитали: «Ах, ах, ах!.. Почему?! Не понимаем... Это какой-то кошмар!..» Быстро они забыли, как Норвегия в одностороннем порядке (под прикрытием США, естественно) объявила своими российские территориальные воды в Баренцовом море и долгое время подвергала аресту наши рыболовецкие суда. И обнаглела до того, что норвежский военный корабль преследовал наше судно аж до Архангельска. Быстро они забыли, как норвежские летчики бомбили Белград, Ирак, а теперь бомбят Ливию. Либералам вообще свойственно всё быстро забывать... Но Бог не играет в кости. Вот и аукнулось.

Не хватит никаких гаагских тюрем, чтобы поместить туда всех американо-европейских военных преступников.

* * *

Надо быть абсолютно чуждым своей стране, чтобы после Великой Отечественной войны, когда на оккупированных немцами территориях местных полицейских презрительно называли полицаями, и зная о стойкой, крайне негативной памяти народа к этим самым полицаям, додуматься до переименования милиции в полицию... Причем говорят об этом сами милиционеры.

По уровню интеллекта некоторые «президенты» так и остались дворниками.

* * *

Ускоренными темпами заполняя российскую территорию выходцами с Кавказа и из Средней Азии, власть отнимает у нас, русских, жизненное пространство. Тем самым она **совершает страшное преступление против нашего народа, еще до конца мноими не осознанное**, лишая нас исконно русского пространства — духовного, национального и материального. У русских не стало **своей** территории, **своих** национальных границ и **своей** ментальной ауры. Нас под разговоры о *толерантности и мирном сожительстве разных культур* отовсюду коварно вытеснили, заставив с этим смириться и запретив даже заикаться об этом.

* * *

Уже несколько лет, как в стране внедрена свободная продажа огнестрельного оружия. Без предупреждения, втихую мы вдруг оказались поставленными перед жутким фактом: мы с удивлением обнаружили, что у нас в стране чуть ли не на каждом шагу продается травматическое оружие, которое почти ничем не отличается от боевого — травматический пистолет легко переделывается под боевой патрон. Хотя и самой травматики вполне достаточно, чтобы убить человека — что и происходит повсеместно и практически ежедневно.

Всем известно, что кавказцы за взятки приобретают травматику без всяких проблем и разрешений. Каждый из них имеет холодное оружие, а теперь еще им дали возможность иметь и огнестрельное. И все они его приобрели.

Всё это — сознательная диверсия власти против русского народа, чтобы держать его в постоянном страхе за свою жизнь.

* * *

Они пришли сюда грабить и убивать.

Ранним утром 6 июля вооруженная банда дагестанцев из шести человек в подмосковных Химках напала на автозаправочную станцию с целью ограбления. Но спецназ (а не милиция-полиция) заранее устроил им засаду. Двое бандитов были убиты, трое захвачены, один сумел скрыться, но был пойман на следующий день. Примечательно то, что эта группа ранее осуществила несколько «удачных» нападений на АЗС. А сколько аналогичных бандгрупп орудуют вокруг Москвы! Сообщения об этом стали обычным и каждодневным явлением нашей жизни.

* * *

Д.Медведев заявил о необходимости срочной приватизации последних остатков госсобственности. Торопится до кон-

ца своего президентства распродать то, что еще ими не продано, и поделить доходы в кругу племенного олигархата.

Но время сжимается быстро. События внутри страны и вне ее происходят со сверхтрагической, почти апокалиптической непрерывностью. Америка летом этого года едва избежала финансового краха, отодвинув его на недолгое время. Но он неизбежен. Это понимают все. И в первую очередь — сама правящая верхушка США. У Америки нет другого выхода для спасения, кроме новой глобальной войны. Все понимают, что мир **обречен** на новую большую войну.

Так что медведевские мечты успеть пожить за счет остатков госсобственности похожи на упования продувшегося в прах картежника, спешащего поменять на деньги последнее золотое кольцо, оставшееся от родителей. Но деньги скоро не будут стоить ничего.

* * *

19 августа исполнилось 20 лет августовским событиям 1991 года. Сейчас эту дату телерадиоболтуны с радостным придыханием называют 20-летием развала СССР. Но в те дни страна еще не рухнула, Советский Союз прекратил свое существование только в декабре.

Я прекрасно помню август двадцатилетней давности. Утром 19-го я собирался на работу в редакцию «Молодой гвардии». И вдруг по радио услышал сообщение о введении в стране чрезвычайного положения, о вводе военной техники в Москву и об отстранении Горбачева от должности президента. Сердце мое радостно встрепенулось: «Ну наконец-то!..» Казалось, что теперь-то горбачевский бардак будет остановлен.

В редакции «Молодой гвардии» в тот день все мы пребывали в приподнятом настроении и ожидали ареста Ельцина. Однако прошел первый день ГКЧП, истекла смутная, полная больших ожиданий ночь, но ничего не происходило. На следующий день толпы ельциноидов полезли на танки и бэтээры, бесцельно стоявшие в центре столицы. Я был там и видел это своими глазами. Вот тут в меня закралось сомнение в происходящем. А когда эти же толпы стали собираться у Белого дома и перед ними развязно и самоуверенно выступил пьяный Ельцин, окруженный своими прихлебателями, я понял, что всё рухнуло, что гэкачеписты ни на что не способны. Вечером 21-го они были арестованы.

Помню состояние жуткой душевной подавленности и безысходности. Уже в тот день мне было ясно, что прежней стране пришел конец. Такое же состояние испытывали почти все мои знакомые и тысячи патриотов по всей России. А жули-

ки, подонки, русофобы и все аферисты, объединенные одним названием «демократы», нагло и вызывающе праздновали свою пиррову победу.

Нашему журналу со всех сторон посыпались угрозы, в том числе и с экрана ТВ. Кто-то из соседних еврейских изданий нашей 20-этажки прилепил на стене редакции «МГ» листовку с требованием убираться из здания подобру-поздорову. (В ближайšie несколько лет они сами все позакрывались и разбежались по экономическим причинам.) Анатолий Иванов вызвал меня в кабинет (я возглавлял тогда отделы критики и публицистики журнала) и попросил подготовить материал с ответом на эти угрозы и с объяснением произошедшего в стране нашим читателям. Буквально за один день я написал статью «Ответ погромщикам», которая тут же была поставлена в ближайший номер.

Но задуманное горбачевской кликой и масонско-сионистской верхушкой свершилось. После августа 1991 года Советский Союз как государство был ликвидирован. А за прошедшие с тех пор 20 лет горбачевско-ельцинские последыши только тем и занимались, что добивали, разворовывали и распродавали остатки страны. Вскоре нам суждено было пережить и 1993 год — еще одну неудавшуюся попытку скинуть ненавистную власть и расстрел того самого Белого дома, который оказался гнездом ельцинской банды в 1991 году.

А ведь по всему чувствуется, что грядет третья попытка...

* * *

Сколько «либеральные» СМИ ни долдонили о «славянской внешности» убийцы полковника Юрия Буданова, в конце августа этот «славянин» был найден и арестован. Как ни удивительно для либерально-еврейских СМИ, им оказался чеченец Магомед Сулейманов*.

* * *

Т.н. «ливийские повстанцы» — это наемники со всего мира и натовский спецназ. Полным ходом идет наземная военная операция американо-европейских агрессоров с целью захвата ливийских природных ресурсов. Очередная независимая страна на глазах у всего мира изнасилована и уничтожена. И Кремль является соучастником этого акта государственного терроризма. Город Триполи после каждодневных массированных ракетных ударов разрушен и завален трупами ливийцев. Интернет забит шокирующими кадрами окро-

* Как позднее выяснило следствие, его подлинное имя — Юсуп Темирханов. — В.Х.

вавленных тел мужчин, женщин и детей на улицах и в больницах ливийской столицы. Однако генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен в интервью французскому еженедельнику «Le Journal du Dimanche» заявил с циничной похвальбой: «За время операции в Ливии авиация сил НАТО совершила более 22 тысяч вылетов, поразив около 5 тысяч целей, но при этом не пострадал ни один представитель гражданского населения». Президент Венесуэлы Уго Чавес, выступая по национальному телевидению, сказал: «После такого вранья невозможно поверить в то, что американцы побывали на Луне».

Теперь понятно, за что Барак Обама дали Нобелевскую премию мира...

31 августа этого года Д. Медведев выступил с обращением к российским долларовым миллиардерам, чтобы они посетили школы и рассказали об «истории своего успеха». Оказывается, российскому президенту не приходит в голову, что за **каждым** «успехом» этих миллиардеров стоят баснословные экономические преступления и десятки трупов.

Вот всего лишь одна-единственная сравнительная информация, одновременно нелицеприятная и коммунистам-ленинцам и российским демократам, взятая из книги Б. Бразоля «Царствование Императора Николая II в цифрах и фактах»: «В начале царствования Императора Николая II в России насчитывалось 122 миллиона жителей. 20 лет спустя, накануне 1-й Мировой войны, народонаселение её увеличилось на 60 миллионов. Таким образом в Царской России население возросло на 2 400 000 человек в год». Тот, кто способен думать, пусть на этом фоне подумает и о революциях 1917 года, и о последнем нашем двадцатилетии.

Жизнь самым жестоким образом заставляет русских стать русскими. Упорно заставляет. Но русские так же упорно ей сопротивляются — русскими быть не хотят. Даже лишившись всех национальных прав, даже убивая своих детей, даже поглощая отраву, которой их пичкают нацмены, даже вымирая по два миллиона в год, — не хотят. Потому что иначе надо включать мозги. А этого очень не хочется — и лень, и боязно. Подышать и жрать отраву — не боязно, а включать мозги — страшновато.

Мерзкий Сванидзе вновь вылез на экран со своим телешоу «Исторический процесс», продолжив прекращенный «Суд времени», в котором он потерпел полное фиаско. И вновь этот моральный (промолчу о внешности) урод истерит, нагло врет, подтасовывает факты, не дает говорить оппонентам, блефует, цинично ерничает, изворачивается, стремясь доказать недоказуемое, — и снова с треском проигрывает голосование в прямом эфире.

На его стороне такие же отвратительные типы — Сатановский, Мирский, Пивоваров, Станкевич, Нечаев, Хакамада, Венедиктов, П. Гусев и т.п. И это, в общем-то, неудивительно, такова их природа. Вызывая всеобщее отвращение и возмущение, они не могут уgomониться, им нужно постоянно демонстрировать свою ненависть к СССР, к Сталину, к русским, к России и ее истории.

Собственная неполноценность и собственная внутренняя мерзость ежеминутно толкает их на хамское оскорбление чуждой и ненавистной им страны, давшей этим моральным уродам беспрецедентные возможности самоутверждения и самораскрутки. Но им мало этого: Россию, ее историю, судьбу и народ им нужно унижить, дискредитировать, втоптать в грязь — такова воля их заокеанских хозяев, которая им самим очень даже по нутру. Не говорю: по душе, потому что души эти монстры лишены начисто.

Фашистское государство США и идущая в его фарватере Западная Европа по жестокости, циничной наглости, лживой пропаганде и агрессивной дезинформации своих СМИ превзошли нацистско-фашистскую Германию и уже добились большего, чем добивался третий рейх. Бомбардировки негодных стран в Европе, Азии и Африке стали для них обычным делом, причем, как правило, с санкции Совбеза ООН, превращенного в юридическое прикрытие натовского террора и американского фашизма.

Откровенно фашистская политика и идеология распоясавшегося западного агрессора не встречают абсолютно никакого противодействия или хотя бы маломальской критики со стороны официальной российской власти, даже более того, главные кремлевские «менеджеры» величают фашиствующих агрессоров и натовских террористов «партнерами»...

Нарыв наконец прорвался. «Великая тайна» стала явью. Командор (ВВП) возвращается, вновь обретая свои права.

Кто-то вздохнул с облегчением (например, Проханов), а у кого-то заняло под ложечкой (у Дворковича).

Комедия развивается по закону жанра. Путин, еще не став президентом, уже назначил Медведева премьером. Прелесть — эта демократия. Но мало того, что «тандем» смеется над всеми нами, мы, по закону жанра, обязаны эту «рокировочку» молча проглотить. Но один, чтобы комедия не показалась слишком скучной, все же взъерепенился — Кудрин, т.к. сам претендовал на должность премьера, и ему, видимо, было обещано Путиным.

В том, что Путин станет следующим президентом, я не сомневался уже весной 2011 года. И то, что сейчас, осенью, это стало для кого-то откровением, меня сильно удивляет. Абсолютно все действия Путина за последние месяцы говорили о том, что к президентской кампании готовится именно он, а не Медведев.

Все же власть эта обнаглела до крайности. Медведев публично заявил, что они с Путиным «давно обо всем договорились». Мол, нечего вам, быдлу, дергаться, за вас всё давно решено. И вы, быдло, обязаны прийти и проголосовать за наше решение, а Центризбирком обязан это решение утвердить.

Как же прав был К.П. Победоносцев, более ста лет назад назвавший демократию «великой ложью нашего времени»!

Цель Сванидзе и его прислуги в телешоу «Исторический процесс» — провоцирование погромов. Неважно каких — еврейских, кавказских, русских, лишь бы разжечь ненависть одних к другим и пролить побольше крови. И в этом главная роль Сванидзе в российском информационном пространстве — роль основного и самого отъявленного провокатора. Так 28 сентября в «ИП» под названием «Разгон парламента» Сергей Кургинян продемонстрировал запись выступления Сванидзе перед «демократической» тусовкой сразу после событий 3—4 октября 1993 года, где он, со своей обычной ехидной улыбочкой откровенничал: «Мы **спровоцировали** их на вооруженное выступление и расстреляли». Вот и сейчас он занимается тем же: провоцированием ненависти через очевидную ложь, наглые оскорбления и циничные издевательства над реальными фактами. Провоцирует на срыв, на естественное чувство возмущения и в конечном счете на физическое насилие, на любой кровавый погром. В этом его главная задача. И в том же эфире (28 сентября) физическое насилие чуть было и впрямь не состоялось. Приглашенный Кургиняном Александр Руцкой так прямо ему и сказал: «Ну ты,

деятель, иди сюда, я тебя прямо здесь отоварю». И, в общем-то, жаль, что не отоварил.

Все видят, насколько Сванидзе и его клеветы выглядят подло, лживо, непотребно и отвратительно. Но за ними — вся их известная этническая группировка.

* * *

Медведев, конечно, хотел остаться на второй президентский срок. Но Путин не позволил. Вся еврейско-«либеральная» часть России этим очень недовольна. Недоволен этим и Запад. Поэтому Медведеву приходится оправдываться. Но его прозападная антирусская политика провалилась.

* * *

В ночь с 1 на 2 октября в одном из развлекательных центров Подольска произошел конфликт между дагестанцами, среди которых оказался азербайджанец Хосрувл Наил, и восемнадцатилетним болельщиком ЦСКА Андреем Урюпиным. Хосрувл Наил убил русского парня, а Дмитрий Михайлов, пытавшийся защитить друга, получил ножевые ранения. Убийца, как обычно, не был задержан и вскоре скрылся на родине.

8 октября русская молодежь вновь пришла на Манежную площадь, чтобы выразить свой протест против **черного террора** и бездействия правоохранителей. Но власть, учёная декабрьским опытом 2010 года, на этот раз среагировала моментально. Омоновцы перекрыли все подступы к Манежу и тут же начали дубинками избивать молодых русских ребят, хватать их и тащить в свои автобусы и автозаки. Манеж был на этот раз быстро очищен от протестующей молодежи.

Власть прямо и очень доходчиво еще раз показала — русским объявлена война.

* * *

6 декабря 1920 года на собрании актива Московской организации РКП(б) Ленин сказал: «В декрете о концессиях мы выступаем **от имени всего человечества** с экономически безупречной программой восстановления **экономических сил мира на почве использования сырья, где бы оно ни было**» (ПСС, т. 42, с.72). Не такова ли политика всего мирового олигархата?

* * *

Жизнь моего поколения безостановочно обрабатывалась лживыми обещаниями кремлевских властей. Сначала сорок лет нас кормили «светлым будущим коммунизма», потом двадцать с лишним лет закармливали «демократией» и «свобо-

дой». И получается, что всю нашу жизнь власть российская нам **врала**, то есть мы жили в состоянии беспрестанной, тотальной **лжи**. Как тут было сохранить в нормальном, неискаженном состоянии мозги и психику? А ведь нам уже за шестьдесят. Обработка послевоенного поколения идеологическим враньем — это одна из причин гибели СССР. Поколение наше не встало на защиту Родины от новых кровопийц, т.к. было сплошь отравлено и морально измучено почти полувекковой идеологической неправдой т.н. «марксизма-ленинизма» и т.н. «коммунистического будущего». И когда эта же самая власть моментально сменила одно идеологическое вранье на другое — основная масса народа отнеслась к этому полным безразличием.

* * *

Я уже писал об этом в статье «Коммунистический тупик», но хочу еще раз повторить: коммунизм — это большая хитрость основателей капитализма. Коммунизм предназначался лишь для определенной группы (довольно многочисленной) людей определенной национальности, имеющей отношение к *капиталу*. (Понятие *капитала* гораздо глубже, нежели многие думают и нежели то, какое указано в словарях.) Троцкий, между прочим, был прав, когда говорил, что коммунизм нельзя построить в отдельно взятой стране. Коммунизм действительно должен быть общемировым. И весь мир обязан на него работать. (Но от идеи коммунизма комлжецам пришлось отказаться, т.к. ее, к большому сожалению акул капитализма, «скомпрометировал» Сталин, который начал строить его **для всех**.)

Капитализм же воспринимает свободу только в одном качестве — в **свободном** движении *капитала* по всему миру. *Капитала* как денег и как идеологии, философии и смысла жизни, понятных только адептам и жрецам *капитала*. Во всем остальном капитализм — это тотальная диктатура и ничего, кроме диктатуры. Капитализм тоталитарен, но *капитал* авторитарен, как авторитарна диктаторская личность. *Капитал* (Маркс знал, что говорил) — это и впрямь *бог*, материальный и мистический, но *бог* с отрицательным знаком (и мы знаем, **кто** это). Капитализм для его жрецов является религией.

* * *

20 октября в Ливии убит Муаммар Каддафи. Одним из его убийц является президент России Д. Медведев, давший в ООН санкцию на оккупацию Ливии натовскими ублюдками.

Город Сирт, где скрывался Муаммар Каддафи, натовской авиацией превращен в руины. Улицы города завалены трупами

погибших людей. Новое безумие фашистского Запада, стоящее в бесконечном ряду его сатанинских преступлений против человечности, как всегда замолчанных мировыми просионистскими СМИ, вопиет к небесам и высшим силам, т.к. на земле нет силы, способной ответить этим фашистским крысам.

По ящику с нескрываемым злорадством крутят видеоролик с истерзанным трупом вождя, философа, поэта Каддафи. Его лежащее на земле обнаженное до пояса тело изрешечено пулями и забито прикладами автоматов. Это **естественная** мученическая смерть великого романтика, оратора, пророка, бойца за народную справедливость от липких рук фашистских наемников, направляемых мировым Сионом.

Ведьма Клинтонша восторженно произнесла свое собачье «Вау!» и расхохоталась. «Тандем» набрал в рот воды и застенчиво улыбается с экрана. Вместо него «неразумному» российскому электорату Сатановский и Гозман заунывными голосами талдычат свою обычную иудейско-либеральную туфту о «кровавом диктаторе, понесшем достойную кару». Сотни тысяч иракских, палестинских, афганских, ливийских трупов — не в счет. Это не люди. Это букашки под ногами сионо-американо-европейского фашизма, воскресшего из пепла 1945 года.

Нет, не случайно натовские башмаки простучали по брусчатке Красной площади в 2010 году. Это был символический «черный марш» сатанинского отребья, захватившего власть на Земле и приказавшего Кремлю молчать.

Милошевич, Хусейн, Каддафи... Рохлин, Наумов, Илюхин... Что ж, неплохая плата за молчание... Правда, время от времени из Кремля доносится призыв: «Идите на выборы!..»

Но всё же иногда «тандем» начинает нервничать. Когда заходит речь о правах титульной нации, его застенчивую улыбку мгновенно искажает двойной оскал...

В один и тот же день (!), 28 октября, завершились два судебных процесса. В одном из них были осуждены кавказские отморозки, убившие в Москве Егора Свиридова. В другом — русские парни, схваченные во время восстания молодежи на Манежной площади 11 декабря 2010 года. И те, и другие получили тюремные сроки. Кремлевская власть столкнула кавказцев и русских, пролила кровь, устроила показательные процессы и отправила тех и других за решетку. «Разделяй и властвуй!..»

29 октября в Доме культуры «Октябрь», где в последние годы не раз проходили патриотические вечера, должен был состо-

яться благотворительный концерт в поддержку политических заключенных (В.Квачкова, К.Душенова, Ю.Шутова и многих других). В эту же ночь Дом культуры был сожжён.

Какие тут нужны комментарии?

* * *

14 октября 2011 г. в Нормандии (Франция) во время получения премии Алексиса Токвиля с речью выступил Збигнев Бжезинский. В своей речи он высказал мнение о том, что Россия как цивилизация должна быть упразднена. То есть она, по его словам, обязана стать частью атлантической цивилизации, освобожденная от малейших признаков самостоятельности и самоидентификации. Но для этого в России должна быть ликвидирована национально ориентированная часть руководящей и армейской элиты. Что, собственно, и происходит в реальности. Мы много раз убеждались в том, как рекомендации Бжезинского осуществлялись на практике.

Конечной целью всех произошедших в последние годы «цветных революций» является Россия. Но главным рычагом в осуществлении глобальных планов Запада, конечно, должна стать неуклонная, последовательная предательская работа руководства страны.

* * *

Американский сенатор Джон Маккейн заявил о необходимости бомбардировки Сирии. А израильский премьер-министр Нетаньяху публично, для прессы сказал о том, что его государство вместе с США в 2012 году нанесут ракетный удар по Ирану. Если это случится, то, как всем понятно, ни Сирия, ни Иран без ответа не останутся. В свою очередь, Израиль, без сомнения, применит ядерное оружие. (Вспомним, как Д.Медведев по настоянию Израиля и США отказал Ирану в поставках всех видов вооружения и, самое главное, уже оплаченного зенитно-ракетного комплекса ПВО С-300.)

Телевидение, радио и центральные российские газеты как-то буднично и совершенно спокойно сообщают о том, что мир стоит на грани Третьей мировой войны. Причем все либерально-просионистские СМИ настойчиво убеждают нас в неизбежности, в неотвратимости и чуть ли даже не в вынужденной необходимости этой самой Мировой войны, которая якобы всё расставит по своим местам во имя добра и справедливости.

То-то все последние годы те же самые СМИ внушали нам наступление «конца света» в 2012 году.. Теперь окончатель-

но прояснилось, с чьей подачи они это делали и откуда эти прогнозы исходили...

Что ж, кто «конец света» в конкретное время прогнозирует, тот его и готовит.

* * *

14 ноября министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил перед журналистами о том, что США готовы разместить военные корабли, оснащенные системой ПРО, в Черном, Северном, Баренцевом и Балтийских морях. «*Ситуация становится безвыходной*», — подчеркнул он.

Д.Медведев, в тот же день имевший беседу с Обамой на саммите АТЭС в Гонолулу, сказал на пресс-конференции, что американцы отказываются давать какие-либо письменные гарантии ненападения на Россию. При этом он по-прежнему называл их «нашими партнерами»...

А чёрный квадрат телящика гонит по всем каналам ментовские сериалы и ржание смехачей...

* * *

Вполне ожидаемый итог игры в демократию. Медведев признал, что все четыре последних года «американские партнеры» водили его за нос. Улыбчивая болтовня о «перезагрузке» обернулась всем явной *загрузкой* Восточной Европы элементами натовской ПРО. Кто бы мог ожидать!.. В конце своего президентства Медведев вдруг очухался и повелел обеспечить противоракетное прикрытие наших баллистических ракет. Не поздно ли тушить пожар, господа танцоры?

А ведь «партнерша» Клинтонша четыре года назад вовсе не случайно и не ошибочно подарила Лаврову красную кнопку с надписью «Peregruzka»...

Теперь, похоже, Медведеву и самому стало ясно, что, подписав договор СНВ-3, он сел в большую лужу. О чем неоднократно и предупреждали авторы «Молодой гвардии».

Возможно, и впрямь до Медведева с Путиным что-то наконец дошло, если им вдруг срочно понадобилась дружба с А.Г. Лукашенко и они чуть не вполтину скостили ему цену за российский газ... Видать, «где-то зачесалось», как говорил «языкотворец» Черномырдин...

* * *

В России с 1996 года **убито** более сорока русских ученых. По большей части это ведущие физики-ядерщики и конструкторы космической техники. На сайте «Архипелаг Святая Русь» опубликован список убитых ученых.

Русских преподавателей отстраняют от руководства университетами, факультетами и кафедрами.

А главы городов, краев и областей уговаривают население голосовать за «Единую Россию».

* * *

Как ни старались большевики уничтожить русскую деревню, им это не удалось. А вот Ельцин со своими преемниками это сделали.

* * *

Практически одновременно *этой властью* утверждены два закона, которым аплодируют все враги России. 18 ноября 2011 года принят закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». За этими вроде бы безобидно звучащими словами скрывается закон о той самой пресловутой «ювенальной юстиции», с помощью которой с этого дня будут отбирать в семьях детей уже на основании действующего **закона**.

22 ноября президент Медведев подписал закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Этот не менее чудовищный закон, внесенный в Госдуму правительством РФ и одобренный депутатами от «Единой России», отныне

«...лишает родителей законных прав на охрану здоровья своих детей, в т.ч. права на отказ от медицинских прививок, половых осмотров и полового просвещения, на решение вопроса об аборте или операции и т.д.;

создает предпосылки для отобрания детей у малообеспеченных родителей;

создает условия для серьезных злоупотреблений в области трансплантации органов и тканей человека, разрешает постерное донорство детских органов и тканей;

легализует суррогатное материнство (вынашивание детей на продажу),

предусматривает принудительные аборты и стерилизацию психически нездоровых людей;

предоставляет врачам право на отказ в проведении реанимационных мероприятий неизлечимо больным пациентам;

сокращает время проведения реанимационных мероприятий новорожденным детям до 10 минут;

обязывает граждан при постановке на учет в поликлинике заранее давать письменное согласие на медицинское вмешательство под угрозой отказа в получении медицинской помощи...» («Русская народная линия»).

Петля геноцида с каждым днем затягивается всё сильнее.

* * *

Сколько бы ни затягивалась петля геноцида, смиренное молчание подавляющей части населения остается неизменным. И у каждого из этой подавляющей смиренной части в голове сидит спасительный и оправдательный вопрос: «А что мы можем?» Этот вопрос для каждого является и ответом.

* * *

Давно все знают: радио- и телеэфир намертво схвачен одной этнической мафией. Умер известный всей стране писатель Сергей Семанов — сообщений никаких. Умер знаменитый поэт Владимир Фирсов — гробовое молчание. Умер главный редактор журнала «Москва», прозаик Леонид Бородин — ноль эмоций.

Давно всем понятно: если умер русский писатель, ученый или деятель культуры — никаких сообщений не будет.

* * *

Безнравственная власть создала безнравственное «гражданское общество», которое, в свою очередь, плодит безнравственные порядки. По всей стране открылись т.н. бэби-боксы, куда женщины теперь могут сдавать своих новорожденных детей. И уже сдают. Этих детей теперь без лишних проблем будут продавать за рубеж или частным медучреждениям на органы. Еще одна сфера либерально-толерантно-демократического бизнеса. И что симптоматично: бэби-боксы открылись одновременно с подписью Медведева под законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»...

* * *

Смысл существования российской власти на всех уровнях заключается в **обогащении** любыми путями за счет имеющихся в стране ресурсов — как природных, так и человеческих. Только обогащение и перевод валюты за рубеж руководят всеми действиями этой власти. Какое-либо производство ей не нужно и не выгодно. Однако стремительно чуть ли не по всем географическим направлениям прокладываются трубопроводы и железные дороги, чтобы гнать и гнать за границу *сырой продукт*, а валюту от его продажи хранить в зарубежных банках. И для того, чтобы держать население в покорности, создана жесточайшая карательная система подавления любых возмущений. Помимо имеющихся бесчисленных «охранных» структур уже объявлено о создании новой — военной полиции.

* * *

Вечером 4 декабря, перед закрытием избирательных участков, весь центр Москвы внутри Садового кольца был оцеп-

лен ОМОНОм и внутренними войсками, чтобы неравнодушный, сознательный народ не смог собраться здесь для выражения своего возмущения фальсификацией выборов. (Уже сам этот факт говорит о блефовости данных «выборов».) Вот за что наши «дорогие россияне», влюбленные в Ельцина-Путина-Медведева, голосовали все двадцать прошедших «демократических» лет — за ОМОН и за войска в центре столицы. Только за это, **за ОМОН и за карательные войска**, голосовало всё наше обывательское болото. Оно «стабильно», ехидно и тупоголово голосовало за расстрел Дома Советов, за Буденновск и за «Норд-Ост», за войну в Чечне и за черный террор, за отраву в магазинах и продажу детей за рубеж. Не за Ельцина, не за Путина с Медведевым все 20 с лишним лет голосовало россиянское стадо, а только и исключительно за ОМОН и войска в центре Москвы. За что голосовали, то и получили.

* * *

В Интернете размещены многочисленные видеоролики о том, как на разных избирательных участках происходил вброс бюллетеней за «Единую Россию». Причем делали эти вбросы, как правило, сами председатели участковых комиссий. И так было по всей стране — заполненные бюллетени вбрасывали пачками. А Медведев с Путиным радостно объявили о победе на выборах партии власти. Честные люди со стыда бы сгорели, а этим — всё божья роса...

Каждый человек в России, повторяю, каждый знает об очередной баснословной фальсификации выборов в Думу. И каждый понимает: **любые выборы при «демократах» — блеф и сверхобман**. Причем обмануть власти хотят не кого-то (это уже невозможно), а самих себя, чтобы самим поверить в собственное враньё. Жалкие, ничтожные существа. Наверное, им уже плевать на то, какими они останутся в истории.

Когда власть сама себе ампутирует стыд, участь ее печальна — ни понимания, ни сочувствия она вызвать не может.

* * *

5 и 6 декабря со всех направлений в Москву шли колонны грузовиков с внутренними войсками. Прибыл сюда и чеченский полк. Кремлевская власть судорожно демонстрировала страх перед народом. Ей тут мало было полиции и ОМОНа! Но с кем она собиралась воевать? С возмущенными людьми? Наблюдать это было не столько противно, сколько смешно. Правду говорят: у страха глаза велики.

За эти два дня арестовано около тысячи человек, придет-

ших на акции протеста. Но ящик о происходящих в Москве событиях намертво молчит.

Вот на таком фоне Путин опять собрался в президенты. А еще говорят — на штыках сидеть неудобно... Это смотря кому...

* * *

Северокавказские республики стопроцентно проголосовали за партию власти. Вот это и есть опора режима — карательные структуры и Кавказ. «Хуже» всего за «ЕдРо» проголосовали русские области — Свердловская, Вологодская, Архангельская, Московская, Ленинградская... Эти «выборы» еще раз показали антирусскую сущность власти.

* * *

В субботу 10 декабря на Болотной площади митинг собрал не менее 50 тысяч человек. Каратели стояли смиренненько, никого не трогая, а власть молча втянула голову в плечи. Телевизионное руководство решило стечение народа в прямом эфире не освещать. В новостях о митинге было сообщено лишь вечером, когда люди разошлись. И хоть выступали на нём ублюдочные и полинявшие витии типа Немцова и Касьянова, все же собравшийся народ показал, что **он против этой власти**.

Год назад Медведев чванливо обозвал молодежь «теми, кто гадил на Манежной». На этот раз он решил промолчать...

Болотная площадь — это лишь стихийная разминка. Джинн уже выпущен из бутылки.

* * *

Вся «перестройка» и все «демократические реформы» были нужны для того, чтобы страна от *власти партии* пришла к *партии власти*. От партии коммунистических демагогов к партии жуликов и воров. Закономерный и довольно тривиальный путь. Но такой хитроумный и даже невероятный для тех дегенератов, кто не верит в *теорию заговора*.

* * *

Недавно здесь было мною сказано, что Д.Медведев, окончательно уходя из политики, нас еще чем-нибудь удивит. Так и случилось. 23 декабря он огласил в Кремле свое последнее Послание Федеральному собранию РФ, в котором, во-первых, словно в отместку за свой преждевременный уход с политической сцены, вставил Путину две шпильки в виде предложения закона об **избрании** глав субъектов РФ прямым голосованием граждан, отмененного им же четыре года назад, а также закона об упрощенном механизме регистрации партий.

Во-вторых, Медведев *откровенно* и *смело* объявил о «надвигающейся глобальной рецессии» и «мировой депрессии». В связи с этим он не менее смело объяснил нам, неразумным: «...страна должна жить по средствам... иначе под тяжестью внешних долгов может рухнуть вся экономика». Это означает, что нам сказано прямо и недвусмысленно: государственная власть устраняется от облегчения тяжести гос. долгов и перекладывает эту тяжесть на плечи простых граждан. То есть вскоре большинству населения РФ будет еще хуже, чем теперь, а власть не собирается принимать никаких мер для облегчения жизни этого большинства. И теперь та власть, за которую это население в очередной раз проголосовало, может совершенно спокойно сказать: а мы вам ничего хорошего и не обещали...

По ящику показали сериал «Приключения Мишки Япончика». Создатели фильма сентиментально романтизировали образ еврейского бандита Мойши Винницкого, сделав из него еврейского героя, кумира, «короля» одесской гольтыбы. (В «Одесских рассказах» Исаака Бабеля он описан под именем Бенья Крик.) Видимо, большой голод у них, киношников, на еврейских «героев»... То впаривали нам многосерийную «героическую» туфту про шарлатана Мессинга, теперь вот не пожалели денег на местечковые фантазии о «благородном» налетчике и грабителе. А в конце фильма постарались выжать из доверчивых пенсионерок слезу с помощью вранья о его якобы несправедливой и трагической гибели. (В реальности он был расстрелян по приказу красного комдива Ионы Якира за дезертирство с фронта во время боев с Петлюрой. Правой рукой бандита Япончика был Мейер Зайдер, уголовник по кличке Майорчик, застреливший в 1925 году Г.Котовского.) Какое-то патологическое стремление этих киношных продюсеров романтизировать и воспевать душегубов, прохвостов и всяких сомнительных личностей.

24 декабря на проспекте разрушителя Сахарова потерявшие власть оранжисты московского разлива устроили новый митинг под крикливым лозунгом «За честные выборы!» Собралось там не менее 30 тысяч человек — самая что ни на есть разношерстная публика: либеральная интеллигенция, коммунисты, националисты, лимоновцы и т.д. Ну и, конечно, просто зеваки. Но самое смешное заключалось в том, что почти все оранжевые организаторы митинга, вылезавшие с

речами на трибуну, были этой разношерстной публикой ос-
вистаны: Немцов, Касьянов, В.Рыжков, Каспаров, Шенде-
рович, Собчачка и не преминувший сюда прийти Кудрин...
Оказывается, население наше в них давно разобралось, что
стало для них неожиданным откровением...

Казалось бы, лозунг митинга «За честные выборы!» впол-
не справедлив. И вызван он жуткими фактами фальсифика-
ции прошедших в декабре выборов в Госдуму. Но отчего это
вдруг «наши» отставные оранжисты так страстно начали ра-
товать за «честность»? В прошедшее двадцатилетие (особен-
но в 90-е годы), когда многие из них находились у власти или
при «демократической» кормушке, какая-либо «честность»
их волновала меньше всего на свете... А всё потому, что опять
власти захотелось. И не в силах они понять, что время-то их
ушло безвозвратно.

Но кому из нас, русских, нужны эти «честные» выборы в
Думу? И кому из нас нужна сама эта пресловутая Дума? Ка-
кую пользу она принесла нам с вами за 20 с лишним лет сво-
его существования? И сколько антинародных, антисоциаль-
ных, сколько русофобских законов было принято ею за это
время! В том числе — и 282 ст. УК. Даже несмотря на то, что в
этой Думе все годы присутствовали коммунисты.

Наше население с удовольствием избирает в законодатель-
ный орган (словно в насмешку над ним) спортсменов и арти-
стов. То есть тех людей, которые привыкли всё делать и гово-
рить под чью-то диктовку. Для Госдумы это самый надеж-
ный, самый безошибочный контингент. По-польски театр
называется «*позор*». На Руси он когда-то звался *балаганом*, в
котором совместно выступали и спортсмены и артисты. И
любое представление у нас тоже когда-то называлось *позо-
рищем*, а его исполнители звались *позорниками*. Нет, не слу-
чайно их так тянет в Госдуму... Вот и теперь, когда они начи-
нают заниматься не своим делом, оно приобретает свое изна-
чальное значение...

А теперь посмотрим: кому вдруг сильнее всех понадоби-
лись «честные выборы» в это думское позорище?... Немцову,
Касьянову, Кудрину, Собчачке, Шендеровичу...

* * *

27 декабря министр С.Шойгу на пресс-конференции, по-
казанной по ТВ, хвалебно проговорился о том, что в октябре
1993 года он пообещал боевикам Гайдара выдать тысячу ав-
томатов Калашникова. И скорее всего — выдал. А ведь Шой-
гу — единственный, кто остался у власти из членов банды
Ельцина, расстреливавшей народ в 1993-м.

* * *

ВЦИК отказал Б.Миронову и Л.Ивашову в регистрации кандидатами на выборы в качестве народного президента. Но вот куршевельского гастролёра-миллиардера Прохорова — зарегистрировал. Это еще один плевок власти в лицо русских людей. Но кто-то по-прежнему жаждет «честных выборов»...

* * *

29 декабря в доке поселка Росляково Мурманской области подожжена стоявшая на ремонте атомная подводная лодка «Екатеринбург». В этот же день под Волгоградом при заходе на посадку после планового полета взорвался в воздухе бомбардировочный истребитель СУ-24. Два летчика успели катапультироваться. В этот же день в Ленинградской области на Таллинском шоссе грузовик врезался в микроавтобус и легковой автомобиль. Погибли 9 человек и среди них — председатель Союза российских граждан Эстонии, член городского собрания Нарвы Юрий Мишин. И ни в каких СМИ — ни слова о диверсиях. Впрочем, ни слова о диверсиях не было в СМИ и после того, как в течение этого года восемь космических аппаратов не вышли на орбиту и упали на землю.

* * *

В начале декабря по каналу «Россия» в передаче «Специальный корреспондент» был показан видеоролик о крайне неприглядной деятельности Московской городской организации писателей, возглавляемой В.Гусевым и В.Бояриновым. В сюжете ошеломляюще-обнаженно была продемонстрирована коррупционная схема приема в Союз писателей и награждения литературными премиями людей, вообще не имеющих никакого отношения к литературе, — за огромные взятки. Это позорище было показано на всю страну, в Интернете этот видеоролик затем крутился и обсуждался на многих сайтах, а в «Литроссии» по этому поводу вышел материал, в котором всё правление МГО названо зарвавшимися мошенниками, о чем я не раз писал в «Протуберанцах». Однако нынешнее подлое время таково, что подобные мерзкие факты современной жизни, как правило, не имеют никаких последствий. Правление МГО СП РФ в прежнем своем составе с хитрыми ухмылочками **всё так же пребывает на тех же должностях**. Мол, ну покололись... С кем не бывает?..